

Е. Поселянин

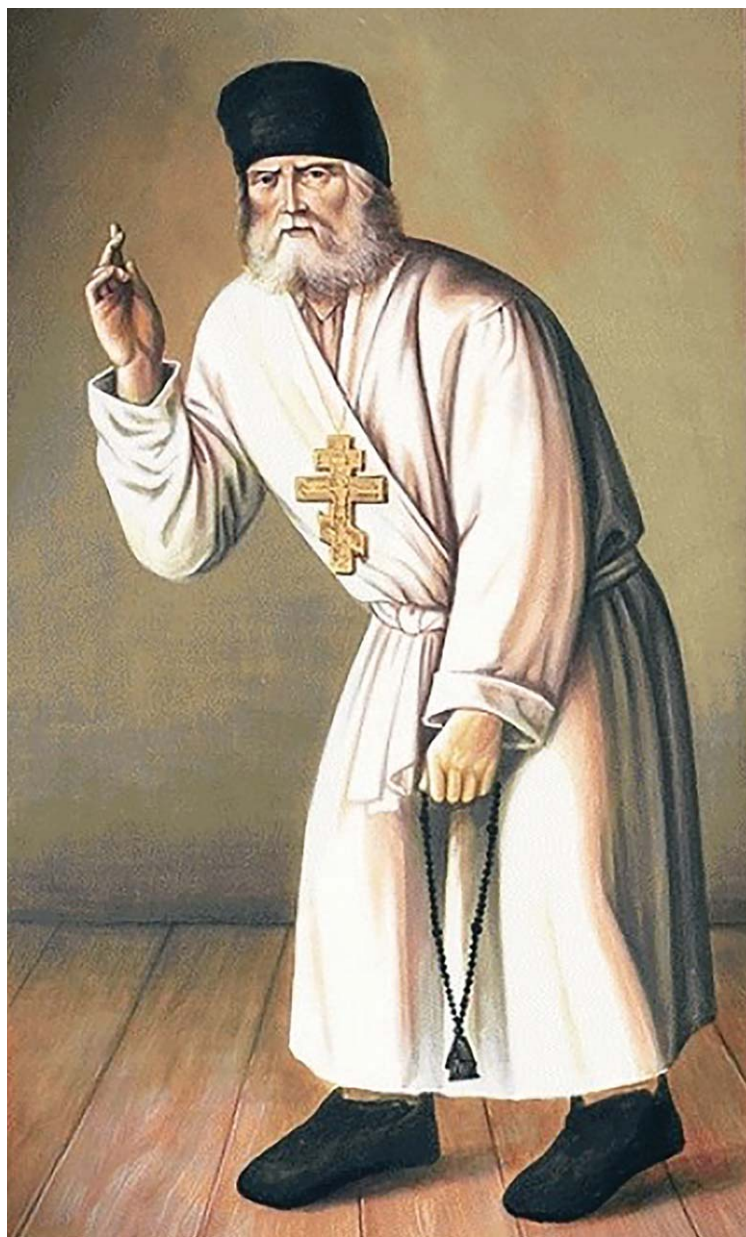

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРАФИМ, САРОВСКИЙ ЧУДОТВОРЕЦ

(С новыми сведениями о старце)

С рисунками в тексте

Великий старец Серафим Саровский

Е. Поселянин

**ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРАФИМ,
САРОВСКИЙ ЧУДОТВОРЕЦ
(С НОВЫМИ СВЕДЕНИЯМИ О СТАРЦЕ)**

С рисунками в тексте

САТИСЪ
Санкт-Петербург
2001

*По благословению
Митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского
ВЛАДИМИРА*

ISBN 5-7868-0089-X

© Издательство «Сатись», оригинал-макет, оформление, 2001

В настоящей книжке собрано то, что написано автором и появилось в разных повременных изданиях со времени первой вести о предстоящем церковном прославлении великого старца Серафима Саровского (т.е. с июля 1902 г.) — до января 1903 года.

По мере сил своих, автор во всех шести статьях, вошедших в состав этого сборника, старался провести одну мысль: о чрезвычайности жизненного подвига старца Серафима, о глубочайшем впечатлении, оставленном им в душе русского народа, — наконец, о безграничной, как бы стихийной, любви, какую старец согревал всякого, кто при жизни шел к нему и какую доселе греет всякого, кто его зовет.

И дай Бог, чтобы страницы этой книжечки, внушенные восторженным преклонением перед лучезарной святыней души отца Серафима, помогли хоть кому-нибудь полюбить дивного старца Серафима, потому что такая любовь не только поможет делу спасения души, но и даст человеку, еще здесь, на земле, ни с чем несравнимые минуты полного, глубокого и безоблачного счастья.

Е. Поселянин.

С.-Петербург, 30-го января 1903 г.

Деяние Святейшего Синода

29-го января 1903 года

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Семьдесят лет тому назад, во 2-й день января 1833 года, в Саровской пустыни мирно отошел ко Господу блаженный старец иеромонах Серафим. Своею высокою истинно-христианскою подвижническою жизнью он еще у современников своих стяжал общую к себе любовь и веру в действенную силу перед Богом его святых молитв, а после его блаженной кончины память о нем, утверждаемая все новыми и новыми знамениями милости Божией, являемыми по вере в его молитвенное предстательство перед Богом за притекающих к нему, широко распространяется в православном русском народе и с глубоким благоговением им читается. Вся жизнь его представляет высоко поучительные образцы истинно-христианского подвижничества, пламенной веры в Бога и самоотверженной любви к ближним. Еще юношею он оставляет родительский дом в г. Курске и, никому неизвестный, приходит в Саровскую обитель. Здесь он начинает жизнь свою с первых степеней послушания и смиренно проходит их, от всех приобретая любовь к себе и уважение за свою кротость и смирение. Восемь лет проходит предварительный искуc в готовности его вступить на путь иноческой жизни и, 13 августа 1786 года, принимает иноческое пострижение с именем Серафима, а через два месяца поставляется в сан иеродиакона. Ограждаемый смирением, отец Серафим восходил от силы в силу в духовной жизни.

Как иеродиакон, он все дни, с утра до вечера, проводил в монастыре, совершая службы, исполняя монастырские правила и послушания, а вечером удалялся в пустынную келию, проводя там ночное время в молитве и рано утром опять являясь в монастырь для исполнения своих обязанностей. 2-го сентября 1793 г. Он рукополагается в сан иеромонаха и с вящею ревностию и усугубленною любовию продолжает подвизаться в духовной жизни. Его более не удовлетворяет, сам по себе для других тяжкий, труд иноческой жизни: молитвы, пост, послушание, нестяжательность. В нем раскрывается жажда высших и высших подвигов. Он покидает монастырское общежитие и удаляется, для подвигов, в одинокую пустынную келию в глухом сосновом Саровском лесу; пятнадцать лет проводит здесь в совершенном уединении, соблюдая строгий пост и непрестанно упражняясь в молитве, чтении слова Божия и телесных трудах. Подражая древним святым столпникам, он, подкрепляемый и утешаемый благодатною помощью, 1000 дней и ночей проводит, стоя на камне, с воздетыми к небу руками, повторяя молитву: «Боже, милостив буди мне грешному». Окончив отшельническую жизнь, он снова приходит в Саровскую обитель и здесь, как бы в гробе, заключается в затвор на 15 лет, причем на первые 5 лет налагает на себя обет молчания. Весь осиянный благодатию Святого Духа через непрестанное молитвенное возношение ума и сердца к Богу, он неоднократно удостоивался видений из горнего мира. Созревши в духовной жизни, он, уже старец, всего себя посвящает на деятельное служение ближним. И богатые, и бедные, и знатные, и простые ежедневно тысячами стекались к его келии и, падая ниц перед согбенным старцем, открывали тайны своей совести, поверяли свои скорби и нужды и принимали с искреннею любовию и благодарностию каждое его слово. Всех он встречал с любовию и радостью, называя при этом: «Батюшка мой, матушка моя, радость моя». Всех благословлял, поучал, назидал; многих исповедывал; больных исцелял; многим давал лобызать висевшее у него на груди медное распятие, — его материнское благословение, или святую икону, стоявшую у него на столе, иным давал в благословение антидору

или святой воды, или сухариков, другим начертывал на челе знамение креста елеем из лампады, некоторых обнимал и лобызал с приветствием: «Христос воскрес». Духовная радость проникала старца на -столько, что его никогда не видели печальным или унывающим, и это радостное настроение духа он старался передавать и другим. Из добродетелей христианских его более всего украшали кротость и незлобие, крайнее смирение и нестяжательность. Совершив свое земное поприще, чистый душою, смиренный и любвеобильный старец тихо и мирно почил о Господе, стоя на коленях перед иконою Божией Матери Умиления, с поникшею главою и руками, приложенными к персям. После его блаженного в Господе успения, память о его высоком подвижническом житии не только не ослабевает, но постоянно все более и более возрастает и утверждается среди православного народа русского во всех его сословиях. Православный народ в глубине сердца чтит блаженного старца истинным угодником Божиим и верует, что и по отшествии своем из сего мира он не оставляет своим предстательством перед Господом всех притекающих к нему. И Господь Бог, дивный и славный во святых Своих, благоволил явить молитвенным предстательством отца Серафима многие чудесные знамения и исцеления. Вполне разделяя веру народную в святость приснопамятного старца Серафима, Святейший Синод неоднократно признавал необходимым приступить к должным распоряжениям о прославлении праведного старца.

В 1895 году преосвященным Тамбовским было представлено в Святейший Синод произведенное особою комиссиею расследование о чудесных знамениях и исцелениях, явленных по молитвам отца Серафима с верою просившим его помощи. Расследование это, начатое комиссиею 3-го февраля 1892 года, окончено было в августе 1894 года и производилось в 28 епархиях Европейской России и Сибири. Всех случаев благодатной помощи по молитвам старца Серафима было обследовано комиссиею 94, причем большая часть их была достаточно удостоверена надлежащими свидетельскими показаниями. Но указанное число случаев благодатной помощи по молитвам старца являлось далеко не соответст-

вующим их действительному числу: в архиве Саровской обители, по свидетельству названной комиссии, сохраняются сотни писем от разных лиц с заявлениями о полученных ими благодеяниях через молитвенное обращение к старцу Серафиму. Так как эти заявления оставались не только не обследованными, но и нигде не записанными, то Святейший Синод поручил преосвященному Тамбовскому предписать настоятелю Саровской пустыни собрать и записать сведения о наиболее замечательных случаях благодатной помощи по молитвам старца, не бывших доселе записанными, и на будущее время тщательно вести запись всех могущих быть новых чудесных знамений по молитвам отца Серафима. После сего преосвященным Тамбовским дважды, в начале и конце 1897 года, представлялись в Святейший Синод собрания копий письменных заявлений разных лиц о чудесных знамениях и исцелениях, совершившихся по молитвам отца Серафима. Не находя еще тогда благовременным приступать к окончательному суждению о прославлении Саровского подвижника, по поводу упомянутых представлений преосвященного Тамбовского, Святейший Синод дважды подтверждал настоятелю Саровской пустыни продолжать вести запись могущих быть новых чудесных знамений по молитвам старца. В минувшем 1902 году, 19 июля, в день рождения старца Серафима, Его императорскому величеству благоугодно было вспомнить и молитвенные подвиги почившего и всенародное к памяти его усердие, и выразить желание, дабы доведено было до конца начатое уже в Святейшем Синоде дело о прославлении благоговейного старца.

Святейший Синод, рассмотрев во всей подробности и со всевозможным тщанием обстоятельства сего важного дела, нашел, что многочисленные случаи благодатной помощи по молитвам старца Серафима, обследованные надлежащим образом, не представляют никакого сомнения в своей достоверности и по свойству их принадлежат к событиям, являющим чудодейственную силу Божию, ходатайством и заступлением о. Серафима изливаемую на тех, кои с верою и молитвою прибегают в своих душевных и телесных недугах к его благодатному предстательству. Вместе

с сим Синод, желая, чтобы и всечестные останки приснопамятного старца Серафима были предметом благоговейного чествования от всех притекающих к его молитвенному предстательству, поручил преосвященному митрополиту Московскому произвести их освидетельствование. 11-го января сего года митрополит Димитрий и Нижегородский Назарий, присоединив к себе Суздальского архимандрита Серафима и прокурора Московской Синодальной Конторы князя Ширинского-Шихматова и еще четырех духовных лиц, произвели подробное освидетельствование гроба и самых останков отца Серафима, о чем и составлен ими особый акт за собственноручною всех подписью. Посему Святейший Синод, в полном убеждении в истинности и достоверности чудес, по молитвам старца Серафима совершающихся, воздав хвалу дивному во святых Своих Господу Богу, присно благодееющему твердой в праотеческом православии Российской державе, и ныне, во дни благословенного царствования благочестивейшего Государя Императора Николая Александровича, как древле, благоволившему явить прославлением сего благочестия подвижника новое и великое знамение своих благодеяний к православному народу русскому, подносил Его Императорскому Величеству всеподданнейший доклад, в котором изложил следующее свое решение: 1) благоговейного старца Серафима, почивающего в Саровской пустыни, признать в лике святых, благодатию Божиею прославленных, а всечестные останки его — святыми мощами и положить оные в особо уготованную усердием Его Императорского Величества гробницу для поклонения и чествования от притекающих к нему с молитвою, 2) службу преподобному отцу Серафиму составить особую, а до времени составления таковой, после дня прославления памяти его, отправлять ему службу общую преподобным, память же его праздновать как в день преставления его, 2-го января, так и в день открытия святых его мощей, и 3) объявить о сем во всенародное известие от Святейшего Синода.

При докладе сем представлены были на Монаршее усмотрение подлинный акт освидетельствования всечестных останков отца Серафима и краткое описание случаев чудодейственной помощи

его прибегавшим к его заступлению. На всеподданнейшем докладе о сем Святейшего Синода, Государь Император, в 26-й день января сего года, соизволил собственноручно начертать: «Прочел с чувством истинной радости и глубокого умиления».

Выслушав сии всемилостивейшие слова, Святейший Синод, по определению, от 29-го января 1903 года, постановил поручить преосвященному Антонию, митрополиту С.— Петербургскому и Ладожскому, совместно с преосвященными Тамбовским и Нижегородским, совершить, в 19-й день июля текущего года, торжественное открытие мощей преподобного Серафима, Саровского чудотворца.

Святейший Синод возвещает о сем благочестивым сынам православной церкви, да купно с ним воздадут славу и благодарение Господу тако изволившему, и да примут сие явление нового заступника и чудотворца, яко новое небесное благословение на царствование Августейшего Монарха нашего, подъемлющего неусыпные труды ко благу православного народа русского и своею Царскою любовью и попечением объемлющего всех своих верно-подданных всякого звания и состояния.

Весть о прославлении старца Серафима Саровского

I

Итак, это долгожданное событие близко...

В скором времени, в великой, незаходимой славе промчится по России, по всему православному миру, по всему — может быть — христианству имя отца Серафима.

И трудно передаваемые впечатления восторга, умиления, счастья, радостного ожидания переживают те, кто привыкли уже давно любить и чтить его, считать его дивным чудотворцем.

Да, отец Серафим, о котором еще так мало знает наше образованное общество, был одним из самых замечательных людей не только XVIII и XIX веков, которые он озарил сиянием своей праведной души, но и всех веков христианства.

Возьмите время расцвета подвигов наиболее высоких в аскетизме великих египетских отцов, прибавьте к этому ту глубокую задушевность, какую отмечены в большинстве случаев личности наших преподобных; представьте себе человека, уже на земле живущего как бы вне плоти, небесною жизнью; человека, для которого уже как бы упразднились условия, связывающие других людей, — которому возвращены все те дары, что при конце мироздания обильно были уделены Богом первому, богоподобному, человеку; представьте себе человека, словом одним исцеляющего застарелые, тяжкие недуги, человека, перед взором которого одинаково обнажено неведомое будущее и сокровенное

прошлое, которого видят то ходящим над землею, то поднимающимся на воздух во время молитвы, как некогда Мария Египетская в пустыне. Представьте душу, сжигаемую огнем любви Божественной и в то же время расширяемую самым безграничным, греющим, трогательным сочувствием к людям; душу, возвышавшуюся еще на земле до созерцания самых великих тайн Божества, какие лучшим и праведнейшим людям откроются лишь за заветную гранью, в иной жизни; представьте человека, для которого мир надземный был родным, своим; к которому, окруженная несказанною славой, Владычица мира сходила для беседы, как с близким человеком; одним словом, представьте себе спустившееся на землю торжествующее небо, воплотившуюся самую смелую, дерзновенную мечту о том, как далеко в земных условиях может пойти победа духа; представьте себе слетевшего к людям, на утешение им «пламенного» серафима, представьте себе высшее, совершеннейшее прекраснейшее выражение того сложного понятия, какое определяется словом «святой», — и вы получите приблизительный намек на то, чем был здесь, на земле, отец Серафим.

О, как отраднo и легко его любить! И как сам он деятельно и легко любил!

Одно из величайших утешений для живущих в Церкви заключается в том, что они находятся в живом общении со светлым сонмом святых. Им молятся, им открывают душу. И святые внемлют их молитвам, откликаются на них. Сознательно и тепло верующий христианин поймет, что к каждому из святых, для него близких, у него особое, личное отношение. У всякого святого свои дары, свои способы проявлять свое попечение о тех, кто зовет их. Как эти выдающиеся люди при земной жизни своей имели каждый ярко-очерченную, цельную и отличную от других личность, как и в новом виде своего бытия все особенности их личностей столь же ярки. И именно сила этих личностей, воздействие их на верующих, размер, так сказать, проявляемой ими заботы о верующих и вызывает ту или другую форму почитания их, то или другое напряжение усердия к ним.

Ведь самое прославление святых начинается с того, что они видимым, осязательным образом, проявляют «жизнь свою по смерти», являясь к людям с помощью, утешением и исцелением, причем одни из этих людей чтили и призывали их, другие же ничего и не слышали о них.

И вот, в этих явлениях их, в тех словах любви и милосердия, которые они произносят,— познается характер святых, причем впечатление от этих действий их, перешедших в мир бесплотный, усиливается и как бы сливается со впечатлением, произведенным их жизнью.

II

Земными подвигами своими отец Серафим оставил по себе неуявляемую память безграничной духовной крепости. Трудно назвать хоть кого-нибудь, кто бы мог сравниться с отцом Серафимом в его трудах: трудно назвать кого-нибудь не только из современников его, но и вообще из всех известных святых. Он один понес на себе труды пустынножительства, затворничества, старчества. Его кротость умиляла до слез приходивших к нему. Смирению его не было границ. Всякого посетителя, богатого барина и нищего, праведника и грешника, изболевшего грехами, он целовал, кланялся до земли и, благословляя, целовал ему руки. Речи его дышали проникающею, тихою, живительною властью. Они согревали заглодевшие в жизни сердца, снимали завесу с глаз, озаряли ум, приводили к раскаянию и, чудною силой охватывая разум и волю, осеняли душу человека тишиной. Целым откровением, живым и мощным доказательством бытия духовного мира, был ясный, покоряющий вид его, как яркий луч солнца, засиявший в темноте жизни.

Толпы народа неотступно притекали к старцу в последние годы его жизни, когда в некоторые дни число посетителей его доходило до 2 000 в сутки. Заживо народ признал его святым и чудотворцем. А этот истинный последователь Христов до последних дней до того угнетал себя вольными страданиями, что без ужаса нельзя было смотреть на его жизнь, без ужаса нельзя и теперь вспомнить о муке его.

Он был гениальный человек, с ясным, метким, широким, основательным умом, счастливою памятью, творческим, живым воображением. Это был великий дух, в тонком, необыкновенно прекрасном теле.

Современники радовались на него и утешались им.

Известный жизнью своею, игумен Глинской пустыни Филарет, в день кончины отца Серафима, выходя с братиею от утрени, указал братии на необыкновенный свет, видимый в небе, и произнес: «Вот, так отходят души праведных. Ныне в Сарове душа отца Серафима возносится на небо».

Вскоре после кончины отца Серафима, известный высокою жизнью своею, один из наиболее выдающихся подвижников XIX века, архиепископ Воронежский Антоний говорил:

«Мы как копеечные свечи. А он как пудовая свеча всегда горит перед Господом как прошедшею свою жизнь на земле, так и настоящим дерзновением перед Святою Троицею».

Кончилось для него земное странствование. Настала небесная слава. И что же, в каком образе предстает он теперь людям?.. Та же кротость, та же любовь. Тем же ласковым словом зовет он людей, как звал их на земле: «радость моя!»

— Я пришел навестить своих нищих. Давно здесь не был, — говорил он в 1858 г., явившись для исцеления Дивеевской инокини Евдокии.

— Радость моя, — говорит он, явившись Саратовскому монаху, впавшему в уныние: я всегда с тобою. Мужайся, не унывай!

Вот он является во сне Шатской (город Шацк) купчихе Петаковской, знавшей его при жизни, и говорит: «В ночь воры подломили лавку твоего сына. Но я взял метелку и стал мести около лавки, и они ушли».

— Сын твой выздоровеет и испытание в науках выдержит! — говорит он, явившись во сне в 1864 году в Петербурге госпоже Сабаньевой, у которой сын заболел перед экзаменом в Горный институт.

— Что ты все плачешь, — говорит он монахине Понетаевского монастыря Афанасии, придя к ней в белом балахончике и ками-

лавке и севши на постели больной,— что все плачешь, радость моя... Все те спасутся, которые призывают имя мое!

— Простая и добросердечная! — говорит он одной знатной, тяжело больной барыне, войдя к ней неожиданно ночью, с открытою головой, в белом балахончике, с медным крестом на груди.

— Мир дому сему и благословение! — говорит он в 1865 году перед Рождеством, входя, в виде безызвестного, седого, согбенного странника, в дом г-жи Бар., где, по обычаю, раздавали пособия нуждающимся.

— Ты за подаванием? — спрашивает его раздатчица.

— Нет, не затем. Мне ничего не надо. А только видеть вашу хозяйку и сказать ей два слова.

— Хозяйки нет дома. Что передать, скажи нам?

— Нет, мне надо самому.

Одна из прислуги шепнула другой:

«Что ему тут? Пусть идет — может, бродяга какой».

А старичек сказал:

— Когда будет хозяйка, я зайду, я скоро зайду, — и вышел.

Стало тогда раздатчице жаль старика, и она бросилась за ним на крыльцо. Но он исчез. От хозяйки это все скрыли. Подозрительной же слуге кто-то сказал во сне: «Ты напрасно говорила: у вас был не бродяга, а великий старец Божий».

На следующее утро г-жа Бар. получила с почты изображение чтимого ею отца Серафима. В этом изображении те, кто говорил накануне со старичком, узнали этого старичка.

Во все отношения свои к людям что-то бесконечно нежное, заботливое, материнское вкладывает отец Серафим, и эти сокровища сочувствия, эту безграничную отзывчивость уловит, отгадает в нем всякое верующее сердце, и привяжется к нему, насколько можно только привязаться.

Теперь отец Серафим станет широко известным, и все то, что таилось в нем, сравнительно, для немногих: для тысяч, десятков тысяч, — распространится и обнаружится на миллионы русских людей. И едва ли ошибочно будет сказать, что в привязанностях, в усердии народа отец Серафим займет одно из первых мест.

Конечно, он не имеет для России того великого политического значения, которым отмечена прижизненная и загробная деятельность величайшего из наших святых, игумена нашей земли, пребодобного Сергия Радонежского.

Но, как скорый помощник и покровитель, как надежда отчаивающихся, как неиссякаемый источник благодетаний, он, быть может, станет впоследствии известен повсюду — на Руси и в чужих краях — не менее, чем чтимый, согласно и трогательно не только всеми христианами всех исповеданий, даже отмечающими, как лютеране, святых, но и магометанами, язычниками — Николай чудотворец.

III

Много величавых подвижников выставил из среды своей русский народ; и все то, что они на своем веку сделали, представляет собой изумительно-разнообразную сокровищницу нравственного богатства русского племени. И среди этих дивных людей все же довольно одиноким, довольно исключительным по мере трудов своих, по вдохновению своему, по достигнутой им — и очень еще мало кем — степени духовных вершин, стоит старец Серафим. И человеку, много думавшему над жизнями святых, искавшему и в дальних, и в недавних веках следов сильных духовных настроений в русском быте, остается лишь трепетно изумляться отцу Серафиму. Ум немеет, сердце смущенно и радостно замирает, когда вдумываешься в его жизнь и, вдумываясь, видишь, куда благодать может вознести человеческое естество.

Уже высказав мысль о том, что старцу Серафиму не принадлежала и едва ли будет принадлежать та политическая роль, какую играли, например, в древности преп. Сергий и святители Петр, Алексий, Филипп, Гермоген, в новейшее время митрополит Московский Филарет, остается добавить, что, как святой, действующий не разом на весь народ, повертывая жизнь историческую в то или иное русло, а на отдельные личности, — он будет иметь громадное значение.

Все, что человек ищет в человеке (а ведь и к святым мы обращаемся, лишь, как к самым лучшим, добрым, чутким и сильным

людям), все, чего не достает нам в живых людях, — все то совершенство любви и заботы, и ласки найдет в нем всякий, кто уверует в отца Серафима, или кого он заставит уверовать в себя. Он на все откликнется, он все поймет и предусмотрит.

Как много говорит это слово «все». Ведь это «все» есть главное отличие явлений больших от огромных, исключительных, чрезвычайных талантов от гениев.

Лира Пушкина, на все отзывавшегося, все вместившего и понявшего, и Лермонтов, о котором нельзя произнести это «все». Шекспир и Гете, на все откликнувшиеся, так что нет, кажется, ни одного порядка чувств, ими не проникнутого, — и Шиллер, и Мольер, о которых этого сказать нельзя.

Так и отец Серафим — безграничный, в своем сердце, как те великие, в их области, вместившие в себе всю широту жизни; так и он, обнявший сочувствием своим весь безконечный мир горя и страдания людского и несущий ему все необъятное величие своей любви.

Да, благодатная волна, что надвинется скоро на Русскую землю, собирается, скапливается теперь в Сарове. Какие неисчислимые тайны благодеяний, помощи, исцелений польются от гроба с мощами старца, — от гроба, придавленного теперь тяжелым, неуклюжим памятником, и вскоре откроющегося всенародно.

От силы и свежести этой волны всколыхнется, подымется Русская земля...

И как прекрасна ты, Русь, когда, полная одним чувством, согласно подымаешься ты, когда все наносное, временное спадает с тебя, и стоишь ты, единственная, несравненная, в своей истинной сущности. И эти эпохи подъема твоего духа — как бы сторожевые столпы на многотрудном пути твоей истории...

Вот и теперь, когда умножились в тебе беззакония, охватила тебя душевная смута, еще раз прозвучит тебе в тех дивных явлениях, которые теперь готовятся, любящий призыв Божий.

Заслышав его, поймешь ли ты, что только в старых путях — в смирении и вере — лежит твое спасение и твоя судьба?..

Да, на предстоящее прославление отца Серафима, которое, как то внушает вера в величие старца, будет сопровождаться изумительными знаменами, нельзя смотреть иначе, как на новый призыв Божий.

Сколько религиозных сомнений в нашем обществе, как нуждается оно в чрезвычайных способах для того, чтобы поверить хоть «видевши»...

Ведь много людей жаждут веры — и не могут развить ее в себе. Сколько раз в беседах с такими людьми, надеясь на всепобеждающую, над всем торжествующую благодать Божию, приходилось заранее убеждать их ехать на открытие мощей отца Серафима, которое ожидалось верующими давно и с нетерпением. Конечно, там не будет ни отрицанья, ни сомнений.

А потом в наши дни современным исстрадавшимся людям так нужны такие чудотворцы.

Жизнь становится все суровой и холодней; каждый все больше думает о себе, все более ограничивая сферу своих сочувствий.

Все болезненнее и болезненнее стон, несущийся к небу из стесненных жизнью грудей, и неутоленная жажда сочувствия, отклика, помощи все сильнее мучит человечество.

И вот забьет новый, могучий источник сострадания и утешения.

Слезы навертываются на глаза, когда подумаешь о том, что переживают теперь верные дети отца Серафима.

Эти, например, трогательные сестры Дивеевские, у которых один придел в их великолепном соборе стоит неосвященным, ожидая, когда его можно будет освятить во имя отца Серафима.

Что чувствуют те, кто чтит отца Серафима с любовью, как бы утеснявшую сердце, вырывавшуюся в пламенных прославлениях, в ласкательных восклицаниях к великому старцу! А такую любовью любили его многие. Какое же будет им счастье, когда придет светлый день прославления отца Серафима.

Несколько лет тому назад, на этих страницах, делаясь впечатлениями поездки в Саров и Дивеев, пишущий эти строки говорил приблизительно так:

«Счастлив тот, кто теперь, прежде чем имя отца Серафима промчалось по Руси с трубным гласом, посетит Саров и Дивеев, пока тиха еще пустыня, пока не оглушают ее свистки поездов, переполненных спешащими на поклон богомольцами. Счастлив, кто теперь уверует в отца Серафима, не видев еще всей славы его — вера, которую Христос ублажил — и с усердием послужит ему».

Теперь эта возможность миновала. Саров становится общенародною святыней. К нему, отстоявшему на 100 слишком верст от железнодорожной сети, придвинулись железнодорожные, пути. И по всей Руси скоро огласится имя старца.

И, вместе с ликованием, какая-то странная, сложная грусть закрадывается в тех, кто давно уже раньше с восторгом любил и поклонялся отцу Серафиму.

Грусть эта похожа на странное чувство, когда что-нибудь очень близкое, кровное, дорогое становится всеобщим достоянием.

Так в тайне грустит автор над успехом выброшенной в большую публику книги своей, в которую вложил всю душу, — грустит, вспоминая уединенные часы мук и восторгов творчества.

Так грустит отец при громе славы сына, ибо тогда нарушена тайна того исключительного чувства, того одинокого сознания и крепкой лишь самой собою веры, в которой столько теплоты и отрады.

Но, что говорить об этих трудно уловимых оттенках чувства, когда в общем, так безмерно светло и радостно, когда душе открылась область безоблачного, самого напряженного счастья!..

Жизненный подвиг старца Серафима Саровского

В непродолжительном времени взоры всей верующей России будут привлечены к укрывшейся среди темного громадного соснового бора Саровской пустыни. Великое произойдет там торжество — прославление дивного старца Серафима, которого давно уже святым и чудотворцем нарекла народная молва.

И на этот раз сбылась мудрая пословица народная — «Глас народа — глас Божий». Великое усердие православных людей к памя-

ти старца обратило на себя особое внимание Венценосного Вождя русского народа, который, как сказано в появившемся о том правительственном сообщении, «разделяет веру народную в святость старца Серафима и его предстательство перед Богом за притекающих к нему с молитвою». Настал благословенный и всерадостный для чтущих память старца, день 19 июля 1902 года — и Государю Императору в эту 142-ю годовщину рождения отца Серафима «благоугодно было воспамянуть и молитвенные подвиги почившего и всенародное к памяти его усердие, и выразить желание, дабы доведено было до конца, начатое уже в Святейшем Синоде дело о прославлении благоговейного старца».

Прославление отца Серафима будет одним из радостнейших событий, которые когда-либо переживала православная русская церковь, потому что, как то видно из жизни старца на земле и из явлений и дел его после блаженной его кончины, велика сила молитв его перед Господом, велико дерзновение его перед престолом Божиим.

Ум человека, много читавшего и вдумывавшегося в жития святых церкви, немеет перед сказанием о жизни и подвигах старца Серафима; при воспоминании о нем благоговейный трепет, трудно передаваемый восторг переполняют душу. Те, кто пристально читали и размышляли над жизнью отца Серафима любят его, чтут его с каким-то особенным пылом. Это чувство как бы теснит сердце, вырываясь в громких хвалах великому, дивному старцу.

Он был как небожитель, залетевший на нашу грешную землю; светлый, яркий, греющий луч света, посланный в мрак житейский Отцом и Источником света. Он воистинну, «взыскав Бога и Творца всяческих, возлетел превыше видимой твари». Редко в ком сила духовности доходила до такой отрешенности от всего мирского и до столь ясного обнаружения. Редко в ком плоть и все земное до того утончилось, упразднилось. Редко в ком победа духа самая совершенная, самая торжествующая, пошла так далеко. Он точно не жил на земле, а лишь соприкасался с ней. Над его земным образом точно слышно биение белоснежных крыльев, готовых всякую минуту унести его в высь, для величайших мо-

литвенных откровений, для светейших созерцаний духовных, для видения обителей райских.

Редко кто показал такую ревность о Боге, ревность, сжигающую все существо человека, внушающую ему тяжелейшие подвиги. Редко на ком полнее, изумительнее оправдалось Божие избрание, редко кто сумел стать столь верным и угодным сыном и другом Божиим. То был один, ни разу не ослабевший, ни разу не сдавшийся в напряжении своем порыв к Богу: и чем дальше, тем напряженнее. Одни лишения, одни страдания пожелал узнать он на земле, и, чем ближе приближался к заветной грани, тем больше искал страдания, так что в последние годы его жизни без ужаса нельзя было взирать на его быт. О, как посрамил он лютого, исконного врага нашего спасения! Если многих погубил этот человеконенавистник, то у отца Серафима он не мог вырвать из под ног ни одной почвы, и в этой страшной роковой борьбе старец покрыл его вечным позором. А какое едва ли когда виданное откровение любви к людям явил старец! Он весь как бы трепетал этой любовью, этой безграничной силой сочувствия и сострадания. Она сияла в его глазах, звучала в тех ласковых нежных словах и обращениях его к людям. Так умирительно тепло звал он всех: «Радость моя».

«Радость моя» — точно слышится и теперь от его могилы; точно стоит, навсегда оставшись неизгладимым в воздухе мест, освященных присутствием святой его души, это драгоценное слово — «Радость моя!» И верится, что неисчислимые сокровища благодати и радостей прольются на верующих людей при прославлении отца Серафима. Уже и теперь точно тот покров горя и страдания, что обычно заволакивает собою жизнь — точно покров этот исчез и что-то светлое проникло всю жизнь. На душе так светло, так хорошо и надежно, как не было, кажется, еще никогда: разве в раннем детстве.

Только и можешь думать, и думать, что о нем. Засыпая ночью, все твердишь: «Отец Серафим прославляется». Поутру, просыпаясь, первая мысль, мелькающая в голове, еще не стряхнувшей сон: «Отец Серафим прославляется». И все вокруг: люди,

Преподобный Серафим

события, вещи точно просветлели. Какими-то новыми глазами смотришь на мир, чувствуя невольно, независимо от тебя, происходящую в тебе какую-то таинственную работу духовного обновления. И невольно сознаешь, что все это происходит от той причины, которую можно выразить тремя словами: «Отец Серафим прославляется». И как хочется вспоминать, говорить, слышать, писать о нем, хочется выйти на народ и возглашать его имя: «Знаете ли, какое великое ждет вас счастье — бегите к благодатному новому источнику, просите, зовите его, требуйте помощи — он всех услышит, он всем вымолвит нужное для жизни и для спасения!»

Как необыкновенна была жизнь старца Серафима, читая о которой следует отрешиться от многих наших обычных земных понятий и стараться представить себе человека, до такой степени переродившегося под влиянием благодати, что многие из земных ограничений для него не существуют: так же необыкновенно и происхождение той Саровской пустыни, которая была свидетельницей подвигов отца Серафима.

Местность, где расположен нынешний Саров, была издавна населена народом финского племени, мордвою. Доселе сохранились там курганы — мордовские могилы и встречаются остатки их сооружений, в виде ям и углублений в почве. Племя это до нашествия татар платило дань Рязанским и Владимирским князьям. Очень вероятно, что на той горе, где возвышается теперь Саров, был русский сторожевой пост. Эта вероятность доказывается нахождением крестов в земле, на верху горы, когда основывалась Саровская пустынь.

В 1298 году татары покорили это место под предводительством Ширинского князя Бехмета. И, вероятно, тогда же построен был на месте теперешнего монастыря, на горе между речками Сатисом и Саровкой, татарский город Сараклыч. Он назывался «царственнейшим» городом, занимал значительное пространство и был сильно укреплен. Четыре части его, окруженные отовсюду реками или глубокими рвами и высоким валом, обороняли друг друга. Часто бывали здесь битвы с окрестным населением, и пер-

вые монахи находили здесь в земле стрелы, сабли, копья и много человеческих костей.

Девяносто лет сидели здесь татары. Наконец, теснимые местным населением, которое после Куликовской победы Дмитрия Донского, уже не считало татар непобедимыми, они должны были удалиться за речку Мокшу, где постепенно рассеялись по разным селениям.

Стольный город Сараклыч стал приходить в запустение. Он зарос лесом, заселился дикими зверями. Мало-помалу оживленное некогда место города превратилось в дремучий бор и исчезла память о тех, кто тут жил. На то, что здесь когда-то стоял город, указывало только имя, данное этому месту жителями: «Старое Городище».

В сказании о Сарове говорится так о превращении бывшего тут города в пустыню: «Лес великий, и древа, дубы и сосны, и прочие поросли, и в том лесу живуще многие звери — медведи, рыси, лоси, лисицы, куницы; а по речкам Сатису и Сарову — бобры и выдры. И место то не знаемо бысть от человек, кроме бортников — мордвы». Триста лет ни одна душа не жила в этом месте.

В 1664 году пришел сюда Пензенский инок Феодосий и, поставив келью на валу бывшего города, стал тут подвизаться. Иногда он ходил проповедывать слово Божие жителям ближайшего села Кременка и передавал им о необыкновенных явлениях, которых он был свидетелем. Не раз по ночам он видел небо как бы раскрывшимся; оттуда являлся свет, озарявший всю гору. Иногда сходил сверху огненный луч, иногда слышался громкий благовест многих колоколов. Все это утверждало Феодосия в мысли, что этому месту суждена великая будущность. Феодосию не пришлось кончить жизнь в «Старом Городище». Живший здесь после него инок Герасим был тоже свидетелем разных знамений. Стоя на молитве в праздник Благовещения, он услышал такой сильный звон, что гора, казалось, колебалась от него, и с тех пор этот звон слышался ему часто. «Мню, яко место сие свято», — говорил старец.

Привлеченные молвою об этом необыкновенном звоне, полагая, по суеверию, что это явление означает присутствие на том

месте клада, несколько крестьян села Кременка стали рыть почву. Клада они не отыскиали, но нашли шесть четвероконечных деревянных крестов и один медный.

По уходе старца Герасима, лет десять или более место это опять было необитаемо, а окрестные крестьяне одни были свидетелями знамений, не прекращавшихся на «Старом Городище». То при ясной погоде слышался там гром, то доносился колокольный трезвон. Суеверные жители продолжали тщетно искать в горе кладов. А место было все пустынным, пока не пришел человек, избранный Богом, чтоб заселить его, первоначальник Сарова, иеромонах Иоанн.

Сын причетника с. Красного, Арзамасского уезда, он с детства привязался к храму, помогая отцу и подпевая ему на клиросе. Чтение духовных книг, житий святых и некоторые благодатные видения понудили его принять иночество. Услыхав о горе между речками Сатисом и Саровкой, в дремучих Темниковских лесах, как о месте, удобном для отшельничества, подвижник отправился туда и обошел все «Старое Городище». Красота этого места — непроходимая глушь, суровая дикость, совершенное безлюдье, величественная тишина этой таинственной горы — все произвело глубочайшее впечатление на молодого восторженного инокa.

Он водрузил здесь крест и через несколько времени пришел, чтобы окончательно поселиться тут. Тяжела жизнь пустытника и полна искушений от врага спасения. Чтоб укрепить душу постоянною памятью о смерти, подвижник стал рыть в горе пещеру, как символ гроба. Впоследствии, когда образовалась пустынь, эти пещеры были расширены и устроена в них церковь во имя первых русских иноков, преподобных Антония и Феодосия Киево-Печерских. Время от времени присоединялись к отшельнику товарищи, но скоро уходили от него, и он оставался терпеть один. Было бы долго останавливаться на описании многообразных бед, гонений, перенесенных первоначальником Саровским. Скажем только, что в 1706 году совершилось событие, положившее начало возникновению Саровской пустыни, именно построение первого храма.

28-го апреля его заложили на горе, к 16 мая уже воздвигнуты были стены, заложена кровля. 17-го решили воздвигнуть на храме крест. В ночь на 17-е на горе раздался громкий колокольный звон. Между тем ни одного колокола не было. Перед полуднем 17-го мая кровельный мастер доканчивал отделку главы, а остальные рабочие работали внутри храма. Вдруг в полдень всех осветил необыкновенный свет, раздался трезвон многих колоколов и продолжался около часу.

К торжеству освящения собрались тысячи народа. Опять на столь долго остававшемся безмолвном месте бойкого города Сараклыча кипела жизнь. Но не для битвы и не в воинских доспехах сходилась сюда народ, а для молитвы,нося с собой церковную утварь, ризы, иконы в жертву новому храму. Накануне была отслужена всенощная и среди ясного летнего вечера впервые в этих местах раздался уже не чудесный звон невидимых колоколов, а тихий благовест церковного колокола. Услыхав о построении церкви, многие иноки стали проситься к о. Иоанну принять их в общежитие. Для того, чтоб обеспечить порядок в жизни иноков, о. Иоанн написал доселе строго соблюдаемый в пустыни «устав общежительный», который свидетельствует и о великом духовном опыте старца, и о практической его мудрости.

7-го июля 1706 года первоначальник Саровский созвал на совет всю братию, и, по единодушному согласию, братия положила следующее решение — приговор, тогда же записанный:

«В сей Сатисо-Градо-Саровской пустыни, у святой церкви Пресвятой Богородицы Живоносного Ее источника быть общежительному пребыванию монахов... И положихом, по свидетельству и преданию святых апостол и святых отец, чин — устав общего жития. И отныне нам здесь всем живущим монахам и сущим по нас настоятелем и братиям держать и хранить безотложно, дондеже благоволением Божиим обитель сия будет стоять».

Правила Саровского общежития — самые строгие, в духе древне-христианских общежительных монастырей. Так, например, исключена всякая собственность, запрещено есть вне трапезы. О. Иоанну удалось обеспечить пустынь земельными угодьями.

Он воздвиг в обители еще две церкви, перенес все келии на гору, устроил ограду и гостиницу для приезжих. Он надеялся вместо деревянных поставить каменные церкви и начал заготавливать кирпичи. Но лишь преемникам его пришлось совершить дело созидания великолепных Саровских соборов.

Число братии в 1733 году было 36 человек. Быт в пустыни был суровый. Все нужное для жизни приобреталось трудами братии. Сами возделывали землю, сеяли хлеб, на жерновах мололи муку. Занимались токарным и столярным делом, шили одежду, плели лапти, служившие обычною обувью. Зимой носили нагольные тулупы, летом балахоны из крашенины или из сурового холста. Единственным лакомством братии в праздничные дни служил настой из малины и мяты, который пили с медом.

Первоначальник Саровский о. Иоанн, по старости сложивший с себя обязанности начальника-строителя, кончил жизнь в изгнании.

То были печальные годы царствования императрицы Анны Иоанновны. Постоянно по малейшему поводу возникали обвинения в политической измене, и раз заподозренный пропадал для жизни: он томился в застенках так называемой «Тайной канцелярии» или подвергался казни.

В 1733 году, по ложному доносу, саровские иноки были заподозрены в государственной измене. В Саров прискакали чиновники тайной канцелярии с солдатами для ареста о. Иоанна. Сковав его цепями, его посадили под караул. Затем, допросив иночествующих, собрались везти его в Петербург. Строитель Дорофей и вся обитель еле упростили дать им проститься с о. Иоанном и двумя арестованными одновременно с ним иноками. Их вывели перед ворота обители в кандалах, поставили в десяти саженьях от ограды в ряд. С боков и сзади стали с оружием солдаты. Братии же велели выйти к ним, не подходя близко и не говоря им ни слова. То была величественная минута. Бряцание кандал и плач братии один нарушал тишину. Перекрестясь, первоначальник Саровский положил три поклона перед святыми воротами созданной им обители. Затем, обернувшись к оставляемой им братии, трижды по-

клонился ей в ноги, на что и братия отвечала земным поклоном. Затем, он молча осенил ее крестным знамением.

Около четырех лет протомился Иоанн в узах в Петербурге. Перед кончиною, напутствуемый Святыми Дарами, он просил духовника доставить в Саровскую пустынь письмо с его предсмертным заветом братии — твердо хранить устав, держать мир и любовь между собою и безропотно нести послушания. Иеросхимонах Иоанн, скончавшийся 4 июня 1737 г., схоронен при церкви Преображения Господня, что в Колтовской, в С. — Петербурге.

Из преемников о. Иоанна более всех замечателен строитель Ефрем. Он также пострадал по несправедливому доносу в измене и провел 16 лет в ссылке в Оренбургской крепости, пономарем при церкви. Он отличался необыкновенным милосердием. Особенно проявил он свое человеколюбие во время великого голода 1775 года, когда многим приходилось питаться древесной корой, смешивая с мукой гнилое дерево и дубовые желуди. Тогда старец, печалясь о бедствующих, приказал кормить всех приходящих в обитель, каких бывало до тысячи в день. Братия, было, стала роптать, боясь, что для нее самой не хватит хлеба. Тогда старец, собрав старшую братию и, описав им нужду народную, сказал: «Не знаю, как вы, а я расположился, доколе Богу будет угодно за наши грехи продолжать глад, лучше страдать со всем народом, нежели оставить его гибнуть от голода. Какая нам польза пережить подобных нам людей? Из них, может быть, некоторые до сего бедственного времени и сами нас питали своими даяниями».

Утешительная радость и мир сияли всегда на благообразном лице старца, пользовавшегося повсюду славою святости. Святитель Тихон Задонский был с ним в переписке. К портрету о. Ефрема сделана в обители следующая надпись:

*«Не Сирия ты, но русский ты Ефрем.
Саровской пустыни броня еси и шлем».*

Он оставил также по себе благодарную память прекрасными постройками. Кроме трапезы и корпуса келий он воздвиг вели-

колепный храм в честь Успения Богоматери — обширный, величественный, с высоким, точно в небо уходящим, иконостасом, богато украшенный.

Жизнь в Сарове сложилась истинно монашеская. Не имея еще святынь, кроме чудотворной иконы Богоматери, называемой «Живоносный Источник», Саров стал, тем не менее, целью богомолий; народ шел полюбоваться красою храмов его, насладиться стройным, истовым богослужением, наставиться у мудрых и праведных его старцев. В одной старинной рукописи, в главе о «приписных к Суздальской епархии городах» (Саров принадлежал прежде к этой епархии) сохранились следующие интересные сведения о Сарове.

«В Темниковском уезде имеется пустыня в великих непроходимых местах, именуемая Саровская, отдаленная весьма от селений мирских со всех сторон, имеющая начальствующего строителя. Обитель оная в недавних весьма годах составися при реке Сарове именуемой, на месте, где в прежние лета имелся некоторый Косимовского царства город, называемый Сатис, и по сем много лет бывший в упустении. Пребывающи в той обители монахи и бельцы житие имеют воздержное и крепкое, пищу и одежду общую, и более упражняются в трудах, между ими сам строитель первенство во всяком имеет деле (т.е. первый в трудах). Чин монастырский взят из Флорищевой пустыни, сущия в Гороховском уезде. В той (Саровской) пустыне вотчин никаких кроме лесу и пашенной земли не имеется, но довольствуются от подаяния христолюбцев, которые христолюбцы премного тую снабдевают, не токмо святой церкви потребными, но и братии на пищу и одежду весьма нескучно. В помянутой пустыне церкви святые устроены каменные — пять, внутренним и внешним украшением премного украшены».

Из подвижников XIX века, принадлежащих Саровской пустыни, особенно памятны знаменитый игумен и возобновитель Валаама Назарий, «полагавший начало» в Сарове и проведенный там же последние годы жизни, молчальник схимонах Марк, долгое время ютившийся в дремучем лесу Саровском, в шалашах или пещерах.

Теперь Саровская пустынь принадлежит к числу обеспеченнейших русских обителей, обладая обширными лесными угодьями. Двухвековое усердие к ней многих богатых лиц снабдило ее прекрасною церковною утварью. Ее тяжелые литые паникадила, множество горящих свеч, дивная краса ее храмов, великолепие церковных сосудов (есть громадные потиры, которые трудно держать в руке, евангелие, которое могут нести лишь двое иеродиаконов), роскошные облачения — во дни великих праздников, все это богослужebное, долгими десятилетиями скопленное богатство радует православное сердце. Но, находясь вдали от железнодорожных путей, обитель сохранила и высокий строй жизни иноков и настроение пустыни. Монахи имеют смиренный вид, благоговейно стоят в церквях, усердно исполняют послушания, кротки, прилежны. Главное, что доселе влекло сюда богомольцев и что теперь привлечет сюда внимание России и стремление к этому месту всех верующих сердец: это могила старца Серафима. Как солнце, он сияет на небе Сарова. Весь Саров как бы полон им. Назвать Саров — значит назвать и старца Серафима. Передадим же с благоговением и любовью главные черты его жизни.

Великий избранник Божий, старец Серафим родился в древнем городе Курске, который раньше уже дал России отца русского иночества, преподобного Феодосия Киевопечерского. Он происходил из семьи богатого и именитого курского купца, Исидора Мошнина, имевшего кирпичные заводы и бравшего подряды на постройку каменных зданий, церквей и домов. Он был известен за чрезвычайно честного человека, усердного к храмам. Главною его постройкою в Курске был воздвигнутый по плану знаменитого архитектора Растрелли храм, во имя преподобного Сергия Радонежского. В 1833 году эта церковь была наименована кафедральным собором. После десятилетних работ, в 1762 году, нижняя церковь, с престолом во имя преподобного Сергия, была довершена, и в тот же год Мошнин скончался, передав все дела свои умной, распорядительной жене своей Агафии.

Мошнина слыла еще более благочестивою, чем ее муж. Особенною чертою ее, — которая впоследствии так резко отличала

и ее великого сына — было милосердие. Она любила раздавать милостыню; особенно же по сердцу ей было заниматься судьбою бедных девочек-сирот. Она готовила им приданое и выдавала их замуж. Лет 15 еще, по смерти мужа, Агафья вела строение Сергиевской церкви и довела дело до конца. Все было исполнено так добросовестно, что позолота, например, в 1863 году сохраняла всю свою свежесть. Старшего сына Мошниных звали Алексей, потомство его существует доселе. Отец Серафим, второй сын Мошниных, родился 19 июля 1759 года. Его называли Прохором, в честь апостола Прохора, память которого совершается 28 июля. По смерти отца, Прохор остался трехлетним. Всем воспитанием своим он обязан матери.

К сожалению, очень мало сведений сохранилось о его детской поре. Он рос тихо, в обстановке исконного русского благочестия, и, можно сказать все заветнейшее, лучшее содержание русского народа, всю высокую его духовность, всю заботу и думу его о спасении, о вечности мало-помалу впитал в свою душу до того, что уже в ней не стало места иной заботе, иной думе.

Особое промышление Божие о Прохоре выразилось в двух событиях его жизни. Однажды, когда ему было семь лет, мать его, отправляясь на стройку церкви, взяла его с собой. Она поднялась на самый верх колокольни, где не были еще утверждены перила. Мальчик, по живости, забыв, где он находится, неосторожно подошел к краю и упал вниз. Мать, предполагая, что он убится до смерти и что там, внизу, может быть только его изуродованный труп, поспешно сбежала по ступеням. Ребенок стоял на земле целый и невредимый.

Прохор отличался крепким телосложением, острым умом, впечатлительностью, прекрасною памятью и, вместе, кротостию и благонравием. Когда его стали учить церковной грамоте, он принялся за дело с большою охотой и стал быстро успевать в учении, как вдруг сильно занемог. Домашние отчаялись в его выздоровлении. И снова суждено было проявиться над ним благодати Божией. Прохор увидел во сне Пресвятую Богородицу, которая обещала посетить и исцелить его. Он рассказал это сновидение

Моление преподобного Серафима на камне

матери. Вскоре крестным ходом несли по Курску чудотворную Коренную икону Богоматери по той самой улице, где стоял дом Мошкиных. Ударил сильный ливень. Вероятно, для сокращения пути, крестный ход свернул через двор Мошкиных. Мать Прохора воспользовалась этим и поднесла к иконе больного сына. Затем икону пронесли над мальчиком. С этого времени он стал поправляться и скоро совсем выздоровел.

Оправившись, Прохор продолжал учение: прошел Часослов, Псалтирь, выучился писать и полюбил чтение Библии и духовных книг. У старшего Мошнина, Алексея, была в Курске торговля разным деревенским товаром: ремнями, дегтем, бичевками, дугами, шлеями, лаптями, железом, и Прохора старались приучить к этой торговле. Но сердце его к этому делу не лежало. Торговля мешала ему бывать, как бы он хотел, у всех церковных служб. До этого он ходил ежедневно к обедне и вечерне. Теперь же, опуская по необходимости эти службы, подымался пораньше, чтоб отстоять заутреню.

Большое влияние на Прохора в эту пору его жизни имел один чтимый в Курске юродивый, имя которого, к сожалению, не сохранилось. Часто беседуя с Прохором, он окончательно укрепил его в духовной жизни.

Умная и благочестивая мать Прохора сердцем чувала, что не жилец ее мальчик в миру, что иная ждет его доля. Вообще в отношении Мошниной к своему сыну мы видим полную противоположность тому, как относилась к преподобному Феодосию (Киево-Печерскому) его, тоже по своему, любившая его, мать. Та всячески старалась удержать сына в миру и крайне недоброжелательно относилась к его детским попыткам подвижничать. Она жестоко наказала сына, когда увидела на теле его вериги; избивала его и заковала его, когда он тайком ушел из дому со странниками, а она догнала его и привела домой. Даже из монастыря Киево-Печерского, когда она после долгих поисков нашла там сына, она старалась вернуть его в мир — угрозами, упреками и мольбами. Умная и благочестивая Агафия Мошнина поступила не так. Как мудрая христианка, она поняла, что пожертвовать сыном, без ропота уступив его Богу, бу-

дет угодной Ему жертвой, и что Бог всякому, ищущему Его, силен дать такое счастье, перед которым — ничто вся слава, счастье и благополучие мира. И вера ее оправдалась.

Боясь огорчить мать, Прохор, когда в нем стало постепенно складываться решение оставить мир — старался осторожно вызвать мысли матери, пустит ли она его в монастырь. Он с радостью заметил, что она нисколько не будет препятствовать ему, и тогда он стал прямо заговаривать об этом предмете. Вместе с тем, он поверял свои мысли некоторым товарищам, и пять человек из Курской купеческой молодежи порешили одновременно с ним начать иноческую жизнь. В этом нельзя не видеть значительного влияния Прохора на сверстников. Известно, что, хотя в годы и отрочества, и ранней юности он любил уединение, все же не избегал общества товарищей; но, как сильная, цельная натура, подчинял их своему настроению. Он любил читать сверстникам вслух духовные книги и вести с ними духовную беседу.

Сохранилось воспоминание о том, как простился Прохор с матерью. Сперва, по русскому обычаю, все посидели. Потом Прохор встал, помолился Богу, поклонился матери в ноги. Она дала ему приложиться к иконам Спасителя и Божией Матери, потом благословила его медным большим крестом. Этот крест он всю жизнь свою хранил, как величайшую святыню, никогда не снимал его с себя, нося его поверх одежды открыто на груди, с ним и скончался. Заранее было взято Прохором для пострижения в монастырь увольнение от Курского градского общества. Оставалось только решить, куда идти. Саровская пустынь славилась истинною иноческою жизнью и тем более должна была привлекать Прохора, что начальствовал в ней строитель Пахомий, родом из курских купцов и знакомый родителям Мошным. Но ему хотелось поверить свое решение советами людей опытных и духовных. Кроме того, он жаждал поклониться киевским святыням, где все говорит сердцу человека, избирающего иноческий путь. И с пятью своими единомышленниками он отправился пешком в Киев.

В то время славился жизнью и даром прозорливости старец Досифей-затворник, спасавшийся в Китаевской обители. Прохор

пришел к нему, открыл ему всю свою душу и, став перед ним на колени, целуя ему ноги, умолял его указать ему место, где он должен поселиться. Прозорливый старец прямо указал ему на Саров такими словами: «Гряди, чадо Божие, и пребуди тамо. Место сие будет тебе во спасение, с помощью Господа. Тут старайся стяжать непрестанное призывание имени Божия так: «Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго!» В этом да будет все твое внимание и обучение. Ходя и сидя, при деле и в церкви стоя, везде, на всяком месте, входя и исходя, сие непрестанное вопияние да будет и в устах, и в сердце твоём. С ним найдешь покой, приобретешь чистоту духовную и телесную, и вселится в Тебя Дух Святый, Источник всяких благ, и управит жизнь твою во святине, во всяком благочестии и чистоте. В Сарове и настоятель Пахомий богоугодной жизни. Он последователь наших Антония и Феодосия». С радостным сердцем принял Прохор старцев совет. Он отговел в Киеве, потом вернулся в Курск, где прожил несколько месяцев. Хотя он временами и ходил в лавку, но уже не занимался торговлей, а вел духовную беседу: с ним приходили поговорить о монастырях, о том, как спастись, или послушать, как он читал духовные книги.

20-го ноября 1778 года, накануне праздника Введения во храм Богоматери, 19-ти летний Прохор пришел в Саров. Всенощное бдение, благовение братии с первого же раза произвели на него сильное впечатление. Строитель Пахомий, истинный инок, ласково его принял и поручил его казначею, старцу Иосифу. Кроме того, что этому старцу Прохор должен был прислуживать, он исполнял и другие послушания: в хлебне, в просфорне, в столярной, пономарил. С величайшею ревностью принялся он за дело нравственного перевоспитания себя, постоянного наблюдения за собою и стремления к совершенству, в каком состоит все призвание и назначение монаха. Постоянною деятельностью он старался предохранить себя от скуки, которую считал одним из опаснейших для инока искушений. «Болезнь сия врачуется, говорил он впоследствии по собственному опыту, — молитвою, воздержанием от празднословия, посильным рукоделием, чтением слова

Божия и терпением, потому что и рождается она от малодушия и праздности и празднословия».

В определенные часы приходил он в церковь, стараясь быть там раньше всех, неподвижно выстаивал все богослужение, постоянно имея взор опущенный к полу, чтоб избежать рассеянности, стоял всегда на определенном месте и до самого конца. В келии своей он упражнялся в чтении и в телесном труде. Евангелие и послания апостолов он всегда читал стоя. Из духовных книг читал Шестоднев святого Василия Великого, беседы святого Макария Великого, Лествицу преподобного Иоанна, Добротолюбие и другие. В часы отдыха Прохор занимался работою: искусно вырезал из кипарисного дерева крестики для раздачи их богомольцам. Он был вообще искусен в столярничестве, так что в одном расписании иноков один из всех назван «Прохор-столяр». Участвовал он также в общих трудах-послушаниях братии, состоявших в сплаве леса, в заготовке дров. В Саровском лесу спасалось в отшельничестве несколько иноков, из которых о. Назарий и о. Марк были самые известные. Их пример, столько же, сколько и стремление души Прохора, побудили его в свободные часы укрываться в лесу для уединенной молитвы. Он говорил впоследствии так: «Если не всегда можно пребывать в уединении и молчании, живя в монастыре и занимаясь возложенными от настоятеля послушаниями, то хотя некоторое время, остающееся от послушания, должно посвящать на уединение и молчание. И за это малое Господь Бог не оставит ниспослать на тебя богатую Свою милость».

Здесь, среди природы, к восприятию красот которой он был так чуток, свободно и восторженно лились его хвала и молитва к Богу. Кроме этой уединенной молитвы, Прохор принял еще подвиг: усиленный пост. В среду и пятницу он ничего не вкушал, а в другие дни недели принимал пищу лишь по разу в день. В 1780 году Прохор опасно заболел. Недуг, по-видимому, водянка, продолжался три года, из них не менее полутора лет больной провёл в постели. Каким уважением уже тогда он пользовался, как ценили его видно уже из того, что за ним, послушником, во все время его болезни ходили строитель Пахомий и другие старшие

иноки. Больному становилось все хуже, и о. Пахомий стал настойчиво предлагать обратиться к врачу, или, по крайней мере, пустить кровь. Прохор отвечал: «Я предал себя, святой отче, истинному врачу душ и телес, Господу нашему Иисусу Христу и Пречистой Его Матери. Если же любовь ваша рассудит, снабдите меня духовным врачевством».

Старец Иосиф отслужил об исцелении болящего особо всенощную и литургию, братия молилась за него. Прохор стал поправляться. Много, много лет спустя, старец рассказывал одной инокине Дивеевской, что тогда, в болезни, после причащения святых Тайн, явилась ему в несказанном свете Пресвятая Богородица с апостолами Иоанном Богословом и Петром. Указывая на Прохора, Владычица сказала: «Этот нашего рода!» Потом Владычица возложила на голову Прохора правую руку и жезлом, который она держала в левой руке коснулась больного. У него образовалось в бедре углубление, в которое собралась вся вода со всего тела. Та келия, в которой жил тогда Прохор и в которой совершилось это чудесное исцеление, была вскоре снесена, и на месте ее воздвигнута больница с двухэтажною церковью: в честь преподобных Зосимы и Савватия и Преображения Господня. За сбором на украшение этой церкви был послан Прохор. Между прочим, побывал он тогда и в Курске. Матери его уже не было в живых, но его брат оказал ему большую помощь. По возвращении домой, Прохор своими руками построил престол из кипарисного дерева для нижней церкви Соловецких чудотворцев. О. Серафим всегда с особым чувством относился к этому храму, как месту благодатного посещения. Он любил в нем приобщаться. Этот же храм он посетил и приобщился в нем и накануне блаженной кончины своей, 1-го января 1833 года.

Восемь лет прожил о. Серафим послушником. Наружность его в это время была такова. Он был очень силен, росту в нем было 2 аршина 8 вершков, крепкого сложения. Несмотря на строгое воздержание и пост, у него было полное, белое лицо. Выразительные и пронизательные глаза его были светло-голубого цвета, нос прямой и острый, густые брови и густые светло-русые волосы

на голове, в окладистой бороде и усах. Он говорил увлекательно и имел счастливую память.

13-го августа 1786 г. Прохор пострижен в иночество, причем, без ведома его и выбора, ему дано имя Серафим, что значит «пламенный». Через год он рукоположен во иеродиакона. С тех пор, в течение без малого шести лет, он почти непрерывно служил. Он усугубил теперь свои подвиги. Ночи на воскресенья и большие праздники проводил все в молитве. Господь укреплял его. Он не чувствовал утомления, не нуждался почти в отдыхе, часто забывал о пище и питье; ложась спать, жалел, что человек не может, как ангел, непрестанно, без перерыва, служить Богу. Строитель о. Пахомий очень ценил иеродиакона Серафима и, уезжая из обители по делам или для служения где-нибудь, брал его обыкновенно с собой. Это дало случай о. Серафиму присутствовать при кончине одной великой жены и принять от нее дело, которое впоследствии так изумительно разраслось через него: именно Дивеевскую общину.

Вдова полковника Агафья Симеоновна Мельгунова, богатая помещица нескольких губерний, посвятила жизнь свою странствованиям по святым местам и делам благотворения. Есть сказание, что, во время пребывания ее в Киевском Фроловском монастыре, ей явилась Пресвятая Дева с повелением идти к северу России и остановиться на том месте, какое ей Владычица укажет, и что на том месте возникнет славная обитель. Когда Мельгунова, идя в Саров, дошла до села Дивеева и, присев отдохнуть на бревна у сельской церкви, забылась от усталости, — ей вновь явилась Царица небесная с повелением остаться на этом месте. Агафия Симеоновна поселилась у сельского священника, где, ища подвигов и унижения, исполняла всю черную работу. Кроме того, она широко, но в тайне, благотворила крестьянам. Деньги, полученные ею от продажи ее имений, она употребила на возведение нескольких и украшение многих храмов. Между прочим, построила прекрасную каменную церковь в Дивееве. Около нее собрались жить несколько благочестивых женщин, что и составило первоначальное, так сказать, зерно Дивеевского монастыря.

Незадолго до кончины своей она приняла иночество с именем Александры. Она пользовалась великим уважением всей округи и, кроме дивной жизни и благочестия, изумляла всех своею глубокою мудростью. О. Серафим благоговел к ее памяти. Он присутствовал при соборовании ее за несколько дней до ее кончины и при погребении ее. Умирая, она передала о. Пахомию остатки своего некогда крупного состояния, прося его позаботиться об участии остающихся после нее сиротами Дивеевских насельниц. О. Пахомий отвечал, что он исполнит ее волю, но едва ли доживет до исполнения обетования Царицы Небесной о том, что здесь будет монастырь. Но сказал, что после его смерти заботу о Дивееве примет на себя о. Серафим.

13-го июня 1789 года первоначальница Дивеевская опочила смертным сном. О. Серафим свято исполнил данное за него о. Пахомием обещание. Он принял близко к сердцу судьбу Дивеева. Он называл инокинь Дивеевских не иначе, как «Дивеевские сироты». В Дивееве, по блаженной кончине старца, как будто почил его дух. Что-то чрезвычайно благодатное как будто разлито в воздухе этого невыразимо отрадного места.

Проходя служение диаконское, о. Серафим удостаивался великих духовных откровений. Временами он видел ангелов, сослуживших братии и воспевающих; они имели образ молниеносных юношей, облеченных в белые, златотканые одежды. А то, как пели они: нельзя выразить словами. Вспоминая об этом, о. Серафим говорил: «Бысть сердце мое, яко воск тая от неизреченной радости».

Особо же великого откровения удостоился о. Серафим в один великий четверг, совершая литургию со строителем о. Пахомием.

Как известно, «малый» выход из алтаря и следующее за тем вступление священнослужителей в алтарь выражает вступление их в самое небо, и священник тогда молится: «Сотвори со входом нашим входу святых ангелов быти, сослужащих нам и сославословящих Твою благодать». Когда после малого входа и паремий иеродиакон Серафим возгласил «Господи, спаси благочестивые и услыши ны, — и, обратясь к народу и дав знак орарем, закон-

чил, — и во веки веков», как он весь изменился, не мог сойти с места и вымолвить слова. Служащие поняли, что ему было видение. Его ввели под руки в алтарь, где он простоял три часа, то весь разгораясь лицом, то бледнея, — все не в состоянии вымолвить ни одного слова. Когда он пришел в себя, то рассказал своим старцам и наставникам, о. Пахомию и казначею, что он видел. «Только что провозгласил я, убогий — Господи, спаси благочестивые и услыши ны! — и наведя орарем на народ, окончил: и во веки веков, вдруг меня озарил луч как бы солнечного света, и увидел я Господа и Бога нашего Иисуса Христа, во образе Сына Человеческого, во славе, сияющего неизреченным светом, окруженного небесными силами, ангелами, архангелами, херувимами и серафимами, как бы роем пчелиным, и от западных церковных врат грядущего на воздухе. Приблизясь в таком виде до амвона и воздвигнув пречистые Свои руки, Господь благословил служащих и предстоящих. Посем, вступив во святой местный образ Свой, что по правую руку царских врат, преобразился, окружаемый ангельскими ликами, сиявшими неизреченным светом во всю церковь. Я же, земля и пепел, сретая тогда Господа Иисуса Христа, удостоился особенного от Него благословения. Сердце мое возрадовалось чисто, просвещенно, в сладости любви ко Господу».

По-прежнему, о. Серафим искал пустыни для уединенной молитвы, и вечером уходил в лесную свою келью и, проведя там ночь в молитве, к утру возвращался в Саров. 34-х лет, 2-го сентября 1793 года, о. Серафим в Тамбове рукоположен в иеромонаха. Теперь душа его томилась желанием совершенного уединения, полного пустынничества. Такая жизнь является одною из высших ступеней на пути восхождения человека к Богу. Это ничем не отвлекаемое, полное погружение человека в думу о Боге и постоянная молитвенная беседа с Богом, ничем не ослабляемый единый порыв души в благость Божества. Не потому, что ненавидят или презирают людей, удаляются подвижники в уединение и не потому, что не желают служить людям. А потому, что сперва хотят приблизиться к Богу, а тогда уже, ставши в Нем сильными,

служить людям. «Отче, спросил как-то у о. Серафима один инок, много размышлявший об уединении: некоторые говорят, что удаление от общежития в пустыню есть фарисейство, что оказывается пренебрежение братии, или, еще, бросается на нее осуждение. Как ты думаешь?»

«Не наше дело, — отвечал старец, — судить других. А удаляемся мы из общества братства не из ненависти к нему, а более для того, что мы приняли и носим на себе чин ангельский, которому не вместительно быть там, где словом и делом прогневаются Господь Бог. И потому мы, отлучаясь от братства, удаляемся только от слышания и видения того, что противно заповедям Божиим, как это случается неизбежно при множестве братии. Мы избегаем не людей, которые одного с нами естества и носят одно и то же имя Христово, но пороков, ими творимых, как и великому Арсению сказано было: «Бегай людей, и спасешься». Но, испытав все трудности жития пустынноческого, старец впоследствии предостерегал спрашивавших у него совета, что в монастыре иноки борются с противными силами, как с голубями, а в пустыне, как со львами и леопардами.

Перед смертью своею строитель Пахомий, принявший 16 лет назад молодого, жаждавшего подвига Прохора Мошнина в число саровских послушников, благословил теперь иеромонаха Серафима на жизнь в пустыне. О. Серафим заботливо ходил за умирающим наставником и благодетелем своим и горько оплакивал его. После его кончины он удалился, 20-го ноября 1794 г., в лесную келию. Видимым предлогом для удаления послужила сильная болезнь ног, вследствие постоянного стояния на ногах. Келия, куда удалился о. Серафим, была расположена в дремучем сосновом лесу, на берегу реки Саровки, на холме, в 5–6 верстах от Сарова. В ней была изба с печью, сени и крылечко. Вокруг был небольшой огород, обведенный забором. Одна и та же убогая одежда была на о. Серафиме зимою и летом: белый полотняный балахон, кожаные рукавицы, кожаные чулки (бахилы), лапти, старая камиллавка. На груди был крест, материнское благословение. На спине он носил сумку, а в ней евангелие.

Преподобный Серафим кормит медведя

Внешние труды его состояли в заготовлении дров и топке келии; впрочем, часто он, чтобы томить себя, терпел в келии мороз. Летом он обрабатывал огород, который удобрял мхом, собираемым в болоте. Во время этой работы он иногда обнажался до пояса, и множество насекомых безжалостно жалили его. Тело опухало, покрывалось запекшеюся кровью, а он терпел. Во время работы часто молитвенный восторг сходил на душу подвижника. Он любил петь в это время церковные песни, которых, при прекрасной памяти своей, знал множество наизусть. Особенно он любил «Всемирную славу», антифон «Пустынным непрестанное Божественное желание бывает». Случалось, что во время работы вдруг лопата или заступ выпадали из его рук, лицо его принимало дивное выражение, он стоял неподвижно, углубясь, в созерцание тайн духовных. В том же лесу жили отшельники о. Назарий, Марк и Досифей. Приходя иногда к о. Серафиму, они заставляли его в таком же положении, он их не замечал и, иногда прождав перед ним около часу, они так и уходили, незамеченные им. Молитвенное правило его было чрезвычайно обширно. Часто вместо вечерних молитв он клал зараз тысячу поклонов. Питался он в пустыне тем хлебом, который в воскресенье приносил с собой из Сарова и который, конечно, на третий день был сух и черств. И тем он делился с птицами и лесными животными, которые очень любили его и ходили к нему. Став на высокую ступень духовности, старец получил и тот дар, который был у первого человека и утрачен через грехопадение. Звери повиновались ему. Не раз видели его кормящим громадного медведя, который, по его слову, отходил в чащу леса, а потом возвращался опять. Кроме хлеба, пищею ему служили овощи, выросшие в его огороде. Потом он ограничил себя одними овощами. Наконец, он дошел до неимоверного воздержания.

Он перестал брать вовсе хлеб из монастыря, и братия недоумевала, чем он питается. Незадолго до смерти старец рассказал, что около 3 лет он питался лишь отваром из травы снитки, которую летом собирал и сушил на зиму. Проводя будни в пустыне, о. Серафим, накануне воскресных и праздничных дней, приходил в пустынь и там приобщался. После обедни он говорил с теми

из братии, кто в нем нуждался. А затем возвращался в пустынь. Иноки, жившие в лесу, слышали от него мудрые наставления. Вот одно из них, о непрестанной молитве: «Истинно решившиеся служить Господу Богу должны упражняться в памяти Божией и непрестанной молитве, говоря умом: «Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя грешного; в часы же послеобеденные можно говорить эту молитву так: «Господи Иисусе Христе Сыне Божий, молитвами Богородицы помилуй мя грешного», или же прибегать собственно к Пресвятой Богородице, моляся: «Пресвятая Богородица, спаси нас», или говорить поздравление ангельское: «Богородице, Дево, радуйся!» Таковым упражнением, при охранении себя от рассеяния и при соблюдении мира совести, можно приблизиться к Богу и соединиться с Ним. Ибо, по словам святого Исаака Сирина, кроме непрестанных молитв, мы приблизиться к Богу не можем. — Если подвижник встречался с кем в лесу, то он смиренно кланялся и поспешно уходил в сторону.

Но, на не слыжавших даже слов его, один вдохновенный вид его, в его убогой одежде, производил великое впечатление: трогал души, поучал, возбуждал к добру.

Отец Серафим не избегал тех великих искушений, какими обычно враг спасения воюет на иноков, проходящих пустынно-ческую жизнь и какими он силится смутить их в эту великую пору их духовного роста. Однажды во время молитвы о. Серафим услышал вой зверей за стенами келии, потом точно скопище народа стало ломать дверь, выбили у двери косяк и бросили в келию громадный отрубок дерева, который потом с трудом могли вынести восемь человек. Иногда во время молитвы ему представлялось, что келия его разваливается начетверо и что к нему с ревом отовсюду рвутся страшные звери. Иногда он видел открытый гроб, из которого вставал мертвец. Этим привидениям о. Серафим не поддавался, но прогонял их силою крестного знамения. Тогда враг стал нападать на него с еще большею яростью. Он поднимал подвижника на воздух и с такою силою ударял его об пол, что кости могли бы быть сломаны, если б не охранявшая отца Серафима благодать. Можно думать, что о. Серафим видел самих

злых духов, потому что на простосердечный о том вопрос одного мирянина старец с улыбкою ответил: «Они гнусны. Как на свет ангела взглянуть грешному невозможно, так и бесов видеть ужасно, потому что они гнусны».

Все искушения о. Серафим победил молитвою, именем Христовым и знамением крестным и некоторое время наслаждался миром. Между тем о. Серафим получил предложение быть настоятелем Алатырского монастыря, с возведением в сан архимандрита. Он отказался, отказался по смирению и от другого такого же предложения. Известно, что смирение есть венец добродетелей, как бы цемент, скрепляющий все добродетели. Ничто так не ручается за верный путь спасения, ничто так не страшит и не посрамляет врага, как смирение. Смирением победил и Христос злобу его, так как то, чем искушал и искусил враг первого человека «будете, яко боги» — то самое путем смирения совершил Христос: сойдя на землю и став Человеком, Он обожествил человека и влил в него пролитую за него Божественную кровь Свою.

Не терпя великого смирения о. Серафима, враг еще лютее ополчился на него: он воздвиг в душе его так называемую мысленную брань. Для победы в этой страшной, роковой, ожесточенной борьбе старец решился предпринять новый подвиг, на который в древности решались весьма немногие подвижники и который казался невыносимо тяжек в последующие времена. То было столпничество.

На полпути от келии к монастырю лежала громадная гранитная скала. На эту скалу отец Серафим стал всходить при наступлении всякой ночи. Он молился или на коленях, или стоя на ногах, воздев руки вверх и взывая словами молитвы мытаря: Боже, милостив буди мне грешному! В келии своей он поставил другой, небольшой камень, и в том же положении молился на нем весь день, сходя с него только для краткого отдыха и принятия пищи. В этом великом подвиге провел он тысячу дней и тысячу ночей. Враг был окончательно побежден. Но от этого почти трехлетнего непрерывного стояния опять открылась у старца болезнь в ногах, которая была в первое время пустынножизни его. Болезнь

эта не проходила более до самой кончины о. Серафима. Дивный подвижник сумел скрыть свое тысячедневное и тысяченощное моление. Впоследствии от Тамбовского архиерея был тайный запрос об о. Серафиме игумену Нифонту. Сохранился отзыв Нифонта, в котором он пишет: «О подвигах и жизни отца Серафима не знаем. О тайных же действиях каких, также и о стоянии 1000 дней и ночей на камне никому не было известно». Лишь незадолго до кончины своей, по примеру многих других праведников, открывая некоторые обстоятельства своей жизни, великий старец поведал об этом молении некоторым из Саровской братии. Один из слушателей заметил тогда, что подвиг этот выше сил человеческих.

Святой Симеон Столпник, отвечал старец, — сорок семь лет стоял на столпе. А мои труды похожи-

ли на его подвиг?.. Собеседник заметил, что, вероятно, старец ощущал в это время помощь благодати.

— Да, отвечал он: иначе сил человеческих не хватило бы. Потом, помолчав, он прибавил: «Когда в сердце есть умиление, то и Бог бывает с нами».

Посрамленный в личной, так сказать, борьбе с отшельником, враг начал действовать на него через людей.

12 сентября 1804 года пришли к о. Серафиму, рубившему в лесу дрова, трое крестьян и дерзко потребовали денег, говоря, что мирские люди носят ему деньги. О. Серафим ответил, что ни от кого ничего не берет. Не поверив ему, крестьяне напали на него. Один, кинувшись на него сзади, хотел его повалить, но сам упал. О. Серафим был ловок и очень силен. С топором в руке, он легко мог рассчитывать отбиться от злодеев. Но вспомнились ему слова евангелия: «Приимшии нож, ножом погибнут», — и он решился не защищаться. Бросив топор на землю и сложив руки крестом на груди, он спокойно сказал своим обидчикам: «Делайте, что вам надобно». Один из них, схватив топор, обухом ударил его по голове, так что изо рта и ушей подвижника хлынула кровь и он в беспамятстве упал. Тогда они потащили его в келию, продолжая бить его топором, дубиной, топтали его ногами, думали даже бро-

силь его в реку. Но, видя, что он в роде мертвого, связав ему руки и ноги, бросили его в сених, а сами кинулись в келию, где обшарили все углы, сломали даже печь, все надеясь отыскать деньги. Но нашли лишь икону да несколько картофелин. На них напал страх, и они убежали. Когда о. Серафим пришел в себя, он выпутался с трудом из веревок, поблагодарил Бога за неповинное страдание, помолился об обидчиках и на другой день во время самой литургии припелся в пустынь в самом ужасном виде. Волосы на бороде и голове его были в запекшийся крови, в пыли, спутаны. Руки и лицо были избиты, выбито несколько зубов, на ушах и лице — запекшаяся кровь, окровавленная одежда местами пристала к ранам на теле. Он рассказал о случившемся настоятелю и братии и остался в Сарове. Первые восемь дней страдания его были чрезвычайны. Он не мог ни пить, ни есть, ни забыться ни на минуту сном от нестерпимой боли. В обители ждали его смерти. На седьмой день болезни, не видя улучшения, настоятель послал за врачами в Арзамас. Врачи нашли больного в таком положении: голова проломлена, ребра перебиты, грудь оттоптана, по телу смертельные раны, и лишь удивлялись, как он еще жив. Пока эти три врача, при которых было три фельдшера, совещались над постелью больного по латыни, что предпринять, о. Серафим забылся и имел во сне видение.

К постели его подошла окруженная славой, в царской порфире, Пресвятая Богородица с апостолами Петром и Иоанном Богословом. Она рекла в сторону врачей: «Что вы трудитесь?» А затем, указывая апостолам на подвижника, произнесла: «Сей от рода нашего». После этого видения он отказался от какой бы то ни было врачебной помощи, говоря, что всю надежду возлагает на Господа и Богоматерь.

В течение нескольких часов после видения страдалец ощущал чрезвычайную духовную радость. Потом, почувствовал облегчение. В тот же вечер в первый раз после поранения спросил пищи, и поел хлеба с квашеной капустой. С того дня он мало-помалу стал оправляться, но следы этого происшествия остались навсегда на нем. Еще раньше он как-то во время рубки леса был придав-

лен упавшим деревом, и, раньше прямой и стройный, стал теперь согбенный. Теперь же он еще больше сгорбился и не мог ходить иначе, как опираясь на палку или топорик.

Пробыв пять месяцев в Сарове, о. Серафим вернулся опять в любимую свою пустынную келию. Таким образом, опять враг спасения потерпел новое поражение. Обидчики подвижника были найдены и оказались крепостными крестьянами помещика Татищева, из села Кременок. Отец Серафим просил настоятеля не преследовать их и писал о том же помещику. Все настаивали на наказании. Тогда о. Серафим объявил, что в таком случае он оставит Саров и совсем уйдет в другое место.

Господь сам наказал этих людей: у них сгорели все избы. Тогда, раскаявшись, они пришли к о. Мерафиму и просили у него прощения.

В 1807 году скончался второй, со времени поступления о. Серафима, настоятель Саровский — праведный игумен Исаия, который весьма чтит о. Серафима и которому о. Серафим платил искренней любовью. Когда о. Исаия был здоров, он сам ходил в пустынь к о. Серафиму. Когда он сложил в себя должность, о. Серафим был избран братиею в настоятели, но отказался, и был избран в настоятели казначей Нифонт. Больной старец не мог лишиться себя утешения в беседе с о. Серафимом и братия возила бывшего своего настоятеля в тележке в пустыню к о. Серафиму. Кончина о. Исаии тяжело отразилась на о. Серафиме. Три любимые им старца, из которых двое, Иосиф и Пахомий, руководили первыми его иноческими шагами, лежали в могилах. Он сам прожил уже почти полвека. И новое поколение иноков не могло дать его привязчивой душе то, что давало ему общение с этими тремя глубоко духовными, а для него незаменимыми, коренными людьми. Как ни ограничивал он людских отношений, уход этих людей болезненно на нем отразился. Никогда не проходил он мимо кладбища монастырского без того, чтоб не помолиться на их могилах. Начальнице Ардатовской общины он как-то сказал: «Когда идешь ко мне, зайди на могилки, положи три поклона, прося у Бога, чтоб Он упокоил души рабов Своих Исаии, Пахомия, Иосифа и потом

припади ко гробу, говоря про себя: «Простите, отцы святии, и помолитесь обо мне!»

Стремясь все далее, все более очищая душу, а, быть может, чтоб подвигом смирить печаль души, о. Серафим приступил к новому деланию — молчальничеству. Он более не выходил, если кто посещал его. Встречаясь с кем в лесу, падал лицом к земле, и не вставал, пока не уходили от него, перестал даже ходить в монастырь по праздникам. Раз в неделю, по праздникам, старцу приносил послушник из Сарова пищу. Зимой приходилось идти к нему по глубокому снегу. Дойдя до келии, послушник стучал, говоря вслух молитву Иисусову, и старец, ответив «аминь», открывал дверь сеней, где был приготовлен лоточек. Сам он стоял в это время со сложенными руками, смотря в землю и не подымая глаз на пришедшего. Послушник складывал принесенное на лоточек, а о. Серафим клал туда же кусочек хлеба или капусты, означая тем, что нужно принести на следующий раз. Затем послушник уходил, не слышав и голоса старца. Таково было внешнее выражение молчальничества. Значение же и сущность его состояли в отречении от всяких житейских попечений для совершеннейшего служения Богу.

О. Серафим пояснял: «Паче всего должно украшать себя молчанием, ибо святой Амвросий Медиоланский говорил, что молчанием многих видел спасающихся, многоглаголением же ни единого. И паки некто из старцев говорит: молчание есть таинство будущего века, словеса же — орудия суть мира сего. Молчание приближает человека к Богу и делает его как бы земным ангелом. Ты только сиди в келии своей во внимании и молчании, и всеми мерами старайся приблизить себя к Господу. А Господь готов сделать тебя из человека ангелом: «На кого бо, говорит он (Исаии, 66, 2) воззрю, токмо на кроткого и молчаливого и трепещущего словес Моих». Плодом молчания, кроме других духовных приобретений, бывает мир души. Молчание учит безмолвию и постоянной молитве. Наконец, приобретшего сие ожидает мирное состояние. Когда старца спросили, зачем он, наложив на себя молчание, лишает братию той духовной пользы, какую он мог бы

принести ей своими беседами, он отвечал: «Святой Григорий Богослов рек: прекрасно богословствовать для Бога. Но лучше сего, если человек себя очищает для Бога».

От молчаливчества он перешел еще к новому подвигу — затворничеству. Этому способствовало отчасти следующее обстоятельство. Не было известно, кто и как приобщает о. Серафима с тех пор, как он, приняв на себя молчание, перестал ходить в монастырь. Собор старших иеромонахов решил предложить ему: или ходить в воскресные и праздничные дни для приобщения в монастырь, или, если болезнь ног не позволяет этого, переселиться в Саров. Монаху, носившему о. Серафиму пищу, было велено передать это ему и спросить у него об его решении. В первый раз о. Серафим ничего не ответил, во второй же раз молча пошел за монахом в Саров, и там остался. Это было в мае 1810 года.

О. Серафим поселился в прежней келии своей, ни к кому не ходил и к себе никого не принимал. У него не было теперь даже самых необходимых вещей. Икона с горящей лампадой и обрубок пня вместо стула — вот все, что было в келии. И огня он теперь не стал для себя потреблять. На плечах он носил теперь под сорочкою тяжелый железный пятивершковый крест. Собственно же вериг, вероятно, не носил. «Кто нас оскорбит словом или делом, и если мы переносим обиды по евангельски, учил он, вот и вериги наши, вот и власяница». Пищею его были теперь толокно и белая рубленая капуста. Воду и пищу относил ему сосед его по келии, монах Павел. Затворник, покрывшись полотенцем, чтоб никто не видел лица его, выходил из дверей и на коленях, как Божий дар, принимал посуду с пищей.

По-прежнему сложно и велико было молитвенное его «правило». Между прочим, он в течение недели прочитывал весь Новый Завет и, читая, толковал себе Писание вслух. Многие приходили к его двери и с радостью слушали его. Иногда же он, сидя над книгой, как бы замирал, погруженный в созерцание, не читая далее. Также иногда на молитве он переставал читать слова, замолкал и, не двигаясь, стоял перед иконой. Всякое воскресенье и большие праздники старец приобщался Святых Таин, которые

после ранней обедни ему приносили в келию из любимой и знаменательной для него больничной церкви.

В сенях у него стоял дубовый гроб, сделанный, вероятно, им самим, как искусным столяром. Он просил после смерти положить его в этот непременно гроб и часто около него молился, готовясь к смерти. Он выходил иногда из келии по ночам, чтобы подышать свежим воздухом, и, читая тихо молитву Иисусову, в это время переносил дрова.

После пятилетнего строгого затвора старец внешне несколько ослабил его. Всякий мог войти к нему, так как он отпер дверь келии. На вопросы старец, хотя и не стесняясь посетителями, не давал ответа. Даже, когда посетил Саров Тамбовский епископ Иона (впоследствии экзарх Грузии) и пришел к его келии, старец не отпер ему двери и ничего не отвечал.

Прошло еще пять лет затвора, и о. Серафим стал отвечать на вопросы братии и даже беседовать с нею. Он внушал братии неопустительно совершать богослужение, благоговейно стоять в церкви, постоянно заниматься умной молитвой, — каждому усердно исполнять послушание, не есть ничего вне трапезы, за трапезою сидеть с благоговением и страхом Божиим, без важной причины не выходить за ворота, бояться своеволия, как причины великого зла.

В 1825 году последовало явление о. Серафиму Богоматери. Пречистая повелела ему выйти из затвора и принимать всех, кто будет идти к нему. В это время о. Серафим был уже 66-летний старец. За почти полувековую монашескую жизнь сколько великого опыта духовного скопил он, какую великую воспитал в себе любовь к Богу, как изучил он малейшие движения души, как познал все оттенки той борьбы, которую «враг» ведет с человеком... И теперь он должен был в оставшиеся ему 7 лет жизни излить на русский народ все сокровища своего опыта, всю силу своих молитв, всю великость своей любви... Он начал новый подвиг: старчества, духовного руководства людьми. С окончания ранней обедни до 8 часов вечера келия была открыта для мирян, а для Саровской братии во всякое время. Эта маленькая келия освещалась лишь лампадой и свечами, зажженными перед иконами.

Изображение преподобного Серафима

Печь в ней никогда не топилась. Двумя маленькими окнами она смотрела в широкую, привольную луговую даль. Мешки с песком и камни лежали на полу, служа, вероятно, ему постелью. Обрубок дерева заменял стул.

Обычно старец принимал посетителей таким порядком. Одетый в белый балахон и мантию, он надевал еще епитрахиль и поручи в те дни, когда приобщался. С особенною любовью встречал он тех, в ком видел желание исправиться, искреннее раскаяние в грехах. Побеседовав с такими людьми, он накрывал их голову своею епитрахилью и произносил над ними, положив свою правую руку на их голову: «Согрешил я, Господи, согрешил душою и телом, словом, делом, умом и помышлением, и всеми моими чувствами: зрением, слухом, обонянием, вкусом, осязанием, волею или неволею, ведением или неведением». Затем произносил обычную разрешительную молитву, причем посетитель испытывал необыкновенно отрадное чувство. Вслед затем старец начерчивал на лбу посетителя крест елеем от иконы, и давал, если то было утром, богоявленской воды и антидора. Наконец, целуя всякого в уста, произносил всегда, какой бы то ни был день года: «Христос Воскресе!» — и давал приложиться к образу Богоматери, или кресту — материнскому благословению, висевшему у него на груди.

Особенно советовал старец непрестанно молиться, и для этого повторять всегда молитву Иисусову — «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». «Ходя и сидя, на деле, и в церкви стоя до начала богослужения, входя и исходя, сие непрестанно содержи на устах и в сердце твоём. С призыванием имени Божия найдешь ты покой, достигнешь чистоты духовной и телесной, и вселится в тебя Святый Дух».

Многие по посетителей старца винулись в том, что мало молятся, не вычитывая даже положенные утренние и вечерние молитвы. Делали они это и по недосугу, и по безграмотности. О. Серафим установил для таких людей такое легко исполнимое правило. «Поднявшись от сна, всякий христианин, став перед святыми иконами, пусть прочитает молитву Господню «Отче наш» трижды,

в честь Пресвятой Троицы. Потом песнь Богородице «Богородице Дево радуйся» также трижды. В завершение же Символ веры «Верую во единого Бога» — раз. Совершив это правило, всякий православный пусть занимается своим делом, на какое поставлен или призван. Во время же работы дома или на пути куда-нибудь, пусть тихо читает «Господи Иисусе Христе, помилуй мя грешного (или грешную)»; а если окружают его другие, то, занимаясь делом, пусть говорит умом только «Господи, помилуй!» — и так до обеда. Перед самым же обедом пусть опять совершает утреннее правило. После обеда, исполняя свое дело, всякий христианин пусть читает так же тихо: «Пресвятая Богородица, спаси мя грешного», и это пусть продолжает до самого сна. «Когда случится ему проводить время в уединении, то пусть читает он: «Господи Иисусе Христе, Богородицею помилуй мя грешного или грешную». Отходя же ко сну, всякий христианин пусть опять прочитает утреннее правило, то есть трижды «Отче наш», трижды «Богородице» и один раз «Символ веры». О. Серафим объяснял, что, держась этого малого «правила», можно достигнуть меры христианского совершенства, ибо эти три молитвы — основание христианства. Первая, как молитва, данная самим Господом, есть образец всех молитв. Вторая принесена с неба Архангелом в приветствие Богоматери, Символ же содержит в себе вкратце все спасительные догматы христианской веры».

Кому невозможно выполнять и этого малого правила, старец советовал читать его во время занятий, на ходьбе, даже в постели, и при этом приводил слова из послания к Римлянам: «Всякий, кто призовет имя Господне, спасется». Кому же есть время, старец советовал читать из евангелия, каноны, акафисты, псалмы. Бывали у о. Серафима знатные люди. С ними старец беседовал об обязанностях их звания. Особенно же он умолял их хранить верность православной церкви, соблюдать ее уставы, защищать ее от нападений. Как простосердечно относился старец к нуждам простого народа, можно видеть из двух следующих примеров.

Однажды прибежал в Саровскую пустынь крестьянин с признаками сильнейшего волнения и спрашивал у всякого попадав-

шегося ему навстречу инока: «Батюшка, ты что ли о. Серафим?» Когда ему указали старца, он упал ему в ноги и закричал: «Батюшка, у меня лошадь украли. Не знаю, как теперь буду семью кормить. Я без нее стал нищий. А ты, говорят, угадываешь». Ласково сказал ему старец, приложив его голову к своей голове: «Огради себя молчанием, иди в село (старец назвал село). Как станешь подходить к нему, свороти с дороги вправо и пройди задами четыре дома, там ты увидишь калиточку. Войди в нее, отвяжи свою лошадь от колоды и выведи молча». Крестьянин тотчас побежал по указанному направлению, и был слух, что он нашел свою лошадь.

В другой раз один монах привел к старцу молодого крестьянина с уздой в руках, плакавшего о потере своих лошадей, и оставил старца с крестьянином вдвоем. Через несколько времени, встретив этого крестьянина, монах его спросил:

Ну что, отыскал ты своих лошадей?

— Как же, отыскал. Отец Серафим сказал мне, чтоб я шел на торг, и что я там увижу их. Я и вышел, и как раз увидел и взял к себе своих лошадок.

В отце Серафиме в великой мере действовал дар исцеления. В первый раз он проявился над человеком, ставшим впоследствии преданнейшим, вернейшим до самозабвения, до полного отречения, почитателем его.

Михаил Васильевич Мантуров, помещик села Нучи, Ардатовского уезда, Нижегородской губернии, долго служивший в военной службе, тяжело заболел и, выйдя в отставку, должен был поселиться в своем имении. Болезнь его была в высшей степени странная и необъяснимая. Лучшие доктора не могли ни понять, ни лечить ее. Нуча лежала в 40 верстах от Сарова, и в нее доходили слухи о святости отца Серафима. Когда болезнь приняла такие размеры, что у Мантурова стали выпадать кусочки костей из ног, он, в виде последней надежды, решился ехать к о. Серафиму. С большими усилиями люди его, привезя его в Саров, ввели его в сени келии старца. Старец вышел к нему и ласково сказал:

— Что пожаловал? Посмотреть на убогого Серафима?

Мантуров упал ему в ноги и стал со слезами просить его об исцелении. Проникновенно и любовно старец трижды спрашивал больного верует ли он в Бога, и трижды получил горячее уверение в совершенной, пламенной вере. Тогда на это старец ответил:

— Радость моя, если ты так веруешь, то верь же и в то, что верующему все возможно от Бога. А потому веруй, что и тебя исцелит Господь. А я, убогий, помолюсь.

Посадив Мантурова в сених у гроба, о. Серафим удалился для молитвы к себе в келию, и через несколько времени вернулся, неся освященное масло. Он приказал больному обнажить ноги, и, приготовившись, вытереть их маслом, произнес: «По данной мне от Господа благодати, я первого тебя врачую!» Помазав больные ноги и надев на них чулки из посконного холста, старец вынес из келии большое количество сухарей, всыпал их в фалды сюртука Мантурова, и так велел ему идти в монастырь. С некоторым сомнением стал исполнять Мантуров приказание отца Серафима. Но внезапно почувствовал в ногах силу, и крепко, смело мог стоять. Он не помнил себя от изумления и радости, и бросился в ноги старцу, но о. Серафим поднял его, строго говоря: «Разве Серафимово дело мертвит и живит? Что ты, батюшка? Это дело Единого Господа, Который творит волю боящихся Его и молитву их слушает; Господу Всемогущему да Пречистой Его Матери даждь славу!»

Прошло некоторое время. Мантуров чувствовал себя так хорошо, что стал даже забывать о недавней, так мучившей его болезни. Ему захотелось побывать у о. Серафима, принять его благословение, и он отправился в Саров. Дорогой он размышлял о словах о. Серафима, сказанных старцем после его исцеления, что надо ему возблагодарить и прославить Господа. Старец встретил его словами: «Радость моя, а ведь мы обещались поблагодарить Господа, что Он возвратил нам жизнь!»

— Я не знаю, батюшка, чем и как прикажете, — отвечал Мантуров, удивляясь прозорливости старца.

Радостно взглянув на исцеленного, старец сказал: «Вот, радость моя, все, что ни имеешь, отдай Господу и возьми на себя

самопроизвольную нищету!» Странное, трудно передаваемое впечатление произвело на Мантурова это слово, возбудив напряженную работу его мысли. Он был еще молод, женат: чем же он будет жить, если все отдаст. Зная его мысли, старец сказал: «Не пекись, о чем думаешь. Господь не оставит тебя ни в сей жизни, ни в будущей. Богат не будешь. Хлеб же насущный у тебя будет». Всего второй раз видел Мантуров старца. Но старец, как бы вновь от ужасных страданий воззававший его к жизни, уже всецело владел благодарным, привязчивым, пылким сердцем Михаила Васильевича. Слово старца было для него уже святыней, и он ответил: — Согласен, батюшка. Что же благословите мне сделать?

На этот раз мудрый о. Серафим не дал Мантурову определенно-го указания и отпустил его с благословением. Мантуров, исполняя совет старца, отпустил своих крепостных на волю, продал имение, и, сохраняя пока капитал, купил в селе Дивееве на указанном старцем месте 15 десятин земли. Старец завещал ему хранить ее, никому не отдавать и назначить после смерти в Девеево. Поселившись с женой своей лютеранкой, на этом участке, Мантуров стал терпеть недостатки. Его жена, в общем хорошая женщина, была вспыльчивого характера, нетерпелива и упрекала его за его поступок. Но, безгранично доверяя старцу, покорив ему свою волю, Мантуров никогда не роптал и радостно нес тот великий подвиг, к которому Христос призывал обратившегося к Нему за словом жизни юношу и который тот евангельский юноша был не в силах понести. Главное дело, которым о. Серафим занимал Мантурова, были Дивеевские дела. Мантуров стал вернейшим, преданнейшим учеником старца, — можно сказать, доверенным его другом. Старец иначе не называл его, как именем «Мишенька».

Быт отца Серафима во многом изменился, когда в 1825 году он, по явлению ему Пресвятой Богородицы, вышел из затвора. Здоровье старца было не хорошо. Подвиги и изнурение всей жизни, стояние на камнях, затвор — все отозвалось и на его крепкой, выносливой природе. У него болели и ноги, и сильно болела голова. Был необходим свежий воздух и движение. Еще с весны 1825 года он стал по ночам выходить из келии. В ночь на 25 ноября явилась

ему Богоматерь, с разрешением оставить затвор, и с 25 же ноября, взяв благословение у настоятеля, старец стал ходить ежедневно на то место, которое, в отличие от прежнего его жилища в лесу (Дальняя пустынька), стало называться ближняя пустынька.

В двух верстах от Сарова, издавна находился родник, неизвестно кем вырытый и, по стоявшей около него на столбике иконе Иоанна Богослова, называвшийся Богословским. На горке в четверти версты от источника спасался в своей келье отшельник иеромонах Дорофей, скончавшийся в сентября 1825 г. Место это о. Серафим посещал, еще когда жил в «дальней пустыне», работал здесь иногда и любил его. По выходе же из затвора он ежедневно стал посещать это место. Тут явился новый источник, по преданию забивший от удара жезла Богоматери, явившейся здесь старцу. Вода этого источника, называемого «Серафимов», обладает свойством не портиться даже годы, и множество больных, с верою омываясь ею, получали дивные исцеления в тяжких недугах.

Летом 1825 года был возобновлен Богословский родник. Старец, собирая камешки в речке Саровке, выкидывал их на берег и унизывал ими бассейн родника. Около были устроены гряды, на которых старец сажил лук и картофель. Так как в келию о. Дорофея, за четверть версты, ходить утружденному годами и болезнями старцу было уже тяжело, ему строили сруб на холме, близ родника. Небольшой этот сруб, длиною и вышиною в сажень и шириною в два аршина, имел крышу скатом в одну сторону. Ни окон, ни дверей не было. Под стенку надо было подлезать. Сюда старец укрывался от дневного зноя. Через два года ему устроили здесь новую келию, с дверью, но без окон. И тогда он в этом месте стал проводить все дни, с утра, лишь к вечеру возвращаясь в Саров. Рано утром, в четыре, иногда и в два часа по полуночи старец отправлялся в ближнюю пустыньку. Он шел в своем белом холщевом балахоне, в старой камилавке, стопором в руке. На спине у него котомка, набитая камнями и песком. Поверх песку лежало Евангелие. У него спрашивали, зачем он удручает себя этой тяжестью.

— Томлю томящего мя! — отвечал старец. Стечение народа, желавшего кто лишь взглянуть на него, кто принять благослове-

ние, кто спросить у него совета — все увеличивалось. Кто ждал его в Сарове, кто надеялся увидеть его на дороге, кто спешил застать его в пустыньке и быть свидетелем трудов его. Особенно велико было стечение народа вокруг старца в праздничные дни, когда он возвращался после принятия Святых Таин из храма. Он шел, как подходил к чаше — в мантии, епитрахили, поручах. Шел медленно среди теснившегося вокруг него народа, и всякому хотелось взглянуть на него, протискаться поближе к нему. Но он ни с кем тут не говорил, никого не благословлял, ничего не видел. Светлое лицо его выражало глубокую сосредоточенность. Он весь был полон радости и сознания соединения со Христом. И никто не смел прикоснуться к нему.

Войдя же в келию, старец принимал посетителей и говорил с ними. Великою духовною силой полна была речь о. Серафима. Смирненная, пылающая верой и любовью, она как бы снимала повязку с глаз, открывала новые горизонты, звала человека к совершению высокого его земного призвания — служения Богу, как источнику добра, правды и счастья. Эти беседы уясняли ярко все заблуждения жизни, освещали путь впереди, возбуждали жажду новой, лучшей жизни, покоряли старцу волю и сердце слушателей, вливали в них тишину и покой. Все, что старец ни говорил, все то он основывал на словах Писания, на примере святых. Он всегда говорил то, что в данных обстоятельствах было самое важное, нужное для человека. Речь его еще потому имела такую силу, что сам он первый исполнял все то, чему учил других. По прекрасному, меткому сравнению о. Серафима: «Учить других — это как с высокой колокольни бросать камни вниз; а самому исполнять — это как с мешком камней на спине подниматься на высокую колокольню». Свои благодатные дары старец таил, не открывая их без крайней нужды. Вообще он был сторонник сосредоточенной жизни и находил, что и мирским людям надо быть сдержанными и не открываться* легко другим людям.

* Того же мнения придерживался и почивший 11 лет назад великий Оптинский старец Амвросий.

Вот что он пишет по этому поводу:

«Не должно без нужды другому открывать сердца своего. Из тысячи найти можно только одного, который бы сохранил твою тайну. Когда мы сами не сохраним ее в себе, как можем надеяться, что она будет сохранена другим? Когда случится быть среди людей в мире, о духовных вещах говорить не должно, особенно когда в них не примечается и желанья к слушанию. Всеми мерами должно стараться скрывать в себе сокровище дарований: в противном случае потеряешь и не найдешь. Ибо, по изречению святого Исаака Сирина, лучше есть помощь, яже от хранения, паче помощи, яже от дел. Когда же надобность потребует, или дело дойдет, то откровенно в славу Божию действовать должно».

Старец был великий ревнитель православия. Он особенно благоговел к памяти тех святых, которые выяснили и установили сущность правой веры: Климента, папы Римского, Иоанна Златоуста, Василия Великого, Григория Богослова, Афанасия Александрийского, Кирилла Иерусалимского, Епифания Кипрского, Амвросия Медиоланского. Он любил вспоминать их твердое стояние за веру. Убеждая хранить догматы веры, старец приводил в пример блаженного Марка Ефесского, который с непоколебимым мужеством защищал православие на Флорентийском соборе. О. Серафим любил вести беседы о том, в чем состоит чистота православия, как охранять ее, и радовался, что наша церковь содержит в себе Христову истину в полной целости. Высоко чтил подвижник и наших русских святых, говорил о жизни их, брал от них примеры для подражания. Вообще жития святых были для него живыми письменами, по которым он поучал народ. Особенно поразительно было в нем смирение и любовь. Всякого, праведника и изболевшего грехами, трепещущего перед святостью его грешника, богача-вельможу и бедняка: он одинаково встречал земным поклоном, часто целовал посетителям руки. Как ни много бывало у него посетителей, никто не отходил от него неудовлетворенным: он часто одною фразой, одним словом охватывал жизнь человека, наставлял его на нужный путь.

Святой образ его действовал так сильно, что иногда перед ним плакали гордые, самонадеянные люди, пришедшие к нему лишь из любопытства. С людьми же, искавшими его для пользы духовной, искренно стремившимися к спасению — старец был особенно ласков.

Яснее всего вырисовывается образ о. Серафима из сохранившихся воспоминаний его посетителей, людей разнообразного звания и положения. Вот, что ответил он однажды четверем старообрядцам из села Павлова, Горбатовского уезда, которые приходили поговорить с ним о двухперстом сложении. Едва переступили они порог келии и не высказали еще, для чего пришли, как старец подошел к ним, взял одного из них за правую руку и, сложив пальцы его по чину православной церкви, сказал:

— Вот христианское сложение креста. Так молитесь и прочим скажите. Прошу и молю вас: ходите в церковь греко-российскую. Она во всей славе и силе Божией! Как корабль, имеющий многие снасти, паруса и великое кормило, она управляется Святым Духом. Добрые кормчие ее — учителя церкви, архипастыри — суть преемники апостольские. А ваша часовня подобна маленькой лодке, не имеющей кормила и весел. Она привязана вервием к кораблю нашей церкви, плывет за нею, заливается волнами, и непременно потонула бы, если бы не была привязана к кораблю.

Кавалерийский офицер П. Я. Каратаев, в 1830 году посланный из полка за ремонтом, проезжал мимо Сарова. Слыша по дороге рассказы о старце, он хотел заехать к нему, но не решился, боясь, что старец обличит его перед другими в его грехах, особенно же в его отношении к иконам. Ему казалось, что произведение рук человека, часто грешного, не может вместить в себе благодати и быть предметом почитания. Вскоре, по случаю того, что его вызвали в виду польской кампании, ему снова с командой нижних чинов пришлось проезжать мимо Сарова, и теперь, по совету отца, он решил быть у старца. Когда он стал подходить к келии старца, страх его сменился тихой радостью, и он заочно возлюбил о. Серафима. Вот, что произошло дальше:

«Около келии стояло уже множество народа, пришедшего к нему за благословением. О. Серафим, благословляя прочих, взглянул и на меня и дал мне знак рукою, чтоб я прошел к нему. Я исполнил его приказание, со страхом и любовью поклонился ему в ноги, прося его благословения на дорогу и на предстоящую войну, и чтоб он помолился о сохранении моей жизни. О. Серафим благословил меня медным своим крестом, который висел у него на груди, и, поцеловав, начал меня исповедывать, сам сказывая грехи мои, как будто бы они при нем были совершены. По окончании этой утешительной исповеди, он сказал мне: «Не надобно покоряться страху, который наводит на юношей диавол, а нужно тогда особенно бодрствовать духом и помнить, что хотя мы и грешные, но находимся все под благодатью нашего Испытателя, без воли Которого не спадет ни один волос с головы нашей». Вслед за тем он начал говорить и о моем заблуждении относительно почитания святых икон: «Как худо и вредно для нас желание исследовать таинства Божия, недоступные слабому уму человеческому,— например, как действует благодать Божия через святые иконы, как она исцеляет грешных, подобных нам с тобой, прибавил старец,— и не только тело их, но и душу, так что и грешники, по вере в находящуюся в них благодать Христову, спасались и достигали Царства Небесного». Слушая о. Серафима, поистине я забыл о земном своем существовании. Солдаты, возвращавшиеся со мною в полк, удостоились также принять его благословение, и он, делая им при этом случае наставления, предсказал, что ни один из них не погибнет в борьбе, что и сбылось действительно: ни один из них не был даже ранен. Уходя от о. Серафима, я положил подле него на свечи три целковых. Но враг вложил мне такую мысль: «Зачем святому отцу такие деньги?» Эта мысль смутила меня, и я поспешил с раскаянием к о. Серафиму. Я вошел с молитвою к старцу, а он, предупреждая слова мои, сказал мне следующее: «Во время войны с галлами надлежало одному военачальнику лишиться правой руки; но эта рука дала какому-то пустыннику на святой храм, и молитвами святой церкви Господь спас ее. Ты это пойми хорошенько и впредь

не раскаивайся в добрых делах. Деньги твои пойдут на устройство Дивеевской общины, за твоё здоровье». Потом о. Серафим опять исповедал меня, поцеловал, благословил и дал мне съесть несколько сухариков и выпить святой воды, которую, вливая мне в рот, сказал: «Да изженется благодатию Божиею дух лукавый, нашедший на раба Божия Иоанна». Старец дал мне и на дорогу сухарей и святой воды и, сверх того, просфору, которую сам положил в мою фуражку. Наконец, получая от него последнее благословение, я просил его не оставить меня своими молитвами. На это он сказал: «Положи упование на Бога, и проси Его помощи. Да умеи прощать ближним своим, — и тебе дастся все, о чем ни просишь. В продолжение польской кампании я был во многих сражениях, и Господь везде меня спасал за молитвы праведника Своего.

Пришел к старцу один генерал и благодарил его за молитвы. При этом он рассказал ему: «Вашими молитвами я спасся во время турецкой кампании. Окруженный многими полками неприятелей, я оставался сам с одним только полком и видел, что мне ни укрепиться, ни двинуться куда-нибудь: ни взад, ни вперед. Не было никакой надежды на спасение. Я только твердил непрестанно: «Господи, помилуй молитвами старца Серафима», ел сухарики, данные мне вами в благословение, пил воду, и Бог охранял меня от врагов невредимым. Старец на это отвечал: «Великое средство ко спасению — вера, особенно же непрестанная сердечная молитва».

Высоко ставя пятую заповедь, старец не позволял детям говорить против родителей, даже имевших несомненные недостатки. Один человек пришел к старцу с матерью, которая была предана пороку пьянства. Сын только что хотел заговорить об этом, как о. Серафим зажал ему рукою рот и не дал произнести ему ни слова. Потом он, обращаясь к матери, сказал: «Отверзи уста свои» — и, когда она открыла рот, трижды дунул на нее. Отпуская ее, о. Серафим сказал: «Вот вам мое завещание. Не имейте в доме своем не только вина, но даже и посуды винной, так как (предсказал он матери) ты отселе не потерпишь более вина».

Изображение преподобного Серафима

Если кто, спрашивая совета старца, впоследствии не исполнял этот совет,— ему приходилось горько в том раскаиваться. Один рязанский помещик, служивший офицером, просил у старца благословения на вступление в брак. Старец указал ему невесту, назначенную ему Богом. Она жила неподалеку от него, и старец называл ее по имени. Но тот объявил старцу, что женится на другой. «Тебе сия не принадлежит в радость, а в печаль и в слезы!» — ответил ему старец. Он женился по своему выбору, но не прошло и года, как овдовел. Вдовцом он был опять у старца, потом женился на особе, указанной в первый раз старцем, и жил с нею счастливо.

Старец соединял разошедшихся супругов. Супруги Тепловы разъехались вследствие семейных неприятностей. Муж жил в Пензе, а жена в Таганроге. Муж приехал в Саров. Только что старец взглянул на него, как стал говорить: «Зачем ты не живешь с женой? Ступай к ней, ступай!» Слова старца образумили его: он съездил за женой, был с нею в Киеве на богомолье, потом он поселился в деревне, и жили они мирно и счастливо. Известная своим благочестием госпожа Колычева писала знаменитому затворнику Георгию после кончины о. Серафима: «Я видела письма их после известия о смерти старца. Они исполнены горести, что умер отец их и благодетель».

Одна мать потеряла из виду сына, и в страшной горести отправилась к о. Серафиму. Старец сказал ей, чтоб она подождала в Сарове своего сына три дня. На четвертый день истомившаяся женщина опять пошла к старцу, чтоб проститься с ним. А у него в это время находился ее сын, и взяв его за руку, о. Серафим подвел его к матери.

Одному иноку выпало на долю счастье слышать рассказ о. Серафима о восхищении его в райские обители. Старец говорил так: «Вот я тебе скажу об убогом Серафиме. Я услаждался словом Господа моего Иисуса Христа, где Он говорит: в доме Отца Моего обители мнози суть. На этих словах Христа Спасителя я, убогий, остановился и возжелал видеть оные небесные обители, и молил Господа Иисуса Христа, чтоб показал мне эти обители. Господь

не лишил меня Своей милости. Вот, я был восхищен в эти небесные обители. Только не знаю: с телом ли, или кроме тела, Бог весть: это непостижимо. А о той радости и сладости, которые я там вкушал, сказать тебе невозможно». О. Серафим замолчал. Он поник головой, водя рукой около сердца. Лицо его до того просветлело, что нельзя было смотреть на него. Потом снова заговорил: «Если б ты знал, какая радость ожидает душу праведного на небе, ты решился бы во временной жизни переносить всякие скорби, гонения, клевету; если бы келия наша была полна червей, и черви эти ели бы плоть нашу всю временную жизнь нашу, то надобно бы было на это согласиться, чтоб только не лишиться той небесной радости. Если сам святой апостол Павел не мог изъяснить той небесной славы, то какой же другой язык человеческий может изъяснить красоту горнего селения?»

Помещица г-жа Еропкина передает свое впечатление от одного разговора со старцем. «Я удостоилась услышать от него утешительный рассказ о Царствии Небесном. Ни слов его, ни впечатления, сделанного им на меня в ту пору, я не в силах теперь передать в точности. Вид его лица был совершенно необыкновенный. Сквозь кожу у него проникал благодатный свет. В глазах у него выражалось спокойствие и какой-то неземной восторг. Надо полагать, что он, по созерцательному состоянию духа, находился вне видимой природы, в святых небесных обителях, и передавал мне, каким блаженством наслаждаются праведники. Всего я не могла удержать в памяти, но знаю, что говорил он мне о трех святителях: Василии Великом, Григории Богослове, Иоанне Златоусте, в какой славе они там находятся. Подробно и живо описал красоту и торжество святой Февронии и многих других мучениц. Подобных живых рассказов я ни от кого не слыхала. Но он точно не весь высказался мне тогда и прибавил в заключение: «Ах радость моя, такое там блаженство, что и описать нельзя!» Вот еще что вспоминает в первое полугодие по кончине старца Серафима г-жа Колычева в письмах к известному затворнику Задонскому Георгию.

«Мне, и в присутствии моем, другим рассказывала генеральша Мавра Львовна Сипягина. Она была больна, чувствовала ужа-

сную тоску, и от болезни не могла в постные дни кушать пищи, положенной уставом церкви. Когда она пришла к отцу Серафиму просить помощи, старец приказал ей напиться воды у его источника. Мавра Львовна напилась. Вдруг, без всякого принуждения, из ее гортани вышло множество желчи, и после сего она стала здорова. Многим даже в ранах, о. Серафим приказывал окатиться водою из его источника. Все получали от этого исцеление — и в различных болезнях. «Жизнь батюшки Серафима и чудные дела Божии в нем меня радуют. А как вспомню о его переселении от здешних — глаза полны слез. В бытность у него я так была удивлена им, что нашлась мало о чем поговорить с ним о себе. Только лились неудержимо мои слезы».

Переходя к описанию последних лет жизни великого старца, следует заметить, что в эти годы он одевался несколько иначе, чем прежде. Он носил теперь подрясник из толстого черного сукна. Летом сверху накидывался белый холщевый балахон, а зимой он надевал теперь шубу и рукавицы. От дождя и жары он носил кожаную полумантию с вырезами для продевания. Обувь его составляли: для церкви — кожаные коты; зимою ходил в бахилах, летом — в лаптях. Отдыхал он в сенях или в келии. Спал, сидя на полу, спиной прислонясь к стене и протянув ноги. Иногда клал голову на кирпич или поленья. В самое же последнее время его жизни без ужаса нельзя было смотреть на его сон. Он становился на колени и, поддерживая руками голову, спал, опираясь локтями на пол, лицом к земле.

Небо стало для него, действительно, близкою, родною стихией. Когда, за два года до кончины его, офицер Каратаев спросил его, не надо ли передать чего его брату и курским родственникам, старец указал на лик Спасителя и Божией Матери и произнес с улыбкой: «Вот мои родные!» В эту пору своей жизни о. Серафим особенно усердно молился за всех христиан, усопших и живых. В келии о. Серафима горело много лампад, и особенно много пуков восковых свеч большого и малого размера. Они были поставлены на круглых подносах, и от постоянного их горения в тесной келии была постоянная жара. О. Серафим сам объяснил значение этих свеч

почитателю своему Мотовилову: «Я имею, как вам известно, многих особ, усердствующих ко мне и благотворящих моим сиротам (Дивееву). Они приносят мне елей и свечи и просят помолиться за них. Вот, когда я читаю «правило» свое, то и поминаю сначала их единожды. А так как, по множеству имен, я не смогу повторять их на каждом месте «правила», где следует, — тогда и времени мне не достало бы на совершение моего правила — то я и ставлю эти свечи за них в жертву Богу, за каждого по одной свече; за иных — за несколько человек одну большую свечку, за иных же постоянно тепло лампы; и, где следует на «правиле» помянуть их, говорю: «Господи, помяни всех тех людей, рабов Твоих, за их же души возжег Тебе аз, убогий, сии свещи и кандила». А что это не моя, убогого Серафима, человеческая выдумка, или, так, простое мое усердие, ни на чем не основанное: то я приведу вам в подкрепление слова Божественного Писания. В Библии говорится, что Моисей слышал глас Господа, глаголавшего к нему: «Моисее, Моисее, рцы брату твоему Аарону, да возжигатель пред Мною кандилы во дни и в ночи. Сия бо угодна есть пред Мною, и жертва благоприятна Ми есть». Так вот почему святая Церковь приняла в обычай возжигать во святых храмах и в домах верных христиан кандила или лампы пред иконами».

Трогательна была забота его об умерших. Он сам рассказывал следующее: «Умерли две монахини, бывшие обе игуменьями. Господь открыл мне, как души их были ведены по воздушным мытарствам, что на мытарствах обе были истязуемы, потом осуждены. Трое суток молился я о них, убогий, прося о них Божию Матерь. Господь, по своей благости, молитвами Богородицы помиловал их: они прошли все воздушные мытарства и получили от Бога прощение».

Да, старец Серафим глубоко проник во все, невидимое нашему взору. Та преграда, что существует между земным и небесным, для него, кажется, не существовала. Еще в земном теле казался он бесплотным. Так, сохранился рассказ о том, как видели его на молитве поднявшимся на воздух. Княгиня Е.С.Ш. привезла к старцу больного своего племянника Я., приехавшего к ней

из Петербурга. Его на кровати внесли в монастырскую ограду. Старец, как бы ожидая его, стоял у дверей своей келии, и просил, чтоб больного внесли к нему. Когда они остались вдвоем, о. Серафим сказал: «Ты, радость моя, молись, и я буду за тебя молиться. Только смотри: лежи, как лежишь, и в другую сторону не оборачивайся». Долго больной лежал, не оборачиваясь, послушный слову старца. Но, наконец, любопытство принудило его обернуться, посмотреть, что делает старец. Он увидел о. Серафима стоящим на воздухе в молитвенном положении. От неожиданности он вскрикнул. Старец, кончив молитву, подошел к нему и сказал: «Вот ты теперь будешь всем толковать, что Серафим святой, молится на воздухе. Господь тебя помилует. А... ты смотри, огради себя молчанием, и не открывай того никому до дня преставления моего. Иначе болезнь к тебе опять вернется». Я вышел от старца сам, хотя и опираясь на костыль. Когда его стали расспрашивать, что делал с ним старец, он упорно молчал. Совершенно оправившись, он вернулся в Петербург, где обыкновенно жил, потом снова отправился к тетке в деревню и узнал здесь о кончине великого старца. Тогда он открыл то, чему был свидетелем.

По всей России среди людей, сколько-нибудь ценивших благочестие, глубоко чтили отца Серафима. Все современные ему русские подвижники благочестия отзывались о нем, как о великом духовном муже. Некоторые епископы писали к нему, спрашивали у него советов. Особенно почитал его Воронежский архиепископ Антоний, которого старец Серафим называл великим архиереем Божиим. Духом о. Серафим знал многих подвижников. Известны, например, его полные изумительной прозорливости отношения к Георгию, затворнику Задонскому, к затворнику Ачинскому (в Сибири) Даниилу Делие. Один посетитель затворника Георгия, увидев у него на стене незнакомый ему портрет, спросил, чей это портрет. Тогда Георгий рассказал ему замечательное проявление над ним прозорливости старца Серафима, который тогда уже скончался и которого изображал портрет.

Затворника долгое время смущал помысл, не перейти ли ему из Задонского монастыря в другой монастырь. Два года он боролся

с этим помыслом, никому его не открывая. Однажды келейник его докладывает ему, что пришел странник с поручением от старца Саровского Серафима, которое он желает передать лично. Когда странник был допущен к затворнику, он сказал: «Отец Серафим приказал тебе сказать: стыдно-де, столько лет сидевши в затворе, побеждаться такими вражескими помыслами, чтобы оставить сие место. Никуда не ходи. Пресвятая Богородица велит тебе здесь оставаться». Сказав эти слова, престарелый странник поклонился и вышел. Некоторое время, в глубочайшем изумлении тому, что о. Серафим издалека послал ему ответ на тайный помысел, неподвижно стоял затворник. Опомнясь, послал келейника вдогонку за ним, чтоб подробно расспросить его. Но ни в монастыре, ни за монастырем странника не могли уже найти.

За двадцать один месяц до кончины великому старцу Серафиму было дивное посещение Пречистой Девы Богородицы. Как многие, или, лучше сказать, большинство русских преподобных, старец Серафим отличался безграничным, умилительным благоговением к Богоматери. Пресвятая Владычица, начиная с того раза, что в детстве его обещала ему исцеление, неоднократно являлась своему избраннику. Особо же знаменательного посещения Владычица мира, и уже наяву, старец сподобился в день Благовещения Пресвятой Богородицы, 25-го марта 1831 года. Свидетельницей этого посещения была Дивеевская старица Евдокия. О. Серафим накануне знал о благодатном посещении.

Ранним утром, в день Благовещения, о. Серафим, накрыв инокиню своею мантиею, стал читать каноны и акафисты. Затем сказал ей: «Не убойся, не утрашись... Благодать Божия к нам является»...

...Сделался шум, вроде ветра, дверь келии сама отворилась, засиял яркий свет, полилось благоухание, раздалось пение. Трепет наполнил инокиню. О. Серафим упал на колени и, воздевая руки к небу, произнес: «О преблагословенная Пречистая Дева, Владычица Богородица!»

Впереди шли два ангела с ветвями в руках, усаженными только что расцветшими цветами. Они стали впереди. За ними шли:

святой Иоанн Предтеча и святой Иоанн Богослов в белой блистающей одежде. За ними шла Богоматерь и двенадцать дев. На Царице небесной была мантия, как пишется на образе Скорбящей Божией Матери, несказанной красоты, застегнутая камнем, выложенным крестами. Поручи на Ее руках, и епитрахиль, наложенная сверх платья и мантии, были тоже выложены крестами. Она казалась выше всех дев. На голове Ее сияла в крестах корона — и глаз не выносил света, озарявшего лик Пречистой. Девы шли за Нею попарно в венцах и были разного вида, но все великой красоты. Келия сделалась просторнее, и ее верх исполнился огней как бы от горящих свеч. Было яснее полудня, светлее солнца.

Долго инокия была в трепетном забытии. Когда же пришла в себя, о. Серафим стоял уже не на коленях, а на ногах перед Владычицей, и Она говорила с ним как с родным человеком... Девы сказали инокине свои имена и страдания за Христа. То были великомученицы Варвара и Екатерина, Марина и царица Ирина, Пелагия, Дорофея и Иулиания, первомученица Фекла, преподобные Евпраксия и Макрина, мученицы Анисия и Иустина.

Из беседы Пречистой Владычицы с о. Серафимом инокия слышала: «Не оставь дев моих (Дивеевских)». Старец отвечал: «О, Владычице, я собираю их. Но сам собою не могу их управить». Царица небесная сказала: «Я тебе, любимиче Мой, во всем помогу. Кто обидит их, тот будет поражен от Меня. Кто послужит им ради Господа, тот поминовен будет перед Богом». Благословляя старца, Владычица произнесла: «Скоро, любимиче Мой, будешь с нами».

Видение исчезло в одно мгновение. Старец говорил, что оно продолжалось четыре часа.

В последний год жизни великий старец крайне ослабел. Он не мог всякий день ходить в «ближнюю пустыньку» и в монастыре не мог принимать многих. Народ скорбел о том, и многим, чтоб видеть старца, приходилось подолгу жить в гостиннице монастырской, чтоб насладиться благоуханием его последних бесед. Все так же сияли в старце дивные дары его: прозорливость, дар исцелений.

Замечательна одна из последних бесед старца, которую он имел с помещиком Богдановым за неделю до своего конца. В день Рождества Богданов очень рано пришел в пустую еще церковь, и увидел, что о. Серафим сидел на полу правого клироса. Он после обедни попросил назначить ему время для беседы. На эту просьбу старец ответил: «Времени не надо назначать; святой апостол Иаков, брат Божий, поучает: аще Господь восхощет и живы будем, сотворим сие и сие». В тот же день, приготовив вопросы, уяснить которые он желал мнением старца, он пришел к нему в келию, и о. Серафим согласился беседовать с ним. Все время беседы он стоял, опершись на дубовый гроб, и держал в руках горящую восковую свечу. На вопрос — продолжать ли службу, или жить в деревне, старец ответил: «Ты еще молод — служи. Добро делай. Путь Господень все равно. Враг везде с тобой будет. Кто приобщается, везде спасен будет. А кто не приобщается — не мню».

На вопрос, учить ли детей языкам и прочим наукам, старец ответил: «Что же худого знать что-нибудь?» В то же время в Богданове мелькнула мысль, что самому надо быть ученым, чтоб отвечать на это. А прозорливый старец тотчас молвил: «Где мне, младенцу, отвечать на это против твоего разума? Спроси кого поумней».

На вопрос, должно ли лечиться в болезнях, старец сказал: «Болезнь очищает грехи. Однако же воля твоя. Иди средним путем. Выше сил не берись. Упадешь, и враг посмеется тебе. Вот, что делай: укоряют — не укоряй. Гонят — терпи. Хулят — хвали. Осуждай сам себя, так Бог не осудит. Покоряй волю свою воле Господней. Никогда не лести. Познавай в себе добро и зло: блажен человек, который знает это. Люби ближнего твоего — ближний твой плоть твоя. Если по плоти поживешь, то и душу и плоть погубишь. А если по Божьему, то обоих спасешь. Эти подвиги больше, чем в Киев идти».

На вопрос, надо ли, для поддержания своего звания, вовлекаться в издержки, превышающие достатки человека, старец сказал: «Кто как может. Лучше, чем Бог послал. Хлеба и воды довольно

для человека». На вопрос, должно ли угождение людям доходить до несогласия с волею Божиею, старец ответил: «За эту любовь многие погибли. Аще кто не творит добра, тот и согрешает. Надобно любить всех, а больше всего — Бога». На вопрос о том, как управлять подчиненными, о. Серафим ответил: «Милостями, облегчением трудов, а не ранами. Напой, накорми, будь справедлив. Аще Бог прощает, и ты прощай». Затем старец говорил: «Что облобызала и приняла святая Церковь, все для сердца христианина должно быть любезно. Не забывай праздничных дней. Будь воздержан, ходи в церковь, разве немощи когда. Молись за всех: много этим добра сделаешь. Давай свечи, вино и елей в церковь. Милостыня много тебе блага сделает»» На вопрос о девстве и браке, старец сказал: «Девство славно, и брак благословен Богом. Только враг смущает все»»

Богданов спросил, можно ли есть скоромное по постам, если кому постная пища вредна, и врачи требуют, чтоб ели скоромное. На это старец ответил: «Хлеб и вода никому не вредны. Как же люди по сто лет жили? Не о хлебе едином жив будет человек... А что Церковь положила на семи Вселенских соборах, то исполняй. Горе тому, кто слово одно прибавит. Что врачи говорят про праведных, которые исцеляли от гниющих ран одним прикосновением? «Чем истребить гордость и приобрести смирение?» — спросил Богданов. — Молчанием отвечал старец. Молчанием большие грехи побеждают. Прощаясь с Богдановым, старец благодарил его «за посещение его убожества» и хотел поцеловать ему руку, кланяясь все ему до земли; наделил его сухариками, прося раздать их его подчиненным. Старец говорил на этот раз чрезвычайно поспешно. Не успевал Богданов прочесть записанный на бумажке вопрос, как уже следовал ответ.

То, что сказано старцем в этой беседе, представляет собою правила жизни для мирянина, идущего средним путем — без особых подвигов, но не забывающего о Боге.

Свидевшись с истинным подвижником, старцем Тимоном, которого не видел 20 лет, о. Серафим говорил ему: «Сей, отец Тимон, сей, всюду сей данную тебе пшеницу. Сей на благой зем-

Изображение преподобного Серафима

ле, сей и на песке, сей на камени, сей при пути, сей и в тернии. Все где-нибудь да прозябнет и возрастет, и плод принесет, хотя и не скоро». Благословляя при прощании исцеленную им за пять месяцев до кончины монахиню, которая спрашивала его, может ли она надеяться еще увидеть его, старец, указывая рукою на небо, сказал: «Там увидимся. Там лучше, лучше, лучше!»

Отец Серафим стал готовиться к концу. Он все реже и реже выходил в пустыньку, все менее принимал у себя. Его нередко видели в сених. Он сидел у приготовленного им для себя гроба и размышлял о смерти и загробной участи. Часто он горько плакал. Теперь, прощаясь со многими, старец утвердительно говорил: «Мы не увидимся более с вами». Когда некоторые говорили о своем желании приехать в Саров великим постом, старец отвечал: «Тогда двери мои затворятся. Вы меня не увидите». Старец все был бодр — но, видимо, жизненная сила догорала. «Жизнь моя сокращается, говорил он некоторым, духом я как бы сейчас родился. А телом по всему мертв».

В августе, за четыре месяца до конца о. Серафима, вновь назначенный в Тамбов преосвященный Арсений, впоследствии митрополит Киевский, был в Сарове и посетил о. Серафима. Старец поднес архиерею в подарок четки, пук восковых свеч, обернутых в холстину, бутылку деревянного масла и шерстяные чулки. Затем отдельно он принес ему бутылку красного церковного вина. Все это означало, что старец просит по смерти своей поминать себя... Свечи, масло и вино, сбереженные преосвященным, были употреблены на ту литургию, которую он совершил о упокоении старца, когда получили известие о кончине его. А прочие предметы преосвященный оставил у себя. Отец Серафим приказал послать некоторым лицам письма, приглашая их поспешить приездом. Также поручил передать разным другим лицам, которые не могли приехать, нужные для них наставления. «Сами-то они меня не увидят» — объяснял старец.

Перед новым годом старец отмерил себе могилу у алтаря Успенского собора, на месте, на котором когда-то, выйдя из затвора, положил камень. Как-то в эту пору один инок, изумляясь

жизни о. Серафима, спросил его: «Почему мы, батюшка, не имеем такой строгой жизни, какую вели древние подвижники благочестия?»

— Потому, отвечал о. Серафим, что не имеем к тому решимости. Если б решимость имели, то и жили бы так, как отцы, в древности просиявшие. Потому что благодать и помощь Божия к верным и всем сердцем ищущим Господа Бога ныне та же, какая была и прежде. Ибо, по слову Божию, Иисус Христос «вчера и днесь, той же и во веки». Эти слова можно считать как бы печатью жизни отца Серафима.

Да, он, в одном человеческом существе вместивший столько подвигов, на пространстве одной жизни соединивший в себе крепость, ревность, пыл как бы многих великих людей; да, он, по правде, доказал своею жизнью, что все та же благодать, вдохновлявшая первых великих преподобных, воспитавшая величайших мужей Церкви: и теперь, нисколько не оскудев, пребывает в Церкви, лишь бы искали люди черпать из этого источника, только бы имели решимость к Богу одному стремиться, Бога одного желать. Тем и велико значение отца Серафима, что в его лице заветная крепость прежних времен воскресла. Столь же высоко парил дух его, как у отцов первых христианских церквей. И потому столь же поразительна, выходя из всяких обычных рамок, была и жизнь его. Вот трогательный завет, переданный старцем одной Дивеевской инокине и, конечно, относящийся и ко всем чтущим его:

«Когда меня не станет, ходите, матушка, ко мне на гробик. Ходите, как вам время есть. И чем чаще, тем лучше. Все, что ни есть у вас на душе, все, о чем ни поскорбите, что ни случилось бы с вами — со всем придите ко мне на гробик. Да, припав к земле, как к живому, и расскажите. И услышу вас, и скорбь ваша пройдет. Как с живым, со мной говорите. И всегда для вас жив буду». Сестер Дивеевских старец поручал заступлению Царицы Небесной.

Наступил первый день 1833 года, пришедшийся на воскресенье. Отец Серафим приобщился за ранней обедней в дорогом ему храме Соловецких чудотворцев. И, чего не делал раньше, обошел все иконы, прикладываясь ко всякой и ставя свечи. После службы

он простился со всеми молившимися монахами, благословил, поцеловал и говорил: «Спасайтесь, не унывайте, бодрствуйте, днесь нам венцы готовятся!» Три раза в этот день старец выходил на место, назначенное для погребения его, и долго смотрел в землю. Вечером было слышно, как он в келии своей поет пасхальные песни.

В конце ранней литургии 2 января отец Серафим был найден в своей келии почившим в молитвенном коленопреклоненном положении. Старца схоронили на выбранном им месте у стены Успенского собора, в приготовленном им задолго до смерти дубовом гробе. На грудь, по его завещанию, положили ему финифтяное изображение преподобного Сергия. Впоследствии над гробом его поставлен тяжелый памятник. В недавнее время вокруг могилы устроена часовня со стеклянными стенами. Там размещены большие картины, изображающие старца кормящим медведя, старца у ближней пустыньки, блаженную кончину старца и благодатное посещение его Пресвятою Богородицею.

Келия его в последние годы обведена храмом, в котором она служит алтарем. Обе «пустыньки» — избы из ближней и дальней пустыnek перенесены в Дивеев. В одной из них устроен алтарь, где хранятся разные предметы, принадлежавшие отцу Серафиму. В другой, на память о старце, раздают кусочки ржаного хлеба, как делал это он сам. Камень, на котором старец Серафим молился тысячу ночей, был разобран по кусочкам богомольцами на благословение. От него остался лишь небольшой кусок. Во многих русских благочестивых семьях можно встретить обломки этого камня с изображением на них молящегося коленопреклонно на камне, с воздетыми руками, отца Серафима. Что-то трогательное до слез, привязывающее сердце какою-то невыразимой властью есть в существе дивного старца. Счастлив, кто будет призывать его! Справедлив отзыв о нем «великого архиерея Божия» архиепископа Антония Воронежского: «Он как пудовая свеча, всегда горит перед Господом, как прошедшею своею жизнью на земле, так и настоящим дерзновением перед Святою Троицею».

Немногие праведники прославлялись столь скоро после кончины своей, как о. Серафим. Все эти 70 лет, отделяющие нас от дня

его преставления — полны проявлениями его жизни, его любви и сострадания. Вот некоторые из чудес старца.

Из письма П. И. Архипова из Москвы от 7-го октября 1869 года: «Приношу мою искреннюю благодарность за присылку жене моей Марии Николаевне образа на финифти с изображением Богоматери и о. Серафима, молящегося перед нею. Образ этот вручен был во время тяжелой болезни утром пришедшею монахиней. Жена моя за несколько времени перед этим видела во сне, или даже наяву — ибо она была в беспамятстве, — что о. Серафим хлопотал и заботился около нее, обливая ее теплою водою. Когда же она опомнилась, то вся была в поту. Тут ей дали присланный вами образ, и с сей минуты она начала выздоравливать, тогда как злая горячка, вместе с пузырьчатою рожей, совершенно свели ее, было, в могилу. Я и каждый из членов моего семейства свидетельствуем, что молитва преподобного о. Серафима велика перед Богом. Много, много было с нами чудных случаев, уверивших нас в его перед Богом заступлении».

Письмо Марии Григорьевны Сабуровой:

«Во Имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь. Я удостоилась во время сильной тифозной горячки видеть угодника Божия о. Серафима в видении, будто бы я пришла в Саровскую пустынь, и старец о. Серафим послал меня в Дивеевскую обитель. И, когда в видении представилась пустынь, в ней недоконченный храм, а на воздухе над храмом я увидела икону Божией Матери: святой отец Серафим сказал мне от имени Царицы небесной, что я буду жива, болезнь моя не к смерти. Старец еще сказал: «И нынче у вас траура не будет, а в будущем 1869 году будет траур». Это видение тут же, не пришедши еще в сознание, я рассказала всем присутствующим, а, опамятавшись, опять повторила видение. Все, что я видела, исполнилось. И траур в нашем семействе случился неожиданный через десять месяцев. Брат моего мужа, молодой человек, камергер Николай Дмитриевич Сабуров умер за границей. В виденном подписываюсь: М. Г. Сабурова. Свидетельницами при этом видении были: А. М. Языкова, Т. С. Узнанская, В. Г. Языкова».

Марфа Толстова, крестьянка Пензенского уезда, села Заянчково, 50 лет от роду, была совершенно слепая 14 лет и видела во сне старичка, повелевшего ей побывать в Сарове, где она получит исцеление. «Взгляни на меня!» — говорит ей старец во сне, и она ясно различала его. «Поди,— приказал он,— на Серафимов источник, умойся, и, взяв из него воды, подымись на гору, до камня; нагнувшись, помочи глаза и исцелишься от слепоты». 29-го июня 1873 г. Исполнилось все сказанное, она в Сарове прозрела.

В октябре 1874 года было получено в Дивееве письмо Нижегородской помещицы Каратаевой: она просила прислать масла из лампадки от образа о. Серафима. Это масло, привезенное из Дивеева, давала ей ее двоюродная сестра княгиня Чегодаева, и оно излечило Каратаеву от сильнейшего ревматизма.

Княгиня А. С. Кугушева писала Дивеевской игумении Марии: «Вы не можете себе представить, какое страдание я выносила. Ухо мое и челюсть моя до того разболелись, что я ночи не спала и не могла уложить голову, чтоб успокоиться. Одно благодетельное средство — это полотенчику батюшки Серафима. Едва уложу его на больное место, как успокоится боль, и я засну».

Письмо к Дивеевской игумении, матери Марии, В. С. Волкова: «Дивен Бог во святых Своих. 17-го числа сего месяца в моей семье совершилось, по молитвам батюшки о. Серафима, чудное по мгновению своему исцеление трехлетней внучки моей Ольги, которая, будучи весела и играя, вдруг впала в изнеможение, глаза ее помутились, она смотрела дико, как умалишенная, руки ее были сведены, и на делаемые ей вопросы, так как язык у ней отнялся, не могла отвечать. Мать ее прибежала ко мне в слезах, растерянная и как сумашедшая, прося меня дать ей чего-нибудь святого. Я немедленно велел принести водицы из источника отца Серафима и полученные мною от вас, в память его раздаваемые, сухарики, дал моей больной, которая, сделав глотка три водицы, тотчас пришла в себя и стала говорить. А когда съела три размоченных в той же воде сухарика, то глаза ее и руки приняли свой постоянный вид и она начала смеяться и играть, и по сие время здорова.

Протоиерей Арзамасского собора Светозарский писал в Дивеево 26 апреля 1873 г.: «Со второй недели минувшего поста постигло меня посещение Божие тяжкою простудою, от которой возникла нестерпимая боль внутри. На четвертой неделе она усилилась до такой степени, что я ожидал себе конца. С 16 марта на 17-е в часу первом пополудни сам предстал угодник Божий видимо перед моею кроватью и на коленочках питал меня какою-то сладкою пищей, вроде пирожков. Приказал мне сейчас же читать акафист Божьей Матери, который я знал изустно. Я читал твердо, а о. Серафим продолжал свое дело меня кормить и вдруг исчез, после чего в один момент болезнь моя уничтожилась».

И как обаятельно милостив, ласков, заботлив великий старец в таких явлениях своих. И какие теперь потоки потекут от его благодеяний, знамений, исцелений!

Дивный старец Серафим, помогай нам!

Кончина праведных и последние дни земной жизни старца Серафима

(2-го января 1833–1903 гг.)

Смерть, представляющаяся ужасом, жестокою, роковою гостьею для людей, живущих, по «образу мира», забывших о Боге и равнодушных к вечности: эта же смерть желанна для человека, жившего чистою духовною жизнью, считавшего себя на земле гостем на краткое время и ожидавшим конца земного своего бытия, как начала блаженной и ликующей вечности. Разве земная жизнь для христианина не кажется временем печального изгнания, а смерть — возвращением в отчизну, освобождением от тяжкого плена земли? Кто из людей, хотя бы временами не угнетавший в себе духа, хотя бы лишь порывами живший духовною жизнью, не ощущал в себе этой невыразимой тоски по небу, этой глубокой неудовлетворенности землею с ее ничтожными радостями, в самом веселии которых слышится грусть.

И если мирские люди в лучшие свои минуты тоскуют по небу, — то как велика должна быть эта тоска в Божьих избранниках, как

сильно их желание вернуться к Богу. Невольно вспоминаются эти ясно выраженные в жизни людей Божьих не ослабевающие порывы к иной жизни.

«Желание имею разрешиться (от уз плоти), восклицает божественный Павел, и со Христом быть!»

Это желание, этот призыв Бога и мольба взять к себе поскорее душу слышится в акафисте преосвященного Иннокентия Херсонского Животворящим Таинствам Христовым, в заключительных восклицаниях икосов: «Иисусе, Боже сердца моего, прииди и соедини мя с собою на веки!»

Оно звучит в заключительных словах «молитвы честному кресту», где говорится о небесной жизни: «прославлю самым лицезрением Верованного, одержанием Чаянного, и наслаждением — Любимаго, единого в Троице Бога, славимаго в бесконечные веки». Достигши высших ступеней духовности, знаменитый подвижник, старец Парфений Киевский, с нетерпением и радостью ожидая дня смерти, сидя у давно приготовленного им для себя гроба, говорил с восторгом о том, как душа, покинув тело, просияет, как солнце, и будет с удивлением смотреть на свою смрадную темницу; а смерть этот человек называл «возвращением от земного, бедственного, многоплачевного, скучного, прискорбного и болезненного странничества в небесное, любимое, блаженное, покойное, всевеселящее, немерцающее, бессмертное, некончаемое, вечное и неизреченное отечество».

Есть замечательное произведение искусства, с чрезвычайною силою выражающее это стремление святых душ к Богу и радость «соединения с Ним на веки». Это картина «Преддверие рая» Васнецова, помещенная по поясу купола в Киевском Князь-Владимирском соборе. Там множество святых со стремительностью летят к открывшемуся для них блаженству. И среди различного проявления торжества, радости, ликования это чувство стремительности составляет главную черту картины. «Желание имый разрешиться»: то есть — пылаю, сгораю жаждою Христа.

И вот отчего смерть людей, столь убежденных в наследии вечности и для них самих, и для тех, кто видит ее или только слышит,

представляется великим духовным торжеством. Вот отчего эти дни становятся по церковном прославлении таких людей праздниками.

«Смерть грешника люта» — и, думается, редко в жизни можно встретить что-нибудь ужаснее смерти человека, во время земной своей жизни не думавшего о вечности, когда эта вечность, теперь несомненная и как бы осязательная, открывается перед ним. Эта борьба против смерти, вопли: «Я жить хочу!» Это как бы хватание за жизнь с безумной надеждой удержать ее, укрыться в нее от надвигающихся видений по-ту-сторонней жизни: есть одно из печальнейших зрелищ, какие дает извращение человеком своей божественной природы, и одно из самых ярких, бьющих доказательств бессмертия души и вечности.

Но как спокойна, ясна кончина праведных! Умирание их тела подобно тихому падению с ветки на мягкую мураву сочного, созревшего плода. В большинстве случаев оно вовсе безболезненно, или если даже острая болезнь разрушала организм: тихи предсмертные часы праведника.

Не бесполезно, по слову Апостола, «взирая на скончание жителства» праведников, «помянуть веру их», и мы, прежде чем перейти к повествованию о блаженной кончине старца Серафима Саровского, припомним обстоятельства кончины некоторых других подвижников.

Нельзя без глубокого волнения читать о кончине святителя Димитрия Ростовского. Этот великий подвижник, оставивший своему народу величайшее духовное сокровище — Четью-Минею — и не один только свой век, но и последующие времена огласивший «пастырской свирелью богословствования своего», своими дивными проповедями, еще не в старых для его сана летах, тихо догорал в суровом климате Ростова, вдали от родной, теплой Украины с ее задумчивыми тополями, с пронзительным светом ее звезд... Непосильные труды, за всю жизнь напряжение сил душевных, наконец, множество огорчений изнурили силы святителя. Но из слабеющих рук перо, под этою рукой написавшее столько вдохновенных страниц, не выпадало до последнего

дня. Еще 27-го октября 1709 года он пишет старому собеседнику своему иноку Феологу: «Поистине возвещаю ти, яко немоществую. До чего ни примусь, все из рук падет. Дни мне стали темны, очи мало видят, в нощи свет свещный мало способствует, паче же вредит. А недугование заставляет лежать да стонать». Вечером того же дня митрополит велел позвать своих певчих. Он сидел у печи и грелся, а певчим велел петь сложенные им канты: «Иисусе мой прелюбезный, надежду мою в Боге полагаю, Ты мой Бог Иисусе, Ты моя радости». — Послушав пения, митрополит отпустил певчего «и усерднейшего в трудах ему помощника», «бельца» Савву Яковлева, который был переписчиком набело его сочинений: — труд по тому времени не малый. Очевидно, святителю хотелось иметь в ту минуту около себя живую душу, поделиться своими мыслями, воспоминаниями. И стал митрополит Димитрий рассказывать бельцу Яковлеву о своей юности среди благословенной Украины, о порывах к Богу, о молодом рвении к молитвам, и заключил свой рассказ словами: «И вы, дети, такожде молитесь!» Наконец, святитель отпустил певчего словами: «Время и тебе, чадо, отойти в дом твой». Он благословил его, и, провожая его, в виде благодарности за переписку сочинений, поклонился ему почти до земли. Яковлев был очень смущен, а святитель произнес последние слышанные от него на земле слова благодарности: «Благодарю тя чадо!» и вернулся к себе в келью, а певчий расплакался и ушел. Отпустив служителей, митрополит Димитрий вошел в особую келью, где он обыкновенно молился. На следующее утро он был найден почившим в коленопреклонной молитве.

Величественна была кончина кроткого митрополита Киевского Филарета, который прощался с духовенством, передавал для доставления государю последние приветствия любви и последние благословения.

Митрополиту Московскому Филарету незадолго до конца явился отец его во сне и сказал ему: «Береги 19-е число». Настал воскресный день 19-го ноября 1867 года, и митрополит в домашней церкви своей совершил литургию, по замечанию окружаю-

*Икона Богоматери Умилениа,
перед которую скончался преподобный Серафим*

щих, особенно бодро и вдохновенно. Через несколько часов он был бездыханен.

В 1857 году стал быстро угасать знаменитый проповедник архиепископ Херсонский Иннокентий. Но он не бросал занятий. Накануне смерти выезжал, читал корректуру сочинения своего: «Последние дни земной жизни Спасителя». Настал Троицын день, 26-го мая. Он встал в 5-м часу, прошелся по комнате, подерживаемый служителями, затем прилег. Почувствовав приближение смерти, он велел приподнять себя и тихо скончался коленопреклонный на руках двух келейников.

В Пензе 10-го октября 1819 года на 36-м году от роду почил праведный епископ Иннокентий, пострадавший за свою православную ревность во время господствовавшего тогда и поддерживаемого министром духовных дел князем А. Н. Голицыным протестантского направления. В ночь перед кончиною он позвал к себе келейника и сказал ему: «Какое дивное видение мне представилось! Казалось мне, что небеса отверзлись. Двое светлых юношей в белых одеждах, слетев с высоты, предстали предо мной и, с любовью смотря на меня, взяли меня, немощного, и вознесли с собою на небо. Сердце мое исполнилось несказанной радости, и я пробудился».

10-го октября утром он просил пособоровать его и, напрягая последние силы, повторял молитвы и несколько подымался при помазании елеем. Потом язык стал неметь, дыхание прерываться, он крестообразно сложил руки на груди; окружающие развели их, чтоб не затруднять дыхания, но он опять сложил их крестом. Перед самым концом один из окружающих стал читать псалмы. При словах: «Аз к Богу возвах, и Господь услыша мя», — капли слез выкатились из глаз умирающего; на словах же: «Аз же, Господи, уповаю на Тя», — преосвященный Иннокентий вздохнул в последний раз и тихо предал дух Богу.

Прекрасен был конец почившего 20 декабря 1846 года архиепископа Воронежского и Задонского Антония, одного из славных подвижников XIX века, находившегося через пространство, никогда не видел его, в замечательном духовном общении с великим стар-

цем Серафимом, чему пример увидим ниже. Накануне смерти он сказал плачущему племяннику: «Я еще не умру: мне Божия Матерь сказала, что нужно дела кончить». Проведя ночь в молитве, архиепископ Антоний 20-го утром назначил быть в 6 часов пополудни соборованию, послал на почту денежные письма бедным и раздал милостыню пришедшим к нему. Викарию своему он сказал: «Никакого не чувствую страха, желаю разрешиться и быть со Христом». Сделав некоторые распоряжения, владыка стал молиться. В 6 часов началось торжественное молебствие, длившееся час. Архипастырь сидел в креслах со свечью и сам прочел последнюю молитву: «Простите мя, отцы и братия». Благословив всех, он перешел с кресел на кровать. Осенив обеими руками, разрешил всех, находившихся под запрещением, и отпустил затем всех присутствующих. Через четверть часа преосвященный сильно постучал в двери, призывая своих чад, и настала величественная, торжественная минута. Архиепископ в последний раз возложил крестообразно руки на головы присутствующих; духовник стал читать отходную; в руки архипастыря вложили горящую свечу; с окончанием отходной архиепископ Антоний тихо предал дух Богу.

14-го декабря 1839 года, на 49-м году, после 22 летнего затвора, почил Сезеновский затворник Иоанн, основатель женской Сезеновской обители. Он скончался наедине. Долго не получая от него никаких признаков жизни, выломали двери кельи, в которой он находился в затворе, и нашли его мертвым, у аналая, перед иконою Богоматери. Тело его было немного наклонено на правый бок. Правая рука, стоя на локте, поддерживала голову, а левая лежала на ладони правой. Лицо было обращено к иконе.

В ночь на 25 мая 1836 года, на 47 году от рождения, после 17-летнего затвора, скончался знаменитый затворник Задонский Георгий, происходивший из дворянского рода Машуриных и до 28-ми летнего возраста служивший офицером Лубенского гусарского полка. Он тоже скончался без свидетелей, и после ранней обедни был найден бездыханным перед образом Всех Святых и Страшного суда, припадшим к земле. Лицо его было, как живое. Пальцы правой руки, сложенные крестным знамением, прикасались к челу.

Старец Парфений Киевский, имевший необыкновенное, умирительное, нежное усердие и детскую любовь к Богоматери, умер в тот самый праздник Благовещения Пресвятой Богородицы, который он особенно любил и о котором говаривал: «Буди благословен и преблагословен и треблагословен день Благовещения Пресвятой Владычицы нашей Богородицы». В 1855 году в этот самый праздник, совпавший тогда со страстною пятницею, о. Парфений был найден бездыханным, сидящим как бы в глубокой думе у дверей келейной своей церкви.

29-го августа 1886 года был найден в своей келье почившим подвижник Иверского Валдайского монастыря монах-молчальник Пахомий. После ранней обедни его нашли стоящим на коленях, у изголовья койки; в руках он держал четки; лицо его было озарено радостною улыбкой, а глаза сомкнуты.

Велика была святость смерти этих людей. Но еще сильнейшее впечатление производит блаженная кончина старца Серафима Саровского, одного из великих избранных Божиих. К описанию этой кончины мы теперь и перейдем.

Жизнь отца Серафима была сплошным вольным мученичеством. С раннего возраста вступив на путь подвижничества, он, чем дальше шло время, тем более усиливал эти подвиги. Жизнь его была страшною, ежедневною борьбою со врагом спасения. Если он и посрамил врага силою Божиею, если ни разу не был им посрамлен, то победа досталась ему страшно дорогою ценою. Ему пришлось для одоления врага нести величайшие труды. Пост столь строгий, что около трех лет в пустыне он питался единственно отваром горькой травы снитки, тысячадневное и тысяченощное моление на камнях, затворничество, молчаличество были орудиями, которыми он одержал победу, но орудиями, тяжело, болезненно отразившимися на подвижнике. Недаром вырывалось у него признание, что он боролся с врагами, как «со львами и леопардами». Недаром он, уже прославленный старец, все томил себя, не находил возможным жить без внешней муки. Когда его спрашивали, зачем он носит на спине тяжелую котомку, набитую песком и камнями, он кратко отвечал:

«Томлю томящего мя!» Если вдуматься в эти слова, какое в них значение!

Да, можно сказать, что темное ополчение дошло в отношении старца до явной видимой борьбы. Так, известно, что, когда старец неотступным молением нескольких дней вымолил одну совершенно погибшую душу, темное полчище нанесло старцу страшную физическую рану, следы которой не проходили у него до смерти.

Пришел Прохор Мошнин в Саров молодым, стройным, крепким, с прекрасным здоровьем, обладая чрезвычайною физическою силою. А что представлял он собою в эпоху старчества? Изувеченный старец, согбенный после того, как был избит почти до смерти разбойниками, которые напали на него в пустынной келье, требуя от него денег, чего у него не было, и от которых он не защищался, хотя, по необыкновенной силе своей, и мог бы с ними справиться. Между лопатками была у него страшная рана, нанесенная ему, как выше было сказано, за избавление им души человеческой. На ногах, от долговременного стояния, были неизлечимые раны, и из них постоянно текла сукровица... А он все продолжал «томить томящего его», отдыхал на коленях, а в последнее время изобрел мучительный образ сна, на который нельзя было смотреть без боли; спал, стоя на коленях, опустив голову книзу и поддерживая ее стоящими на локтях руками.

Такова была внешняя жизнь его... А нравственная? К нему со всех концов России люди несли свое горе, часто безвыходное, свои нравственные язвы, свое отчаяние, свои недоумения, свои страдания... Если чей, то именно его слух был ежеминутно поражаем тем тяжелым скорбным стоном, что стоит над землею, что вылетает не переставая, сливаясь в один нескончаемый аккорд невыразимой грусти, из стесненной груди страждущего человечества. И все это горе, нужду и страдание надо было разрешать, утешать, исцелять. Конечно, если б в о. Серафиме не действовала в столь сильной степени благодать,— он бы был, так сказать, нравственно раздавлен этим невыносимым грузом людского несчастья, на него склонявшегося. И потому лишь он мог, ходя уте-

шителем среди этой разъярившейся бури человеческого несчастья, сохранять ясность духа и не только не быть подавленным этою мрачною картиною, но смело, властно и уверенно утешать людей, указывая им путь вперед, увлекая их мысли к блаженной вечности и врачуя их настоящие язвы елеем сладостной надежды: что эта вечность для него самого стала как будто не только видимым взорами маяком, не только отвлеченным упованием сердца, но чем-то как бы уже воспринятым и усвоенным, как бы на опыте изведанным и уже неотъемлемым.

Представьте себе человека, который, окруженный грозною бурей, вдруг почуял веяние тишины, еще недоступное его спутникам, и успокаивает их предвещанием близкого умирения стихий. То же было и с о. Серафимом. Ему уже на земле приходилось не раз как бы залетать в жизнь небесную, и потому он мог говорить о ней с такою уверенностью.

Но, как бы ни безмерна была благодать, сиявшая над крестным путем этого удивительного человека, труден, невыразимо тяжел был его путь. И более чем кто-нибудь он имел право чувствовать усталость от жизни и желать «во блаженном успении вечного покоя». Конечно, то бы не был покой в нашем грубом, житейском смысле, а лишь огражденность от бедствий и трудов земли и восхождение на все высшие и высшие степени жизни духовной в созерцании Божества. То, что ему временами так полно открывалось — ему, видевшему воочию человеческий образ Христа, грядущего с силою и славою многою, и Царицу небес, и святых церкви — должно было стать для него постоянным видением. И кто как не он с нетерпением должен был ждать этой встречи на вечность с Тем, Кому он отдал всякое дыхание своей жизни; кто, как не он, должен был рваться «прославить самым лица зрением Верованного, одержанием — Чаянного и наслаждением — Любимого».

Одно могло еще удерживать старца на земле: великость его любви к человечеству, — той любви, что горела в нем всегда таким горячим пламенем и к концу его жизни охватила его существо каким-то стихийным, бурным пожаром. Но предчувствие гово-

рило ему, что за смертью земною дело его любви не прекратится, и что также близок, и много ближе еще, и скорее к слышанию будет он для всякого, кто придет к нему с утесненным сердцем.

Как велико должно было быть в последние годы его жизни устремление великой души старца Серафима к небесной отчизне! С детства, не имев иной мысли, кроме мысли о Боге, проведя всю жизнь в непрестанной беседе с «чаемым» Богом, как он должен был ненасытимо желать, наконец, увидеть Его, прийти к Нему навсегда. То великое видение, то общение с небожителями, какое дано ему было во время посещения его 25 марта 1831 года Царицею Небесною, проведшею, по преданию, несколько часов в беседе с ним и простившеюся с ним словами: «Скоро, любимиче мой, будешь с нами», — должно было еще более распалить желание дивного старца «разрешиться и со Христом быть».

Таково должно было быть, насколько грешные люди могут догадываться о сокровеннейших движениях избраннейших, святых душ: таково должно было быть душевное состояние старца Серафима в последнее время его земной жизни.

Надо удивляться, сколько бодрости было еще в теле страшно изнуренного 72-летнего старца, который еще раньше смерти чувствовал, что физически он уже мертв. «Телом я по всему мертв, сказал он как-то, а духом точно сейчас родился».

Мысль о близкой смерти — близкой уже потому, что он почти дошел до обыкновенного предела человеческой жизни, вступив в восьмой десяток, приводила его в восхищение. Как-то одна монахиня, приходившая в Саров навестить его, спросила его, прощаясь с ним, когда они увидятся. «Там увидимся! — сказал ей прозорливый старец; и, подымая руки к небу, воскликнул, — там лучше, лучше, лучше!»

Он не оглаждался уже на землю. Уже родственные связи для него не существовали, и он как бы был в том состоянии небожителей, в котором все земное одинаково дорого, без всяких пристрастий; дорого лишь постольку, поскольку нуждается в помощи небожителя, но не захватывает его, не подчиняет и не привязывает его к себе.

Один заехавший к старцу за благословением офицер спросил старца, так как направлялся на его родину, в Курск, не прикажет ли он передать какого-нибудь поручения его курским родным. В ответ на это предложение старец подвел молодого человека к иконам и, с улыбкою любви глядя на них, сказал, указывая на них рукою: «Вот мои родные. А для земных родных я живой мертвец».

Уже много десятилетий в сенях при келье отца Серафима стоял дубовый гроб, сделанный его собственными руками, так как он был искусен в столярном деле, и давно было им отмечено тяжелым камнем место, избранное им для могилы, у алтарной стены. Слишком за год до смерти отец Серафим начал прощаться с посещавшими его почитателями, и говорил им: «Скоро двери убогого Серафима затворятся, и меня более не увидите». К некоторым он приказал написать письма, чтобы приехали проститься с ним. На письма других, просивших его совета и благословения повидаться с ним, диктовал устные ответы, не распечатывая писем, и говорил, что более не увидится с этими людьми.

Как-то, говоря в ближней пустыньке с одною дивеевскою старицею, старец пришел от представления чаемого блаженства в восторг. Он встал на ноги, воздел руки и, смотря на небо, говорил: «Какая радость, какой восторг объемлют душу праведника, когда ее сретают ангелы и представляют пред лице Божие!» Старец много думал о том, что инокини дивеевские останутся после смерти его без опоры и поддержки, и говорил: «Я силами ослабеваю. Живите теперь одни. Оставляю вас. Искал я вам матери, искал — и не мог найти. После меня никто вам не заменит меня. Оставляю вас Господу и Его Пречистой Матери».

Нередко старец, сидя в сенях у своего гроба, размышлял о загробной жизни. Земной его путь казался ему столь несовершенным, что он горько плакал. Кто-то в конце 1832 года спросил его: «Почему мы не имеем строгой жизни древних подвижников?» На это старец дал ответ, который объясняет всю его удивительную жизнь, прямо невероятную для века, в который он жил:

— Потому не имеем, что не имеем решимости. А благодать и помощь Божия верным и всем сердцем ищущим Господа ныне

та же, какая была и прежде — и мы могли бы жить, как древние отцы. Ибо, по слову Божию, Иисус Христос вчера и днесь, той же и во веки».

Вот еще предсмертный завет одному твердому подвижнику, Тимону, пришедшему проститься со старцем: «Сей, отец Тимон; сей, всюду сей данную тебе пшеницу. Сей на благой земле, сей на песке, сей на камени, сей при пути, сей и в терне: все где-нибудь да прозябнет и возрастет, и плод принесет, хотя и не скоро. И данный тебе талант не скрывай в землю, да не истязан будешь от своего господина, но отдавай его торжникам. Пусть куплю деют».

Как-то в последнее время жизни старца один брат Саровский, придя к нему вечером, спросил у него, почему, против обыкновения, в келье отца Серафима темно. Едва старец сказал, что нужно зажечь лампаду, и трижды перекрестился, произнося: «Владычица моя, Богородице», — как лампада зажглась сама собою. Тот же брат пришел к нему в другой раз в семь часов вечера и застал его в сенях стоящим у гроба. Старец давал этому брату огня из своей кельи на благословение, и вот за этим огнем брат теперь и пришел к нему. Когда он отворил дверь в келью, отец Серафим сказал: «Ах, лампада моя угасла, а надобно, чтобы она горела», — и стал молиться перед образом Богоматери. В это время перед иконою появился голубоватый свет, потянулся подобно ленте, стал навиваться на светильню большой восковой свечи, и она зажглась. Старец, взяв маленькую свечку и засветив ее от большой, дал ее в руки пришедшему брату и начал беседовать с ним. Во время беседы старец, между прочим, упомянул, что на днях будет в обитель из Воронежа гость, назвал его имя, сказал, что следует передать гостю, и добавил: «Он меня не увидит». Лицо старца во время этого разговора сияло светом. Наконец, старец сказал «Дунь на эту свечку!» Брат дунул, и свеча погасла.

— Вот так, сказал задумчиво старец: угаснет и жизнь моя, и меня уже более не увидят.

— Понял тогда брат, что старец говорит о конце своем, и заплакал. И опять какой-то свет озарил лицо старца и, поцеловав

инока, он с великою любовью сказал ему: «Радость моя, теперь время не скорби, но радости. Если я стяжу дерзновение у Господа, то повергнусь за вас ниц пред престолом Божиим». Чудные слова, вливающие такую отраду в людей, чтущих старца...

Тут старец открыл иноку великую тайну своей жизни.

«Некогда, сказал отец Серафим, читая в евангелии от Иоанна слова Христа Спасителя: «в дому Отца Моего обители мнози суть», я, убогий, остановился на них мыслию и возжелал видеть сии небесные обители... Пять дней и пять ночей провел я во бдении и молитве, прося у Господа благодати сего видения. И Господь, по великой Своей милости, не лишил меня сего утешения: по вере моей показал мне сии вечные кровы, в которых я, бедный странник земной, минутно туда восхищенный (в теле или бестелесно — не знаю), видел неисповедимую красоту райских селений и живущих там: Великого Предтечу и Крестителя Господня Иоанна, апостолов, святителей, мучеников и преподобных отцов наших Антония Великого, Павла Фивейского, Савву Освященного, Онуфрия Великого, Марка Фраческого и других святых, сияющих в неизреченной славе и радости»... Также в последнее время жизни своей открыл старец и другие чудные события своей жизни, как-то: моление на камнях.

Вот как открыт был в последнее время о. Серафимом подвиг моления его на камнях. Камней, на которых он совершил труд своего отшельничества, было два. Один, гранитный, необыкновенной величины, находился в чаще Саровской на полпути от монастыря к так называемой «дальней» пустыньке, где старец жил отшельником. На этом камне старец молился тысячу ночей. Другой камень малый, на котором он молился тысячу дней, был в «ближней пустыньке», где старец проводил дневное время в последние годы своей жизни.

За несколько месяцев до своей кончины о. Серафим попросил преданного ему послушника отыскать первый камень, не объясняя еще значения этого камня и ничего не говоря о подвиге своем, который тогда оставался еще никому неизвестным. Описав местонахождение этого камня-скалы и приметы его, старец

отправил послушника по тому направлению, но послушнику не удалось ничего найти, и он вернулся ни с чем к старцу. О. Серафим снова рассказал ему, как найти камень, и прибавил, что послушник уже ходил около него. После этого послушник, наконец, нашел этот камень, который был завален падающими с деревьев листьями. Тогда он с радостью поспешил к старцу объявить ему о своей находке, и старец сказал ему: «Я для того посылал тебя найти этот камень, чтоб ты знал его. Я бодрствовал на нем тысячу ночей!» Упав старцу в ноги, послушник умолял рассказать ему подробно об этом подвиге, и старец открыл ему свою тайну. Через этого монаха она стала известна всему монастырю, а потом мирянам, усердным к памяти о. Серафима. Богомольцы устремились посещать место моления о. Серафима, и постепенно проложили к камню такую широкую дорогу, что можно было проехать до него в экипаже. Многие отбивали себе на память о старце и в благословение кусочек от камня.

Придем к изложению обстоятельств кончины великого старца.

За неделю до конца, 25-го декабря 1832 года, старец имел весьма продолжительную беседу с одним посетителем, помещиком, который искал у него разрешения множества важных жизненных вопросов. В этот день старец выстоял литургию, отслуженную игуменом Нифонтом, по обычаю причастился и после литургии долго беседовал с игуменом. Он просил его о многих иноках, особенно из новоначальных. Тогда же старец напомнил, чтобы по его кончине его положили в дубовый гроб, сделанный его собственными руками. В тот же день старец передал иеромонаху Иакову финифтяный образ,— посещение Богоматерью преподобного Сергия Радонежского, и просил, чтоб этот образ положили на него по кончине и с ним опустили в могилу. Этот образ был прислан из Троице-Сергиевой лавры, от мощей преподобного Сергия, наместником лавры, архимандритом Антонием, который бывал когда-то у старца и которому старец тогда предсказал перевод в лавру.

Наступил 1833 год. Первый его день совпал с воскресеньем. В последний раз пришел старец к обедне в дорогую ему боль-

ничную церковь Соловецких чудотворцев. На месте, где стоит эта церковь, он был чудесно исцелен явлением ему Пресвятой Богородицы. Он ходил со сбором по России на построение этой церкви. В алтаре ее престол из кипариса был устроен его руками, и он всегда старался здесь приобщаться.

На этот раз заметили, что он, чего раньше не делал, обошел все иконы, ставя к ним свечи и прикладываясь. Он приобщился. Затем, после литургии, прощался со всею присутствующею братиею, говоря: «Спасайтесь, не унывайте, бодрствуйте. Нынешний день нам венцы готовятся». Он казался крайне изнеможенным, но, при телесной слабости, был духом бодр, оживлен и весел. По прощании с братиею, он приложился ко кресту, и к образу Богоматери, затем обошел вокруг престола и вышел из храма северными дверями, как бы показывая, что человек одними вратами, рождением, входит в мир, а другими, смертью, выходит из жизни.

После литургии старец принимал сестру дивеевскую Ирину Васильевну и передал ей 200 р. ассигнациями на покупку хлеба для Дивеевской общины. Затем был у старца иеромонах Высокогорской Арзамасской пустыни Феоктист. Прощаясь с ним, старец сказал ему: «Ты уж отслужи здесь». Торопясь домой, иеромонах от этого отказался. Тогда старец промолвил: «Ну, так ты завтра в Дивееве отслужишь». Не поняв его слов, иеромонах отправился в путь. Для ночлега он остановился в деревне Вертянове, у самого Дивеева, и на следующее утро тронулся дальше. Вдруг без всякой причины оборвалась завертка у его саней, выпряглась лошадь, и он должен был остановиться в Дивееве. Тут он услышал о кончине старца Серафима, и плачущие сестры Дивеевские просили его отслужить по старцу панихиду. Так сбылось сказанное ему накануне старцем слово: «Ну, так ты завтра в Дивееве отслужишь». Была еще в этот день у старца одна из дивеевских сестер, и старец сказал ей: «Матушка, какой нынче будет новый год. Земля постонет от слез». Инокня не поняла, что старец говорит про свою кончину. Как провел старец Серафим последний вечер своей жизни — известно из свидетельства его соседа по келье, о. Павла. Келья о. Павла имела сени общие с кельей старца Сера-

фима, а самые кельи были разделены глухою стеною. О. Павел был хороший монах, смиренный, никого не осуждавший. Старец доверял ему и говаривал о нем: «Брат Павел за простоту своего сердца без труда войдет в Царствие Божие. Он никогда никого не судит и не завидует никому, а только знает собственные грехи и свое ничтожество». Он не был собственно келейником, так как келейника у старца никогда не было, но о. Павел, случалось, по соседству помогал кое в чем старцу, оказывал ему кое-какие услуги. Этот о. Павел не раз предупреждал старца, что от его привычки оставлять в своем отсутствии много горящих свечей в келье может случиться пожар (старец постоянно теплил у себя много свечей за своих духовных детей). На это старец всегда давал такой ответ: «Пока я жив, пожара не будет. А когда я умру, кончина моя откроется пожаром».

Судя по человечески, о. Павел имел тем более причин опасаться пожара, что келья старца была завалена таким легко воспламеняемым материалом, как холсты, которые ему во множестве приносили по усердию своему крестьяне.

О. Павел заметил, что первого января старец Серафим три раза выходил из кельи к тому месту, которое им было выбрано для погребения, и, стоя там некоторое время, смотрел в землю. Вечером о. Серафим пел в своей келье победные пасхальные песни. «Воскресение Христово видивше», «Светися, светися, новый Иерусалиме», «О Пасха велия и священнойшая», — и еще другие радостно-победные церковные песни. Что ощущала в эти часы душа старца?... Он шел от бедствий земли в отчизну, красоту которой уже познал в дивных видениях. Чудные песни ангелов уже долетали до его слуха, и трудно представить себе великость той духовной радости, какую трепетало в эти часы его благодатное существо.

Его кончина должна была быть без свидетелей. И что могло быть лучше: на молитве, наедине с тем Богом, Которому единому он служил на земле, Кому предпочел все земное, к Кому рвался, Кого желал, по Ком тосковал и к Кому теперь шел на вечное, неразрывное соединение.

Настало утро 2 января 1833 г. О. Павел, выйдя из своей кельи, чтоб отправиться к ранней обедне, почувствовал запах дыма в сениях. Запах шел из кельи о. Серафима. О. Павел попробовал отворить дверь. Она была заперта изнутри крючком. Он сотворил обычную при посещении иноков молитву. Ответа не было. Тогда о. Павел вышел на крыльцо. Мимо шло в церковь несколько иноков. О. Павел крикнул им: «Отцы и братия, слышен сильный дымный запах. Не горит ли что около нас? Старец, вероятно, ушел в пустыньку». Один из этих проходящих, послушник Аникита, бросился к дверям кельи о. Серафима и, сильно рванув ее, сорвал ее с внутреннего крючка. У самых дверей внутри кельи тлели холсты и другие вещи, распространяя дым. Так как на дворе день чуть начинал брезжить, а в келье света не было, то ничего нельзя было разобрать в темноте; старца не было ни видно, ни слышно. Братья думала, не отдыхает ли он после ночного молитвенного подвига, и толпилась у порога, не смея войти внутрь. Чтобы погасить тлевший в вещах огонь, некоторые побежали за снегом и накидали его на эти вещи. Пока все это происходило, в больничной церкви своим чередом шла обедня. Уже запели «Достойно есть». В это время один мальчик-послушник, прибежав от кельи отца Серафима, оповестил некоторых о том, что там случилось; многие тогда поспешили к этой келье. Таким образом, собралось немало иноков. Монах Павел и послушник Аникита желали удостовериться, не отдыхает ли старец, и стали ощупью отыскивать его, и, наконец, дошли до него. Принесли зажженную свечу. Отец Серафим в обычном своем белом балахончике стоял на том месте, где обычно молился, на коленях, перед малым аналоем. Голова его была открыта, руки были крестообразно сложены; на груди висел медный крест — материнское благословение. Думая, что он уснул, утрудившись молитвою перед келейною своею святынею, — иконою Богоматери Умиления, его стали осторожно будить. Но ответа не было: старец почил смертным сном. Его глаза были сомкнуты, лицо оживлено богомыслием и счастьем молитвы. Тело его еще было тепло.

Старцу омыли, по иноческому чину, чело и колени, облачили его, положили его в дубовый гроб, им самим давно приготовлен-

ный, и вынесли тотчас в собор. По завещанию старца, на грудь его положили финифтяную икону преподобного Сергия. Быстро разнеслась повсюду весть о кончине благодатного старца. Вся окрестность Сарова собралась в Саров.

Та инокия, которой накануне старец предсказывал: «Какой нынче будет новый год! Земля постонет от слез», — была в Сарове, когда старец скончался. По возвращении ее в Дивеев, одна инокия спросила ее: «Что батюшка, здоров ли?» Та молчала. Спрашивавшая повторила вопрос. Та, помолчав, тихо сказала: «Скончался!» Инокия закричала, заплакала и, как безумная, не благословясь, кинулась в Саров.

Если принять во внимание, что привязанность, которую возбуждал к себе отец Серафим, была безгранична, горяча, охватывала всего человека, его любившего: то станет легко понятным впечатление, произведенное его кончиною. Слово его, что земля «постонет от плача и рыдания», сбылось в полной мере.

Восемь дней тело стояло открытым, не только не подвергаясь тлению, но издавая благоухание. Тысячи народа сошлись в Саров из окрестной страны и ближайших губерний. В день отпевания от множества народного в соборе стояла такая жара, что местные свечи у гроба тухли от жары. В то время послушником в Сарове был человек, впоследствии бывший архимандрит (Митрофан) и занимавший должность ризничего Александро-Невской лавры. Он засвидетельствовал такое явление. Когда духовник хотел положить в руку отца Серафима разрешительную молитву — рука сама разжалась. Игумен, казначей и другие иноки, видя это, были поражены изумлением. Не было произнесено над гробом его поучений. Но память о необычайной его жизни, да напевы песен церковных, им столь любимых, были красноречивее всяких поучений.

Над местом упокоения старца впоследствии был воздвигнут усердием Нижегородского купца Сырева чугунный памятник в виде гробницы; на памятнике надпись: «Жил во славу Божию».

Замечательны два обстоятельства, последовавшие за кончиною старца Серафима.

2-го января, окруженный иноками, выходил от заутрени знаменитый подвижник, игумен Глинской пустыни Филарет. Указывая на необыкновенный свет, видный в небе, он произнес: «Вот так души праведных возносятся на небо. Это душа отца Серафима возносится!»

Знаменитый благочестием своим архиепископ Воронежский Антоний был тоже необыкновенным способом извещен о кончине старца Серафима. В то время, в Воронеже находился помещик Николай Александрович Мотовилов, который был раньше исцелен о. Серафимом — исцеление, составляющее одно из величайших чудес старца.

Вот что пишет Мотовилов в своих воспоминаниях о дне 2-го января 1833 г.

«2-го января 1833 года, в этот же день вечером услышал я от высокопреосвященного Антония, что батюшка о. Серафим в ночь на этот день, во втором часу за полночь скончался, о чем он сам ему, явясь, очевидно, возвестил. Архиепископ Антоний сам тот же день соборне отслужил по старце панихиду». При дальности расстояния между Саровом и Воронежем, конечно, не могло быть и речи о каком-нибудь естественном способе передачи в Воронеж к вечеру известия о том, что произошло в утро того же дня.

Мы закончим воспоминание о блаженной кончине старца Серафима отрывком из стихотворения, посвященного его памяти, не блестящего по форме, но содержащего глубокую мысль о значении старца и о жизни его.

Он был и именем, и духом Серафим*
В пустынной тишине весь Богу посвященный:
Ему всегда служил, и Бог всегда был с ним,
Внимая всем его молениям вдохновенным.
И что за чудный дар в его душе витал!
Каких небесных тайн он не был созерцатель?
Завета вечного земным истолкователь!
Как много дивного избранным он вещал.
Куда бы светлый взор он только ни вперял —

* Серафим значит пламенный,

Везде туманное пред ним разоблачалось,
Преступник скрытый вдруг себя пред ним являл,
Судьба грядущаго всецело рисовалась;
В часы мольбы к нему с лазурной высоты
Небесные друзья невидимо слетали
И, чуждые земной житейской суеты,
Его беседою о небе услаждали.
Он сам, казалось, жил, чтоб только погостить:
В делах его являлось что-то неземное,
Напрасно клевета хотела омрачить —
В нем жизнь была чиста, как небо голубое,
От подвигов устав, преклоншись на колени,
С молитвой на устах, быв смертным, умер он.
Но что-же смерть его? — Вид смертной только сени.

Да, для этого человека, действительно, кончина была началом новой, широчайшей, жизни и новой, необъятной, деятельности. Сама смерть, ужасная для смертных, для него изменила свой грозный, роковой вид и слетела к нему кроткою, ласковою гостьею. И тогда какое счастье, какие тайны, какое торжество открылись дивному избраннику неба в этих победных для него вратах смерти!

Что оставил по себе старец Серафим

В настоящее время, когда с особым усердием воспоминается все, относящееся до великого старца Серафима Саровского, уместно подвести итог оставшимся вещественным о нем воспоминаниям.

Живыми воспоминаниями по старце, кроме Сарова, остались процветающие женские обители — Серафимо-Дивеевская и Серафимо-Понетаевская. Находясь вблизи друг друга,— Саров, Дивеево и Понетаевка лежат в двух разных губерниях: Саров в Тамбовской, Дивеево и Понетаевка в Нижегородской. Посещение всех этих трех мест весьма удобно соединить вместе, если со станции Шатки (та самая линия, идущая от Нижнего, на которой лежит и Арзамас) проехать на Понетаевку, оттуда на Дивеев, и затем на Саров.

Серафимо-Понетаевская обитель, известная меньше Дивеевской, устроена, после разных несогласий в Дивееве, сестра-

ми, отколовшимися от Дивеева, в усадьбе девицы — помещицы Копьевой. Замечательно, что, когда барышня Копьева в юности с родными своими была у о. Серафима, старец, провидя, что она впоследствии даст свою усадьбу для его монастыря, низко кланяясь, благодарил барышню, что, конечно, тогда очень всех удивило. В Понетаевке пребывает прославившийся недавно чудесами образ Знамения Богоматери.

В Понетаевке щедро благотворил один замечательный русский человек, купец Петров. Он умер весною 1902 года, завещав Серафимо-Понетаевскому монастырю, свыше 10-ти тысяч десятин земли, весьма ценной в той местности.

Теперь о портретах старца.

На Успенском острове среди реки Волхова, где помещается ряд благотворительных учреждений, устроенных Петербургским протоиереем Алексием Колоколовым, находится одно замечательное изображение старца Серафима. Раз к о. Алексею обратился со своим горем один отец из весьма культурного класса общества. Его сын совершенно лишился веры. Поговорив с молодым человеком, о. Алексей попросил его, так как тот занимался живописью, сделать для него копию с большого портрета о. Серафима, где старец изображен идущим согбенным, опираясь на сучковатую палку; на нем клобук мягкий — такой формы, как носили в старой Руси, черная полумантия и крашенная темно-коричневая ряса, на ногах онучи и лапти. Старец изображен во весь рост и поражает своею жизненностью. Так и кажется, что он сейчас выйдет из рамы. Что случилось с молодым человеком во время исполнения этой работы — неизвестно. Но, закончив ее, он стал горячо верующим человеком.

Возникал вопрос о том, кормил ли старец медведя. Не только кормил, но и больше того. Когда приходившие к старцу пугались, заставая у него медведей, он словом отгонял их в чащу леса. Раз старец заставил одну монахиню из своих рук покормить медведя. Изображение старца с медведем написано впервые в сороковых годах живописцем Ефимом Васильевым, горячим почитателем о. Серафима, лично его знавшим. Уже 50 лет назад

изображения о. Серафима, кормящего медведя, были очень распространены.

Весьма также распространены гравюры — в прежнее время достигавшие высокой художественной законченности, изображающие старца молящимся в лесу на камне, идущим в ближнюю пустыньку с котомкой на спине, или без котомки, и скончавшегося в коленопреклоненной молитве перед иконой Богоматери Умиление. Реже приходится видеть (есть новейшая хромолитография) изображение старца работающим на огороде или встречающим посетителей у ближней пустыньки. Наконец, нам не приходилось встречать отдельными изданиями картину, находящуюся в виде иллюстрации в некоторых книгах об о. Серафиме, особенно же заметную в часовне, где находится могила старца, и изображающая посещение старца Серафима Богоматерью в последний год его жизни, 25 марта 1831 г., в день Благовещения. Равным образом, никогда, кажется, не бывали изданы отдельно рисунки: видение иеродиакону Серафиму Христа при совершении литургии и чудесное исцеление послушника Прохора явлением Богоматери.

Недавно пришлось встретить очень интересную гравюру: старец в задумчивости, с поднятой для благословения рукой, стоит над своим целебным источником.

В самом распространенном изображении отца Серафима — молении его на камне, делаются очень часто две погрешности. Обыкновенно изображается, что старец молится на камне столь небольших размеров, что белый балахон коленопреклоненного старца почти покрывает камень. Это не верно. То, на чем молился отец Серафим, представляло из себя большой, высокий камень, лучше сказать — скалу. Известно, что в течение десятков лет богомольцы отбивали куски от этого камня. Между тем и теперь сохраняемый в Дивееве камень этот чуть разве поменьше того, каким изображают его на картинах моления отца Серафима. Другая погрешность следующая. Под открытым небом старец промолился 1000 ночей, а 1000 дней в это время молился, стоя на другом камне, у себя в келии. И второй камень поднесь существует. Значит, неправильно изображать над старцем, молящимся в лесу

на камне, голубое дневное небо и заливать всю картину дневным светом. Надо еще заметить, что отец Серафим, во время моления на камнях, не был седым, как иногда его рисуют, а имел светло-каштановые густые волосы. Волосы у отца Серафима два раза от болезни сходили с головы, как шапка. Раз, когда он был болен еще послушником. Другой раз, когда он был избит и изувечен тремя крестьянами с. Кременок, крепостными Татищева, которые пришли к нему в дальнюю пустыньку, требуя денег, которых у него не было. Именно после этого происшествия о. Серафим, бывший раньше стройным и прямым, стал ходить согбенным. Уже много лет до того его придавило дерево, когда он работал по рубке леса, но это еще не так согнуло его. Волосы о. Серафима хранятся и в Сарове, и в Дивееве, и некоторые миряне носят их у себя, как святыню, обыкновенно в медальонах на воске.

Напоминанием пустынночества старца являются обе его келии из «дальней» и «ближней» «пустынек», обе они в Дивееве. Из первой сделан алтарь Преображенской церкви, и в алтаре этом хранятся одежды старца и его книги. В другой читается непрерывно Псалтирь. В Дивееве же находится келейная икона о. Серафима, на молитве перед которою он скончался — Богоматери Умиления; в Дивееве же хранится и крест* медный, материнское благословение, которым мать благословила сына, когда он решил уйти из мира, и который он всегда носил открыто на груди, с ним на груди и скончался. Самая же, быть может, великая память по старцу — это Серафимов источник в «ближней пустыньке». Являясь в видениях больным, старец постоянно указывает на этот источник. От воды его бывали случаи прозрения слепых.

В заключение обращаю внимание библиографов на следующее. В Петербурге мне довелось слышать, что в тридцатых годах был издан роман (читанный, будто бы, Пушкиным и ему понравившийся), в котором о. Серафим является действующим лицом. К сожалению, слышав это из вторых рук, я не мог узнать ни за-

* Так доселе полагали. В самое последнее время довелось слышать, что при освидетельствовании мощей старца, этот крест оказался на его мощах, лежащим на груди, как носил он его всю жизнь.

главия романа, ни имени автора, ни того, выведен ли в этом романе о. Серафим в виде одного из главных лиц, или в виде лица эпизодического. Интересно было бы обстоятельно расследовать этот слух.

Легенда о старце Серафиме Саровском, императоре Александре I и императрице Елизавете Алексеевне

I

Таинственное в истории обладает могущественною притягательною силой... Кто из нас не знает людей, которые готовы были бы на большие жертвы для того, чтобы разрешить, например, вопрос не только о Дмитрие Самозванце, но и о какой-нибудь Железной Маске.

К интереснейшим загадкам русской истории принадлежат народные легенды, сложившиеся вокруг личности императора Александра I.

В весьма ценной статье А.В. Половцова, появившейся в Московских Ведомостях после безвременной кончины Н. К. Шильдера, есть в высшей степени любопытные указания на таинственную связь Александра I с личностью загадочною — Феодора Кузьмича, которого народная молва нарекает Александром I, решившимся будто бы оставить царский венец, чтобы в земном унижении спасти свою душу. О том, как относился Шильдер к этой легенде, можно сказать, что он, веря, не верил, — и не веря, верил ей.

Пишущему эти строки довелось слышать, мало кому, вероятно, известный рассказ о мнимом таинственном свидании императора Александра I с великим старцем Серафимом, рассказ, отчасти соответствующий знаменитой легенде о Феодоре Кузьмиче.

Рассказ этот передан мне ныне покойным М.П. Гедеоновым, человеком весьма интересовавшимся вопросами религии и жизнью таких людей, как отец Серафим, и обладавшим многими сведениями, никогда не оглашенными в печати. Ему, в свою очередь, рассказывал об этом офицер-морьяк Д., впоследствии принявший монашество. Д. же слышал об этом в Сарове от инок

весьма престарелого, который сам-де был свидетелем этого события и умер вскоре после того, как передал о нем Д., бывшему тогда еще моряком.

Как мне лично ни кажется рассказ этот маловероятным, я решаюсь передать его, как интересную легенду о столь интересных лицах.

В 1825 году, или в один из ближайших к этой эпохе годов, старец Серафим однажды обнаружил будто бы какое-то беспокойство, замеченное монахом, рассказывавшим об этом впоследствии моряку Д. Он, точно ожидал какого-то гостя, прибрал свою келью, собственноручно подмел ее веником. Действительно, под вечер в Саровскую пустынь прискакал на тройке военный и прошел в келью отца Серафима. Кто был этот военный, никому не было известно; никаких предварительных предупреждений о приезде незнакомца сделано не было.

Между тем великий старец поспешил навстречу гостя на крыльцо, поклонился ему в ноги и приветствовал его словами: «Здравствуй, великий государь!» Затем, взяв приезжего за руку, отец Серафим повел его в свою келью, где заперся с ним. Они пробыли там вдвоем в уединенной беседе часа 2–3.

Когда они вместе вышли из кельи, и посетитель отошел уже от крыльца, старец сказал ему вслед:

— Сделай же, Государь, так, как я тебе говорил.

Такова легенда.

Геодеонов объяснял, что та душевная тягота, которую Государь испытывал, взойдя, после 1812 года, на вершину человеческой славы, но не найдя в этой земной славе душевного удовлетворения; те разочарования в государственных системах, в людях, все эти страдания и разочарования усталого его сердца, от которых Александр искал духовного лекарства,— привели его в Саров, где отец Серафим вложил-де в него мысль о том, чтобы подвигом земного уничтожения утолить жажду его, рвавшейся к Богу и томившейся в миру души.

Геодеонов добавлял еще, что приехал Александр I в Саров из Нижнего, и что, будто бы, действительно, император раз из Ни-

жного исчез на 1–2 суток неизвестно куда (?). Он вспомнил, будто ему действительно довелось читать, что, или едучи в Таганрог, или за несколько лет до того, Александр был в Нижнем.

На мои некоторые возражения, например, что Государю не зачем было тайно ехать в Саров, и что его исчезновение на целые сутки или более из Нижнего не могло бы остаться незамеченным, Гедеонов отвечал, что интересное событие этого тайного посещения вполне-де соответствовало характеру Александра. Государь не только-де любил таинственность, но и был приучен к ней обстоятельствами своей молодости.

При этом Гедеонов сослался на интересные рассказы о времени императора Павла — Кутлубицкого, бывшего генерал-адъютантом при Павле (Русский Архив, 1866 г.), где передается, как Кутлубицкий перед коронацией был послан с поручением Государя в Москву. Вернулся Кутлубицкий в Петербург в десятом часу вечера и был принят Государем. Когда он уходил от Государя, камер-лакей успел ему шепнуть, что имеет до него тайное поручение и в другой комнате передал ему просьбу Наследника зайти к нему тотчас по возвращении из Москвы, хотя бы ночью. Через несколько минут он был принят Александром Павловичем в очень оригинальной обстановке. В спальней теплилась лишь лампадка, а Наследник лежал в постели и спросил его, зачем Государь посылал его в Москву. Кутлубицкий открыл это лишь тогда, когда Наследник поклялся на образе сохранить эту тайну.

«Далее, — продолжал Гедеонов защищать свой рассказ, — известно, как любил Александр беседы со знаменитыми «старцами». Дошел до нас его интересный разговор с известным благочестием наместником Киево-Печерской Лавры Антонием (скончался в сане архиепископа Воронежского). В Киеве ночью он посетил слепого старца, прозорливого Вассиана, который сразу назвал его по имени; перед последним отъездом из Петербурга он посетил схимника, жившего в Александро-Невской Лавре. Это последнее посещение произвело такое впечатление на современное общество, что есть старинные гравюры, воспроизводящие это посещение. Нечего уж говорить о сношениях с Фотием, которого Государь видел тайно».

— Весьма, поэтому, понятно, — утверждал Гедеонов, — что Государь мог сильно желать свидания и беседы с отцом Серафимом.

Тогда я спросил:

— Ведь отец Серафим жил в отдаленнейшей, глухой пустыни. Как же мог Государь услышать о нем?

У собеседника моего на все, по видимому, был заготовлен ответ. Он стал объяснять так:

— Человек, бывший поверенным духовных стремлений Государя, князь А. Н. Голицын, которому невозможно было не знать об отце Серафиме, едва ли бы стал, вследствие своего ясно выраженного протестантствующего направления, говорить Государю об отце Серафиме. Но Государь мог слышать о нем и от других. В числе лиц, упоминаемых в жизнеописаниях отца Серафима, как его посетителей, находим довольно имен русской знати, некоторые из которых сами были на виду, другие же, живя в поместьях, могли, тем не менее, иметь связи, друзей и родных при Дворе. В числе лиц, имевших отношения к Сарову и Дивееву, Гедеонов упомянул представителей родов князей Голицыных, Ладыженских, Татищевых, Корсаковых, Извольских, Сипягиных, Колычевых, Чемодановых, Муравьевых, Еропкиных, князей Енгальчевых, Михайловских-Данилевских.

Весьма изобретательный в предположениях, Гедеонов указывал, что в течение нескольких лет Государя в его частых по России путешествиях, при крайне ограниченной свите, сопровождал, вместе с генерал-адъютантом, князем Волконским, флигель-адъютант Михайловский-Данилевский, часто имевший случаи беседовать с Государем и не могший не знать о Сарове, так как неподалеку, в Пензенской губернии, лежали поместья его жены, и в Саров ездили ее родные (Чемодановы), а впоследствии и дети Данилевского.

Во всяком случае, от тех или других лиц, но Государь — так выходило из слов Гедеонова — мог слышать об отце Серафиме и, вероятнее всего, и слышал о нем.

Он говорил еще, что изображение отца Серафима висело всегда у упомянутого выше генерала Кутлубицкого. Наконец, у отца

Серафима был раз великий князь Михаил Павлович, — правда, уже по кончине своего старшего брата, именно в 1826 году — тоже совпадение, по мнению Геденова, не безынтересное*.

Я передал здесь рассказ, как его слышал, и высказал те соображения, на которые опирался мой мистический собеседник, и которые все-таки мне казались недостаточными.

Что отец Серафим по прозорливости своей знал заранее о приезде Государя, если бы Государь пришел к нему, и что он сразу назвал его, это, конечно, наименее возбуждает сомнения.

Отец Серафим обладал необыкновенным даром прозорливости. Он очень часто называл по имени лиц, которые в первый раз его видели; исповедуя, вслух говорил человеку все его грехи с детства, видел чужое будущее, так же ясно, как свое прошлое, написал поздравление Воронежскому архиепископу Антонию с открытием мощей святителя Митрофана, когда об этом ничего не было известно, предсказал события Крымской войны, отделенной двумя десятками лет от его кончины («на Россию восстанут три державы и сильно изнурят ее, но Бог помилует ее за православие»).

Так что казалось бы странным не то, что он узнал Государя, а то, если бы он не узнал Его.

Не будучи в состоянии верить этой легенде, я, тем не менее, мечтал: как бы хорошо было, если б это действительно случилось, если б император Александр принял благословение старца Серафима и беседовал с ним. Так иногда, увидев счастливый сон, мы жаждем, чтоб это было действительностью, даже если сон относится к прошлому.

Что-то таинственное связывает преподобного Сергия и отца Серафима, быть может, величайшего после преподобного Сергия праведника русского народа, или даже равного ему. Отец Серафим родился близ храма преподобного Сергия, лег в могилу с финифтяною иконой преподобного Сергия, положенною, по его завещанию, ему на грудь; наконец, если кто, то именно отец Сера-

* О том, как любила отца Серафима императрица Александра Федоровна, было недавно помещено свидетельство Д. Ф. Тютчевой в *Русском Архиве*.

фим представляет собою такое же удивительное, чрезвычайное, выходящее из всяких рамок явление в духовной жизни Русской земли, как преподобный Сергей, стоящий столь особняком среди святых русских. И вот, как некогда с преподобным Сергием близки были вожди русского народа, также хочется верить в близость к «убоному Серафиму», величайшему из людей отечественной Церкви за последние века, — современного ему вождя русского народа и носителя идеалов этого народа.

II

Теперь легенда об императрице Елизавете Алексеевне, которая мне кажется совершенно уже невероятною.

Как подробно ни описывают ее кончину в городе Белеве, Тульской губернии, по пути из Таганрога в Петербург, куда она спешила для свидания с императрицей-матерью, — в смерти ее любители таинственности находят что-то загадочное.

В половине 80-х годов в Русской Старине, кажется, была помещена интересная статья о кончине императрицы, с указанием на то, что многое в этой кончине было странного. Некоторые же современники, начитавшиеся, вероятно, романов с тайнами и превращениями, шли дальше: они утверждали, что императрица вовсе и не умирала в Белеве, что она осталась жива, и так же, как царственный ее супруг, посвятила себя духовным подвигам.

Мне пришлось слышать следующий рассказ от одного почтенного старика, весьма заслуженного человека, с большим родством, страстного защитника легенды о Феодоре Кузьмиче.

Будучи мальчиком и проводя лето в деревне, Тульской губернии, он как-то был в Белеве, где его сводили посмотреть дом, в котором скончалась императрица Елизавета Алексеевна.

Через некоторое время он увидел свою бабушку г-жу Л-ну, которой рассказал о том, что видел в Белеве.

Бабушка слушала-слушала его рассказ, потом наклонилась к нему и прошептала: «Знай, голубчик, что никакой императрицы в Белеве не умирало. Императрица Елизавета Алексеевна жива».

Что же сказать на это, кроме того, что почтенная старушка давала много свободы своему воображению!

Из совершенно другого источника я слышал и о дальнейшей части легенды: об участии императрицы Елизаветы Алексеевны.

В 1834 году в Тихвине появилась неизвестная страница, под именем Веры Александровны, проведшая затем 25 последних лет своей жизни в подвиге молчаливчества в Новгородском Сырковом монастыре (Сведения о жизни ее находятся в главе «Молчальница Вера Александровна», во втором издании моей книги Русские подвижники XIX века). Тайну ее происхождения знала лишь столь приближенная к царской семье и благочестивая графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская. Сохранился портрет Веры Александровны в гробе, а лица с сильным воображением утверждают, что между нею и императрицей Елизаветой Алексеевной такое же сходство, какое эти же лица находят между Феодором Кузьмичем и императором Александром I.

Самое имя: «Вера», знаменующее то, ради чего предпринят был столь великий подвиг, и отчество, совпадающее с именем императора — наводит этих легковверных предположателей на некоторые мысли.

Говорили мне, что в Петербурге начинают интересоваться личностью Веры Александровны и что недавно в Петербург были затребованы фотографии с немногих, оставшихся после Веры Александровны, вещей.

Я лично не вижу ни малейшей черты в том немногом, что известно о жизни Веры Александровны, говорящей в защиту этой, по меньшей мере, смелой легенды. Что Вера Александровна, как можно было судить по ее внешности, привычкам, манерам, была женщина высшего круга, это несомненно, но это еще ровно ничего не доказывает, так же как и сказанные раз ее молчаливыми устами слова: «Я прах земли. Но родители мои были так богаты, что я горстью выносила золото для раздачи бедным. Крещена я на Белых Берегах». Наконец, можно указать на то, что Вера Александровна была лет на 20 моложе императрицы. А портрет? Мы не узнаем в гробу хорошо нам известных

лиц. Как же судить по покойнице, надеясь узнать в ней женщину, которой мы знаем лишь портреты, сделанные за несколько десятков лет до того!

Пишущий эти строки не считал возможным, по маловероятности их, даже упомянуть об этих слухах при составлении статей в названной выше книге. И сейчас привожу их не в виде исторической справки, не в виде смелого исторического предположения, а совсем с иною целью.

Уже одно появление таких слухов показывает, как высоко культурные кружки русского верующего общества ставили нравственную личность Александра I и его столь же мало, как он сам, разгаданной, обвеянной какою-то таинственной прелестью, супруги. Самые невероятные легенды верно, однако, отражают взгляды современников и потомства на лиц, окружаемых легендами.

Из последних чудес старца Серафима Саровского

Старец Серафим отличался всегда особою отзывчивостью, особым милосердием, и что-то трогательное, нежное отмечает его отношение к людям. Он рад помочь всякому просящему, и забота его о призывающих его людях доходит, можно сказать, до мелочей.

Нам хочется изложить здесь три случая помощи отца Серафима по молитвам к нему, происшедшие в самое последнее время.

* * *

Одно служащее лицо, неоднократно терявшее места и подверженное несчастной склонности к пьянству, дошло до крайности. Уже раньше испытав на себе силу молитв к о. Серафиму, этот несчастный человек и теперь стал призывать старца, как последнюю надежду свою. И видит он сон: стоит перед ним о. Серафим, на этот раз грозный и говорит ему: «В последний раз!»

В самом непродолжительном времени этот человек получил недурное место, какого не мог ожидать.

Как-то зимою к священнику при церкви Успенского острова*, о. Александру К., приезжают из деревни, лежащей в нескольких верстах от острова, с просьбою напутствовать умирающего. Отец Александр поспешил на зов и приобщил больного. Сестра милосердия, видевшая этого крестьянина, считала болезнь его бугорчаткой и признала его безнадежным. И сам он, и все окружающие ждали с минуты на минуту конца.

Приобщив больного, о. Александр вернулся домой.

Через несколько часов к нему прискакали опять, прося его опять навестить того же умирающего, который испытывал страшные душевные муки и настойчиво требовал священника.

Когда о. Александр приехал, больной сказал ему, что никак не может умереть, что он окружен духами злобы, которые наводят на него отчаяние.

— Ты думаешь,— говорили они ему,— что ты приобщился и спасен. Не уйти тебе от нас. Ты в нашей власти. Нет тебе спасения.

Больного ломило так, что страшно было на него смотреть, и оставалось лишь удивляться, как еще целы его кости.

Священник объяснил ему значение таинства елеосвящения, в котором разрешаются все грехи, сделанные человеком, забвенные им, утаенные и не исповеданные — чем, главным образом, могли смущать его «враги» — и особоровал его; затем, увещевал его не поддаваться ни страху, ни отчаянию, и, благословив его на смерть, уехал.

Вечером в третий раз явились к о. Александру все из того же дома, с известием, что предсмертная тоска умирающего еще лютей мучит его и что он просит помощи.

О. Александр имел горячую веру в старца Серафима, которого почитал как великого угодника Божия и чудотворца. У него всегда

* Успенский остров, лежащий на реке Волхове, включает ряд благотворительных учреждений, основанных знаменитым петербургским пастырем-духовником, о. Алексием Колоколовым, скончавшимся в Петербурге в январе 1902 г. И погребенным на острове.

была в запасе вода из Сарова, из источника о. Серафима, о которой сам о. Серафим сказал: « Я молился, чтобы вода сия была целительною от болезней».

От этой воды произошло множество дивных исцелений, — исчезали бесследно неизлечимые болезни, прозревали многолетние слепые. Между прочим, вода эта обладает замечательным свойством: она никогда не портится и не гниет, хотя бы целые годы стояла без плотной пробки.

Не зная, чем облегчить последние страдания умирающего, о. Александр вкратце пояснил родным его, кто такой был о. Серафим, как велико его дерзновение перед Богом, как страшен он исконному врагу рода человеческого, и отлил им немного этой воды из источника старца Серафима, чтоб они давали умирающему этой воды по капле до самого конца его.

Мысленно простясь с умирающим, о. Александр уже больше не видел его и не спрашивал о нем: так он уверен был, что он скончался в ту же ночь (хоронить его должен был приходской священник).

Прошло много месяцев. Едет о. Александр как-то по дороге. Навстречу мужик с возом; стал, снял шапку и кланяется. Не верит о. Александр своим глазам: перед ним тот, кого он считал уже умершим.

Остановился и о. Александр и окликнул его по имени:

— Ты ли это? Я тебя все за покойника считал.

Тогда рассказал ему умиравший, что вода о. Серафима дала ему какие-то силы и он быстро оправился.

* * *

Минувшим летом двум детям одной семьи исключительно высокого положения объясняли географию Волги и всего, что в бассейне ее есть интересного. Дело в том, что отец семьи путешествовал по Волге, и дети мысленно хотели следить за его плаванием.

Когда дошли до Нижнего, в губернии которого находится Серафимо-Дивеевский монастырь, им подробно рассказали о великом старце Серафиме Саровском, о том, как жалел он людей, как

все было ему открыто. Рассказали, между прочим, и о том, как однажды пришла к нему мать, в конец измученная исчезновением сына, который пропал, — что в воду канул, и не было о нем, как говорится, ни слуху, ни духу. В отчаянии тогда сказала старцу несчастная женщина:

— Не знаю, как молиться о нем, как в церкви поминать его: живым или умершим.

— Подожди тут в Сарове три дня, — кратко ответил ей о. Серафим.

Эти три дня прошли. Мать опять стояла перед старцем. А старец сказал ей: «Вот твой сын», и подвел к ней ее сына.

Весь рассказ о старце, и особенно этот случай произвел на детей, очень дружных между собою, мальчика и девочку, глубокое впечатление, и в них образовалось убеждение, что все возможно старцу Серафиму.

Вскоре случилась у них беда: любимая их птичка вылетела из клетки в окно и пропала.

Дело было в деревне; но тем не менее, дети очень тужили. Не того им было жаль, что они ее лишились. А они знали, что уроженка дальних теплых стран не вынесет русской осени, да и заклюют ее хищные птицы. Что было делать? И вот они надумали: рассказать свое горе о. Серафиму и просить его вернуть им птичку.

Никому не открыли о своем решении.

Вероятно, слишком дорого было им их чувство, и не хотелось им его обнаружить. А потом, может быть, боялись они, если их молитва не исполнится, что осудят другие того старца, в которого они вдруг так крепко уверовали и которого так уж много теперь любили.

И вот, стали они молиться о. Серафиму.

В то же утро птичка их была найдена: она сама прилетела в другой конец того огромного дома, скорее дворца, где жили эти дети.

Так услышал великий старец молитву этих маленьких, горячо поверивших ему сердец.

Что-то теплое охватывает вас, когда вы слышите подобные рассказы.

Счастливы дети, чье детство озарено подобными впечатлениями, и невольно шепчутся слова Никитина:

Молись дитя: сомненья камень
Твоей души не тяготит,
Твоей молитвы чистый пламень
Святой любовью горит!
Молись дитя: тебе внимает
Творец бесчисленных миров
И капли слез твоих считает
И отвечать тебе готов!
Быть может, ангел твой хранитель
Все эти слезы соберет
И их в надзвездную обитель,
К престолу Бога вознесет.

А близко к этому престолу стоит столь понятный, родной детям по голубиной чистоте своей, по незлобию своему дивный старец Серафим. И кому же, как не ему, ставшему как дитя для взыскания Царствия Небесного, откликаться на чистую, жаркую, безбрежную веру детей!

Птенцы старца Серафима Саровского

Последовавшее недавно Правительственное сообщение о предстоящем прославлении старца Серафима Саровского привлекает сердца всех православных к образу этого великого подвижника.

Один из наиболее верных способов обрисовать чью-нибудь личность, это — показать эту личность в ее сношениях с другими людьми; представить, какое влияние оказывала она на людей; как, встретясь с природой, по видимому, обыденной, не отличавшеюся особой нравственной силою или особо идеальными стремлениями, силою воздействия своего эта личность перерабатывала эти природы, изменяла направление жизни людей, возносила их на неприступные вершины духа.

И нам кажется, что к выяснению того, чем был отец Серафим, немало может помочь благоговейшим перед его памятью знакомство с несколькими людьми, на которых о. Серафим имел живое, непосредственное влияние и которые по праву могут быть названы его птенцами.

В последние 10–15 лет жизни старца к нему со всех сторон стекалось множество народа, во всяких тягостях житейских — обездоленные, печальные больные.

Между этими последними был привезен к старцу и помещик Мантуров.

Михаил Васильевич Мантуров, владелец села «Нуча», Ардамовского уезда, Нижегородской губернии, отстоявшего в 40 верстах от Сарова, долго служил в Лифляндии в военной службе и там женился на лютеранке Анне Михайловне Эрнц. Тяжкая болезнь принудила его оставить службу и поселиться в родовом поместье. С ним вместе жила и сестра его, Елена Васильевна, жизнерадостная, умная, красивая девушка на много лет младше его.

Над ним впервые великий старец Серафим проявил свою чудотворную, исцеляющую силу.

Какая была причина болезни Мантурова, каково имя этой болезни, того не могли сказать лучшие врачи. Ни определить ее, ни лечить они не могли. Больной страдал все сильнее. Дело дошло до того, что из ног его кусками стали выходить кости. Так как помощи от докторов не было, Мантурову оставалось лишь одно — прибегнуть к Богу. И он решился ехать в Саров к о. Серафиму, слух о святости которого достиг до его поместья.

Тогда еще великий старец подвизался в затворе. С усилием привезшие Мантурова люди ввели своего барина в сени кельи о. Серафима.

Старец вышел к нему и спросил ласково:

— Что пожаловал? Посмотреть на убогого Серафима?

Мантуров видел в старце последнюю свою надежду. Может быть, теперь, когда перед ним стоял этот обаятельнейший человек, как небожитель, слетевший на землю для помощи и утешения людям, может быть, теперь вера его в то, что старцу все

доступно и что он спасет его, стала в нем еще живее. Упав ему в ноги, больной стал со слезами просить его об исцелении.

Тогда старец трижды торжественно и с любовью спросил больного.

— Веруешь ли ты в Бога?

Трижды, с живейшим убеждением, Мантуров исповедывал перед старцем свою безусловную веру. Тогда старец вразумительно сказал ему:

— Радость моя*, если ты так веруешь, то верь же и в то, что верующему все возможно от Бога. А потому веруй, что и тебя исцелит Господь. А я, убогий Серафим, помолюсь!

Оставив больного сидеть в сенях, старец пошел молиться в свою келью. Оттуда он вышел, неся с собой освященного масла. Он приказал Михаилу Васильевичу обнажить ноги и, произнеся: «По данной мне от Господа благодати, первого тебя врачую!» — стал растирать маслом больному ноги. Затем, старец обул Мантурова в чулки и, вынеся из своей кельи большую грудку сухарей** всыпал ему всю грудку в фалды его сюртука и велел так идти в монастырь. Сперва Мантуров со страхом выслушал приказание старца, так как не владел ногами. Затем, когда, повинуясь ему, сделал усилие идти, почувствовал, что совершенно крепко стоит на ногах, несмотря на свою ношу.

В восторге исцеленный бросился в ноги своему исцелителю и стал, в пылких выражениях, благодарить его.

Но старец строго сказал ему, поднимая его:

— Разве Серафимово дело мертвить и живить, низводить во ад и возводить? Что ты, батюшка? — Это дело единого Господа, Который творит волю боящихся Его и молитву их слушает.

Потом, старец с ударением добавил: — Господу Всемогущему и Пречистой Его Матери даждь благодарение!

* Так обыкновенно, чаще всего обращался о. Серафим к людям и при жизни своей, и в посмертных явлениях своих.

** Старец имел обычай раздавать посетителям сухарики из хлеба. В одной из келий старца, стоявших когда-то в лесу и теперь сохраняемых в Дивееве, в память старца доселе ведется этот обычай.

Мантуров совершенно здоровым вернулся домой, к себе в Нучу, и прожил там некоторое время, наслаждаясь здоровьем, как бы вторично родившись на свет. Уж он стал привыкать к своему здоровью и забывать о своем недуге, как ему захотелось ехать в Саров, повидать своего благодетеля, принять от него благословение.

Всю дорогу он размышлял о том, что Господь сотворил для него через старца, и что, как сказал ему старец, ему предстоит возблагодарить за это Бога.

Мантуров был впечатлительный, пылкий человек, способный к глубокому, на всю жизнь охватывающему чувству, к прочным привязанностям, к безграничному доверию. Такими именно чувствами он безотчетно привязался к отцу Серафиму с первого же раза.

Когда Михаил Васильевич приехал в Саров и отправился к старцу, о. Серафим тотчас сказал ему:

— Радость моя! Ведь мы обещались поблагодарить Господа!

Эти слова старца были ответом на мысли, занимавшие Мантурова от самого дома; он удивился прозорливости старца и сказал:

— Не знаю, чем и как. А вы что прикажете?

Тогда отец Серафим сказал ему такое слово, которое разом должно было изменить всю жизнь Мантурова, в то время бывшего зажиточным, обеспеченным помещиком, вполне независимым человеком, уверенным в завтрашнем дне.

Уже одно это обращение к Мантурову показывает, как глубоко понимал отец Серафим людей, которых видел всего лишь один раз.

Радостно глядя Мантурову в глаза, старец произнес:

— Вот, радость моя: все, что ни имеешь, отдай Господу и возьми на себя самопроизвольную нищету.

Пораженный стоял Мантуров перед старцем. Жизнь, только что возвращенная ему, казалось, улыбалась ему, звала к себе, сулила ему счастье. И вместо этой привольной жизни... собственным решением принять на себя нищету,— о чем он никогда раньше и подумать не мог,— и все то унижительное, тоскливое,

полное страданий, что влечет за собою нищета! А ведь он не был один. У него была жена и обязанности к ней.

С одной стороны, странное предложение старца казалось неисполнимым. А с другой, в разгоряченной голове Мантурова мелькнуло его недавнее прошлое, муки его болезни, его тогдашнее отчаяние, перед которым нищета, но с возвращенным ему здоровьем, могла казаться благом.

И он стоял перед старцем, колеблясь...

Что-то говорило ему:

«Смотри на этого человека. Он тоже все для Бога оставил, и какими дарами наградил его Бог! Сколько есть сокровищ духа, перед которыми ничто земные блага. И даются они лишь тем, кто сами все готовы отдать Богу. Торжествующие обители рая и предчувствие их на земле доступны лишь тем, кто доказал Богу всю безграничность своей любви, все стремление свое к свету, непреклонное желание идти по земле путем уничижения и страдания, которые Спаситель освятил Своим примером»...

Вспомнилось ему, как некогда Христос призывал богатого юношу оставить все и идти за Ним, и как не внял призыву юноша, и сколько потерял, променяв вечное великое блаженство на несколько лишних лет непрочного земного счастья. И влеклось сердце Мантурова к этому великому подвигу, и готов он был сказать ««а»»старцу, стоявшему перед ним, как светлому небожителю и воплощению всего, что выше земли и земной жизни, что правдиво, непреходяще, вечно... Но мысль о жене удерживала его.

— Оставь все,— сказал старец, знавший, по прозорливости своей, все течение его мыслей,— Господь тебя не оставит. Богат не будешь, хлеб же насущный всегда у тебя будет.

Тогда окончательный перелом произошел в душе Мантурова. Жизнь отречения была им избрана, и он воскликнул:

— Согласен, батюшка! Что же благословите мне сделать!

— Вот, радость моя, помолимся,— был ответ старца,— и тогда я укажу тебе, как вразумит меня Бог.

По слову о. Серафима, продал Михаил Васильевич Мантуров свое имение, крепостных людей отпустил на волю, деньги пока

приберег; лишь на часть их купил 15-ть десятин земли в селе Дивееве. На сбереженный капитал впоследствии был построен Дивеевский храм.

Старец Серафим заповедовал Мантурову никому не продавать землю и завещать ее после себя Дивеевской общине.

Поселился Михаил Васильевич на этой земле со своей женой и стал жить в скудости.

Конечно, по злобе людской, по неспособности людей понимать те великие подвиги, то безусловное самоотречение, какое принял на себя Мантуров, — много пришлось ему выносить и осуждений, и насмешек. Но кротко, молча, смиренно переносил он все; всю свою жизнь, все свои поступки подчинил старцу, в любви к нему находя утешение от всех невзгод, которые принесло ему беспрекословное послушание этому человеку. И старец высоко ценил эту искренность к себе Михаила Васильевича.

Он стал приближеннейшим к нему и довереннейшим человеком. Старец всегда называл его не иначе, как «Мишенька», и через него вел все дела Дивеева.

Особенно много укоров пришлось вынести Михаилу Васильевичу от своей жены, тогда бывшей лютеранкою и отличавшейся раздражительным характером. Нужда доходила иногда до того, что нечем было осветить комнату, и вот что Мантурова, уже будучи вдовою и в тайном постриге, рассказывала о той поре их жизни. Однажды в томительный, длинный зимний вечер, сидя без огня, молодая женщина стала осуждать и мужа, и старца Серафима, и горько жаловаться на свою судьбу. Вдруг слышит она какой-то треск и не верит своим глазам: пустая, без масла, лампада оказалась полною масла и светилась белым огоньком.

Залилась тут Анна Михайловна слезами, стала мысленно просить прощения у о. Серафима, и с тех пор ропот ее прекратился.

Еще необыкновеннее был перелом, происшедший в жизни родной сестры Михаила Васильевича, Елены Васильевны.

Она была веселого, бойкого характера, любила светские забавы, наряды, шумную жизнь, многочисленное общество. В 1822 году 18-летняя девушка стала невестой очень любимого ею человека.

Но совершенно неожиданно и без всяких причин она отказала жениху и признавалась брату: «Не могу понять, но почему-то он мне страшно опротивел!» Она вся отдалась светским увеселениям, и ее судьба очень тревожила ее родню.

Тут умер родной дед Мантуровых, отец их матери, состоятельный человек. Получив известие о его смертельной болезни, Елена Васильевна, чтобы не терять времени, не стала дожидать брата и поехала к деду одна. Она не застала его в живых и, схоронив его, от нравственного потрясения заболела горячкою.

Оправившись, она пустилась в обратный путь. Ехала она в карете со своими людьми. Во время остановки на почтовой станции уездного города Княгинина она послала своих людей в почтовую комнату приготовить ей чай, а сама осталась дожидать в карете. Когда слуга пришел доложить ей, что все готово, он нашел свою госпожу в таком положении, что невольно вскрикнул и остолбенел.

Елена Васильевна стояла во весь рост, опрокинувшись назад, держась судорожно рукой за полуоткрытую дверцу кареты, недвижимая, бледная, с выражением панического ужаса на лице.

Люди, сбежавшиеся на крик лакея, бережно внесли ее в комнаты. Она не могла отвечать на вопросы, оставаясь в том же состоянии оцепенения. Сопровождавшая ее горничная, думая, что она умирает, стала громко спрашивать у нее, не позвать ли священника. При этих повторяемых вопросах Елена Васильевна начала приходить в себя и с радостной улыбкой прошептала: «Да, да!» Когда пришел священник, она уже могла словесно исповедоваться ему и приобщилась, но охвативший ее тогда ужас все еще не проходил, и она целый день не отпускала священника, держась за его рясу. Наконец, успокоившись, она продолжала свой путь. Вернувшись домой, она рассказала Михаилу Васильевичу и его жене о том, что с нею было.

Оставшись тогда у почтовой Княгининской станции одна в карете, она немного вздремнула. Потом, очнувшись, желая выйти наружу, отперла дверцу и поставила ногу на подножку. Тут она невольно почему-то взглянула вверх и увидела над головой страшного, безобразного черного змия, изрыгавшего на нее пла-

мя. Он вился над нею, готовый ее поглотить, все ниже опускаясь к ней; она уже ощущала на себе его дыхание и не имела сил звать на помощь. Наконец, с величайшим напряжением, она закричала: «Царица Небесная, спаси! Даю Тебе клятву никогда не выходить замуж, идти в монастырь!»

И в то же мгновение страшный призрак взвился кверху и исчез...

После этого видения Елена Васильевна круто изменилась. Она полюбила церковь, стала думать о Боге, занялась духовным чтением. Опротивела ей мирская жизнь, и она стремилась в монастырь, чтобы исполнить свой обет.

Она отправилась в Саров к о.Серафиму и открыла ему свое намерение поступить в монастырь. Но старец тогда не дал ей на это благословения. Вернувшись домой, много она плакала, молилась, просила у Бога вразумления. И все сильнее становилась ее жажда идти в монастырь. Еще несколько раз ездила она к Серафиму, и старец все еще отговаривал ее. Этим путем испытывал он искренность и глубину ее намерения, и постепенно готовил ее к жизни в той Дивеевской общине, которую он начал устраивать в 1825 году.

Наконец, обессиленная, истомленная ревностью своего желания и противодействием старца, она задумала обойтись без его благословения и поехала в Муром, в тамошний женский монастырь.

Там тотчас согласились принять ее, и она внесла деньги за келию. Она вернулась домой для окончательных сборов, но не могла победить желания еще раз повидать отца Серафима и отправилась к нему.

Великий старец вышел к ней навстречу и, хоть ни от кого не мог слышать о ее решении, строго сказал, что нет ей дороги в Муром и нет на то его благословения.

Увидя старца, с которым она думала навсегда проститься, чувствуя его святость, убедаясь лишний раз в его прозорливости, поняла она, что не жить ей в Муроме, что нигде не сыскать ей такого отца и наставника.

По слову старца, она оставила в пользу Муромского монастыря внесенные ею деньги и вернулась домой, где уже три года жила, почти не выходя из своей кельи, в постоянной молитве.

Прошло полгода, и опять стояла она перед старцем, опять просила благословить ее на монашество. Пришло время приступить ей к подвигу, и великий старец сказал ей: «Если, радость моя, тебе этого так уж хочется: то ешь отсюда в 12 верстах маленькая община Агафьи Семеновны Мельгуновой*. Погости там и испытай себя!»

Это было в 1825 г., когда Елене Васильевне шел 21-й год.

В Дивееве Елена Васильевна, за недостатком места, поселилась в тесном чуланчике, пристроенном к одной келье. Крыльцо этой кельи выходило на Дивеевскую церковь, и часто видели, как подолгу сидела на крыльце Елена Васильевна, уходя в глубокие думы, созерцая красоту неба и природы, радуясь близости храма и тихо шепча всегда бывшую на устах ее молитву Иисусову**.

Через месяц после поселения Елены Васильевны в Дивееве, за нею послал*** о.Серафим и стал говорить ей, что пришло время обручиться ей с женихом.

Зарыдала Елена Васильевна, слыша опять прежние речи, но старец успокоил ее:

— Ты все еще не понимаешь! Время тебе в черную одежду одеться — вот какой жених-то, радость моя у тебя будет!

Долго говорил в этот раз старец с Еленой Васильевной, велел ей в виде послушания постоянно читать акафист, псалтирь, псалмы и правила с утренею, а днем пряхать, чему она должна была еще научиться. Еще заповедовал ей старец, сколько возможно, прово-

* Серафимо-Дивеевский женский монастырь, самый многочисленный из женских монастырей в России, возник из кружка благочестивых женщин, соборных великою подвижницею, родовитою помещицею Агафиею Семеновною Мельгуновой, которая, продав все свое имение, употребила его на построение и украшение храмов и на дела милосердия, проводя жизнь в селе Дивееве.

** Иисусову молитву составляют слова: Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя грешного (или грешную). Эту молитву о. Серафим настоятельно советовал приходившим к нему читать неопустительно, постоянно, в одиночестве и в обществе, при занятиях, в пути и дома.

*** О. Серафим никогда не ходил сам в Дивеево.

дить время в молчании, отвечая лишь на самые нужные вопросы. Велел всегда быть в занятии, строго поститься. От пробуждения до обеда велел ей старец творить молитву Иисусову, а от обеда до сна молитву: «Пресвятая Богородица, спаси нас!» «Вечером, — говорил ей старец, — выйди во двор и молись сто раз Иисусу, сто раз Владычице, и никому не сказывай, а так молись, чтобы никто не видел. И пока Жених твой в отсутствии, ты не унывай, а крепись лишь и больше мужайся. Так молитвою, вечно неразлучною молитвою, и приготовляйся ко встрече с Ним».

Ликующая возвратилась Елена Васильевна в Дивеево, надела монашеское платье и стала исполнять наставления о. Серафима.

Так как в келье ее было беспокойно, старец благословил ее брата поставить ей особую маленькую келью, и она перешла в нее вместе со своей дворовой девушкой, весьма ей преданной и не хотевшей расстаться с госпожей по ее уходе из мира. Служанка эта и умерла в Дивееве, раньше своей барышни.

Когда о. Серафим устроил в Дивееве мельницу и перевел к ней семь девушек (он хотел, чтобы девушки-инокини жили отдельно от вдовых женщин), он назначил им начальницей Елену Васильевну.

— Всегда и во всем слушала вас, батюшка, — отвечала Елена Васильевна, когда старец выразил ей свою волю, — но этого не могу. Лучше прикажите, чтобы умерла сейчас у ваших ног, но начальницей быть не желаю.

Она оставалась жить в той же келье и, хотя о. Серафим приказывал сестрам мельничным обращаться к ней, она до самой смерти своей отреклась от начальствования.

Елене Васильевне старец открывал будущее Дивеева.

Он говорил, что не было примера, чтобы были женские лавры, а что в Дивееве будет лавра, что выстроится большой собор; старец рассказывал, как впоследствии расположатся в Дивееве постройки, и даже набросал собственноручно план, хранящийся доселе в рамке у Дивеевской игумении Марии. План этот старец набрасывал в своей Саровской келье, стоя на коленях, на обрубке, служившем ему столом, при чем ему помогал Михаил Васильевич Мантуров.

В тех хлопотах о Дивеевской общине, которые о. Серафим возлагал на верного послушника своего, Михаила Васильевича Мантурова, ему приходилось переносить немало неприятностей.

Село Дивеево принадлежало зараз многим владельцам. Одна из них, графиня Толстая, проездом в свои обширные имения, посетила Дивеевскую общину, видела добрую жизнь сестер, и, желая выразить этому делу свое сочувствие, подарила обители небольшую полосу земли, прилегавшую к общине.

Управляющий графини, очень недовольный этим распоряжением, возбудил против общины зятя графини, знаменитого московского генерал-губернатора графа Закревского. В бытность свою в тех местах граф потребовал к себе в контору стоявшую во главе общины сестру Ксению Михайловну, и невыразимо грубо оскорбил и ее, и обитель, называя это место скопищем гулящих девок, так что от тяжести обиды Ксения Михайловна тут же упала замертво.

Михаил Васильевич Мантуров рассказал все в глубоком негодовании о. Серафиму.

Старец приказал ему объяснить кротко и вежливо Закревскому, что он заблуждается насчет Дивеевской общины, и что он без всякого повода оскорбил почтенную старицу, и затем низко поклониться графу, благодаря его за пожертвование общине его тещею земли.

Как ни было это трудно горячему, пылкому, бесстрашному Мантурову, он в точности исполнил это приказание. Когда Закревский выходил из церкви, Мантуров при всем народе громко объяснил ему неуместность его поступка, и, когда Закревский, взбешенный, стал осыпать его грубыми ругательствами, Михаил Васильевич, подавив в себе острое чувство обиды, низко поклонился ему и благодарил за добро, оказанное общине.

Возвратясь в Москву, Закревский поднял шум, требовал, чтобы относительно общины произведено было дознание, и было назначено два следствия духовных и светских властей. И, с этой поры, можно считать, община, формально еще не утвержденная, получила официальную известность.

Основание мельницы Дивеевской, при которой старец поселил сестер-девушек, тоже произошло через Михаила Васильевича. Старец позвал его как-то к себе, поклонился ему в ноги и просил идти в Дивеево, и там от середины алтаря Казанской церкви отсчитать определенное количество шагов.

— Тут будет межа, — сказал батюшка, — еще через столько-то шагов будет луговина, посередине ее вбей колышек.

Хотя старец сам никогда не посещал Дивеева, все указанные им расстояния оказались до точности верны. Когда Мантуров, исполнив поручение, вернулся к о. Серафиму, старец опять поклонился ему в ноги и был очень радостен. Через год он послал Михаила Васильевича вокруг этого колышка вбить еще четыре других и насыпать горку камней. На этом месте через два года и была заложена мельница.

Вскоре после окончания постройки мельницы о. Серафим задумал выстроить для общины особую церковь. Он находил неудобным постоянное соприкосновение мельничных инокинь-девушек с мирянами в церкви, и задумал к паперти сельской Казанской Дивеевской церкви пристроить особую церковь, так, чтобы и оградой разделить входы в оба храма. Так оно существует и доселе. Спереди выстроенная Дивеевскою первоначальницею, Агафиею Симеоновною Мельгуновою, Казанская церковь села Дивеева, со входами с боков, а сзади, в связи с этою церковью, двухэтажный храм Дивеевского монастыря. От середины общего здания, перпендикулярно к нему, идет в обе стороны ограда, так что самые входы в оба храма совершенно разъединены.

Призвав к себе Михаила Васильевича, старец объяснил ему свое намерение, высказал мысль, что паперть Казанского храма достойна стать алтарем, так как матушка Агафия Симеоновна, стоя на молитве, всю ее токами слез своих омыла; наконец, просил Михаила Васильевича употребить имевшийся у него от продажи имения капитал на построение этого храма.

Значит, пришло время, чтоб чистая, великая жертва Михаила Васильевича нашла себе столь достойную цель, и церковь эта, выстроенная на достояние человека, обнищавшего ради этого дела, имела особое значение.

Мантуров стал хлопотать о разрешении строить церковь и начал готовить материал для постройки.

Не раз другие лица прежде еще предлагали выстроить храм для Дивеевских сестер. Но старец отклонял эти предложения. Он говорил раз одной инокине: «Не всякие деньги угодны Господу и Его Пречистой Матери и не всякие деньги попадают в мою обитель. Другие-то и рады бы дать, да не всякие деньги примет Царица Небесная: бывают деньги обид, слез и крови; нам такие деньги не нужны».

В 1829 году церковь, воздвигнутая в связи с колокольной Казанского храма, была готова; о. Серафим торопился с освящением ее, и он решился освятить церковь без иконостаса, даже без входа; из села Лемети привезли два местных образа; там, где нужно быть входу, поставили лесенку, и храм был освящен во имя Рождества Христова. Желая, чтобы в этом храме почтена была и Богоматерь, о. Серафим пожелал устроить придел и во имя Богоматери. Для этого под церковью подкопана земля, и внизу устроен полутемный храм во имя Рождества Богоматери. Низкие своды потолка поддерживаются четырьмя столбами, и о. Серафим говорил, что эти четыре столба знаменуют четверо мощей Дивеевских подвижниц, которые впоследствии откроются в Дивееве. Когда нижняя церковь эта в 1830 году была готова, о. Серафим посылал хлопотать в Нижний перед архиереем о разрешении освятить ее — Елену Васильевну Мантурову.

Елена Васильевна продолжала подвижническую жизнь свою, тщательно скрывая свои подвиги. Она очень любила помогать бедным и творила добро в тайне. Дивеевские сестры были бедны, и во всем нуждались, и частенько в церкви или где-нибудь на воздухе Елена Васильевна передавала им что-нибудь, как бы от чужого имени.

Питалась она лишь печеным картофелем и лепешками. То и другое висело в мешечках на крыльце ее келии. Сколько его ни пекли ей, все ей не хватало. Пекарша даже ворчала на нее, а она винилась в жадности. Между тем и это она раздавала щедро другим сестрам.

По освящении новых храмов старец дал Елене Васильевне два послушания: быть ризницею и церковницею. Она была пострижена в рясофор, и под камилавку о. Серафим надел ей шапочку, сшитую из его поручей.

Давая заповедь о том, как соблюдать порядок в церкви, старец так высказался о важности послушания церковного.

«Нет выше послушания, как послушание в церкви. Все, что ни творите в ней, как входите и исходите, — все должно творить со страхом и трепетом и непрестанною молитвою, и никогда в церкви, ничего не должно говориться в ней. Что краше, превыше церкви? Где же возрадуемся духом, сердцем и всем помышлением нашим, как не в ней, где сам Владыко Господь наш с нами всегда соприствует?!»

И Елена Васильевна глубоко прониклась наставлениями старца. Она подолгу оставалась в церкви. Так как сестер грамотных было мало, то ей приходилось иногда часов по шести сряду читать псалтирь. Когда она оставалась в церкви ночью одна, ее искушали страшные привидения, так что она падала без чувств. Старец запретил ей тогда бывать в церкви ночью одной.

Из послушания к о. Серафиму, Мантурову пришлось на некоторое время уехать из Дивеева.

Перед польским походом один богатый генерал, Куприянов, приехав за благословением к о.Серафиму, стал просить, чтоб батюшка на время похода позволил Мантурову заняться его обширными поместьями. Это был случай для Мантурова заработать деньги. Старец же смотрел на это так: «Поезжай, батюшка, человек он ратный, а мужички бедные, брошены, в раскол совращены: вот, ты ими и займись. Обходись с ними кротко: они тебя полюбят, послушают, исправятся и возвратятся ко Христу».

Мантуров отправился. Он нашел крестьян разоренными дурным управлением, невежественными, грубыми, недоброжелательными и вовлеченными в раскол. Действуя, как предписал ему старец, мягко, заботясь о них, входя в их нужды, Михаил Васильевич приобрел их доверие; крестьяне стали сами постоянно обращаться к нему, стали богатеть.

Места были там болотистые, и в то время свирепствовали заразные лихорадки. Не избавился от них и Михаил Васильевич. Уведомляя сестру о болезни, он просил узнать у старца средство, как вылечиться. Старец отвечал ему через Елену Васильевну, что советует никогда не лечиться у докторов, не прибегать к лекарствам, а на сей раз велел есть мякоть теплого пропеченного хлеба. Выздоровев, Мантуров стал то же давать крестьянам, которые тоже выздоравливали и, под впечатлением этих необыкновенных происшествий, стали возвращаться в православную церковь.

Построив, с помощью Мантурова, Рождественский храм, о. Серафим пожелал раньше смерти своей приготовить землю для собора Дивеевского, о красоте и величии которого он предсказывал первоначальным сестрам Дивеевским и который, действительно, сколько раньше ни слышал о нем, изумляет, поражает душу всякого, видящего его в первый раз.

Дивеевская община вся была окружена как бы лоскутьями чреполюсного владения многих помещиков. Вот, к одному из них, Жданову, которому принадлежала земля, назначавшаяся под собор, о. Серафим и послал Елену Васильевну, вручив ей на покупку триста рублей.

При этом старец объяснил ей: «Когда святой царь Давид восхотел соорудить храм на горе Мориа, то гумно Орны не принял за даром, а заплатил цену. И теперь Царице Небесной угодно, чтобы место под собор было приобретено покупкою. Я бы мог выпросить землю. Но Ей не угодно!»

Елена Васильевна поехала в Темников, где жил г. Жданов, и передала ему желание старца.

— Как,— воскликнул Жданов, искренно чтивший великого старца: вы шутите, вероятно. Неужели вы думаете, что я стану продавать дивному Серафиму этот малый клочок земли, принадлежащий единственно мне! Берите его даром.

Когда же Елена Васильевна объяснила, почему о. Серафим не желает дара, Жданов, хотя с крайней неохотою, принял деньги и совершил на землю купчую крепость.

Деньги о. Серафима оказались счастливыми. До того Жданов, отец многочисленной семьи, сильно бедствовал вследствие крайней запутанности дел. Получив насильно от Елены Васильевны триста рублей, он приобрел внезапную удачу в делах: все дети его хорошо устроились, все дела распутались.

Когда Елена Васильевна вернулась из Темникова и вручила старцу купчую на землю, он пришел в восторг и стал восклицать: «Вот радость-то, матушка, какая! Собор-то у нас какой будет, матушка! Собор-то какой! Диво!»

Старец оставил купчую крепость на хранение у Елены Васильевны, а в случае смерти ее заповедал передать ее Михаилу Васильевичу и беречь ее пуще ока.

Будучи руководителем брата и сестры Мантуровых в великом их подвиге, старец Серафим имел возможность помолиться еще на земле о упокоении души избранной послушницы своей. И ей, перед кончиной ее, как некогда при первом ее знакомстве со старцем, дано было явить изумительный пример покорности слову старца и безграничной веры в него.

Елена Васильевна скончалась за семь месяцев до кончины дивного своего учителя и наставника.

Видя, как постепенно старец слабеет, предчувствуя, что дни его сочтены, она, еще полная жизни и сил, стала говорить:

— Скоро останемся мы без батюшки. Навещайте его как можно чаще; недолго ему быть среди нас. Я уже не могу жить без него и не спасусь. Как ему угодно: я его не переживу, пусть меня раньше отзовут.

Эту мысль высказала она раз и самому старцу.

— Радость моя, — ответил ей о. Серафим, — а ведь служанка твоя раньше тебя войдет в Царствие, а скоро и ты за нею.

Действительно, крепостная девушка ее, Устинья, до того привязанная к своей госпоже, что за нею вступила в Дивеев, заболела чахоткой. Ее мучила мысль, что она, больная, бесполезная, занимает лишнее место в тесной келии Елены Васильевны, и все просилась уйти в другую келию. Но Елена Васильевна уложила ее на лучшее место и сама до конца ей служила.

Перед смертью Устинье был сон: видела она чудный сад, с необыкновенными плодами, и кто-то ей сказал: «Этот сад общий, твой с Еленой Васильевной, и вскоре за тобой она придет в этот сад!»

Выше было сказано, как Михаил Васильевич заболел злокачественной лихорадкой и как старец исцелил его.

Немного спустя, он послал за Еленой Васильевной, которая пришла к нему в сопровождении послушницы Ксении.

— Радость моя, — сказал ей старец, — ты меня всегда слушала. Можешь ли и теперь исполнить одно послушание, которое я хочу тебе дать?

— Я всегда слушала вас, батюшка, — отвечала она: — слушаю вас и теперь.

— Вот видишь ли, — стал тогда говорить старец, — пришло Михаилу Васильевичу время умереть, он болен, и ему нужно умереть. А он нужен для обители, для сирот Дивеевских. Так вот, и послушание тебе: умри ты за Михаила Васильевича.

— Благословите, батюшка!..

Таков был покорный ответ великой послушницы старца.

Много беседовал с ней в тот раз старец, успокаивая ее и говоря ей о сладости смерти, о безграничном счастье будущей жизни.

— Батюшка, я боюсь смерти, — сказала вдруг Елена Васильевна.

— Радость моя, — ответил ей старец, — что нам с тобой бояться смерти. Для нас с тобой будет лишь вечная радость.

Простилась Елена Васильевна со старцем, стала выходить из кельи, но на пороге упала на руки подхватившей ее послушницы Ксении.

Старец велел положить ее в своих сенях на приготовленный им для себя гроб, впрыснул ее святой водой, дал ей испить, и тем привел ее в чувство. Вернулась она домой и, больная, слегла в постель, говоря: «Теперь я уже более не встану!»

Болезнь ее была непродолжительна, всего несколько дней.

Она особоровалась и несколько раз приобщалась. Духовник ее предлагал написать ее брату, Михаилу Васильевичу, с которым

она жила душа в душу. Но она ответила: «Нет, батюшка, не надо. Мне будет жаль его, и это помутит мою душу, которая не столь чистою уже явится к престолу Божию».

В последние дни ее жизни, дивные видения открывались духовному взору подвижницы. Однажды она радостно воскликнула, точно видя перед собою воочию Владычицу мира: «Святая игумения! Матушка, обитель нашу не оставь!»

Исповедуясь последний раз духовнику, она открыла ему, что видела райские обители. Величественная Царица невыразимой красоты сказала ей: «Следуй за Мною!» — и повела ее в сияющие чертоги...

Когда перед самым концом ее преданная послушница Ксения решилась спросить ее, видела ли она среди явленных ей откровений Самого Господа, она сперва тихим голосом запела: «Бога человеком невозможно видети, на Него же не смеют чини ангельстии взирати», но потом, когда та продолжала умолять свою госпожу открыть ей эту тайну, Елена Васильевна, вся просветлев, с восторженным, чудным выражением в лице, отвечала: «Видела, как неизреченный огонь. А Царицу и ангелов видела просто».

Елена Васильевна велела еще живую «собрать» себя для гроба: — одеть и оправить, говоря, что иначе, когда она умрет, в этом помешают.

Тих и мирен был последний вздох подвижницы, и чистая душа ее, освобожденная от уз тела, ликуя понеслась в небесную отчизну.

Совершилось это 28-го мая 1832 года, накануне Троицына дня, после семилетнего пребывания Елены Васильевны в Дивееве. Она жила на земле 27 лет.

Внешность великой подвижницы была чрезвычайно привлекательна: — высокого роста, с круглым красивым лицом, с черными волосами, которые она заплетала в косу, черными глазами, сверкавшими умом и волею.

Правду говорила Елена Васильевна, предупреждая, что, если ее не приготовят во гроб раньше, не оповещая о ее смерти, то сестры помешают убрать ее. Только что было это исполнено, как

дивеевские сестры, среди которых она пользовалась общим горячим расположением, узнав о ее конце, с воплями наводнили ее маленькую, тесную келию, так что трудно было класть ее во гроб. Гроб за три дня до того был прислан о. Серафимом — выдолбленный из целого дуба. Вскоре, при звоне к вечерне, ее вынесли в церковь.

Она лежала в рубашечке о. Серафима, в платке и монашеской ряске, в руках ее были четки. Прямо на волосы под платком была надета та шапочка, которую великий старец надел на нее после пострижения и которая была сшита из его поручей.

Дивный Серафим провидел время кончины своей ученицы. Сестер Дивеевских, бывших в ту пору в Сарове, он поспешно посылал домой, говоря им: «Скорее, скорее грядите в обитель. Там великая госпожа ваша отошла ко Господу».

Именем «великая госпожа ваша» о. Серафим в беседах с дивеевскими часто называл Елену Васильевну. Замечательно, что, несмотря на отказ ее от настоятельства — единственно, в чем она до конца противоречила старцу, — о. Серафим считал ее начальницею дивеевскою, и в этом определении его было что-то таинственное.

В самый праздник Пресвятой Троицы, Елену Васильевну отпевали. Воочию всего народа, во время Херувимской песни, Елена Васильевна в своем гробе три раза улыбнулась, как живая.

С правой стороны Казанской церкви покоится первоначальница Дивеевская, Агафия Симеоновна Мельгунова, перед памятью которой благоговел о. Серафим и которую называл «великая жена» Около нее приготовили могилу и для Елены Васильевны.

Передают, что не раз на этом месте хотели хоронить мирян, но всякий раз, как начинали готовить могилу, ее заливало водою. Теперь же могила была суха.

На третий день по кончине Елены Васильевны, преданная ей послушница Ксения пришла в Саров, к о. Серафиму, вся расстроенная и в слезах.

— Что ты плачешь? — сказал ей великий старец. — Радоваться надо! Сюда придешь на сороковой день. А теперь поди в Диве-

ево: непременно надо, чтобы сорок дней обедня была. Хоть в ногах у священника валяйся.

Ксения ушла в слезах в Дивеев, а сосед по келье о. Серафима видел, как он долго ходил в сильном волнении, говоря сам с собой: «Ничего не понимают! Плачут!.. А кабы видели, как душа-то ее летела! Как птица вспорхнула! Херувимы и Серафимы расступились».

На сороковой день, утешая плачущую Ксению, о. Серафим говорил о том, что она угодила Господу и предсказал, между прочим, что со временем мощи Елены Васильевны будут открыто почитать в Дивееве.

В Дивеевском монастыре хранятся иконы Елены Васильевны: родительское ей благословение — Елецкая икона Богоматери, икона Успения в фольге и икона Спасителя, несущего крест, сработана разноцветным бисером по воску руками Елены Васильевны.

Закончился жизненный великий подвиг избранницы Божией. Созданная для мира и утех его, но рано поняв, что лишь область Божества удовлетворит ту жажду высокого, абсолютного, вечного, что была в душе ее, — с беззаветною искренностью отвергнув все земное, пошла Елена Васильевна по пути, освященному Христом, — по пути самоотречения. Уверовав в святость духовного наставника своего, она принимала всякое слово его как бы из уст Божиих и была послушна ему, «даже до смерти».

С глубоким душевным волнением, поминая эту озаренную столь ярким убеждением, полную одного порыва к Богу, жизнь, — станем просить праведницу, чтоб и нам помогла она не забывать о том небе, которое теперь стало ее неотъемлемым уделом и которое приобретается лишь горячей верой и неослабным подвигом!..

Во время кончины сестры, Михаил Васильевич Мантуров находился в Симбирских поместьях генерала Куприянова. Там же был он и во время блаженной кончины старца Серафима, следовавшей через полгода 2-го января 1833 года.

Тяжело было Михаилу Васильевичу сразу лишиться столь дорогих для него людей. И сестра могла оказывать ему нравствен-

ную поддержку в несении нищеты; легкою казалась ему бедность при жизни великого старца, который побудил его к такому самоотречению и в котором он всегда находил отраду и утешение, — теперь приходилось терпеть одному.

Страшные испытания начались для Михаила Васильевича тотчас по кончине старца.

Один из послушников Саровских, Иван Тихонов, — человек, хотя и в действительности преданный старцу Серафиму, но характера своевольного, — замыслил распоряжаться делами Дивеевскими. Желая действовать по своему, он решился отстранить от Дивеева лиц, которым старец сообщил свои намерения и решения по устройству общины. Довольно долго распоряжался Иван Тихонов делами Дивеева, пока после великих смут и раздоров, там возбужденных, не был устранен от Дивеева высшею церковною властью. Его сторонники, выйдя из Дивеева, основали в нескольких десятках верст, Серафимо-Понетаевскую обитель, тоже достигшую теперь полного процветания.

От этого Ивана Тихонова, по жизни, правда, подвижника, но горевшего ревностью не по разуму, и пришлось Михаилу Васильевичу вынести тяжкое гонение.

По окончании польского похода, генерал Куприянов приехал в Саров на поклонение могиле отца Серафима.

Много распространяясь о своей чрезвычайной привязанности к о. Серафиму, чем и привлекал к себе почитателей старца, Иван Тихонов сумел войти в доверие генерала. Выставляя, что ему, Тихонову, поручено старцем заботы о Дивееве, Тихонов оклеветал перед генералом Мантурова, как корыстного человека, и просил содействия генерала, чтобы вынудить у Мантурова уступку теперь же в пользу общины 15 десятин земли при селе Дивееве, приобретенных им тогда покупкою.

А о земле этой о. Серафим дал заповедь Мантурову — хранить ее как зеницу ока и лишь по смерти завещать ее Дивееву.

Приехал к себе Куприянов, стал уговаривать передать землю общине или продать. Мантуров, помня приказание старца, отказался наотрез.

— Да знаешь ли,— закричал тогда на него генерал,— что так же просто, как выпить стакан воды, я выпью всю твою кровь за твое упрямство.

— Хоть убейте меня,— спокойно отвечал Михаил Васильевич,— а я также просто не отдам ни за что моей земли, которую старец приказал мне хранить и не уступать никому до моей смерти.

Раздразнила генерала стойкость Мантурова, и он с позором выгнал от себя преданнейшего ученика старца Серафима. Придравшись к чему-то, он даже велел удержать его платье, спальные подушки его жены и не выдал ему заслуженного им жалованья.

Нищим, в полном смысле слова, вышел Мантуров от неблагодарного богача, которому столько сделал добра, устроив его имения.

С женою своей Анной Михайловной он пошел пешком в Дивеево, где указал жить ему старец и откуда вышел он лишь из послушания старцу. Они шли на Москву, кое-как кормясь. Но в Москве они остались без гроша, без возможности купить хоть кусок хлеба.

Анна Михайловна была в полном истощении от усталости и от голода, и невольно роптала. В таком безвыходном положении, не ища помощи от людей, Михаил Васильевич надеялся лишь на помощь Царицы Небесной. Подолгу стоял он в знаменитой московской часовне Иверской, полной с утра до вечера народом, и перед Чудотворной Иверской иконой просил Богоматерь не дать умереть ему с женой с голоду.

Возвращаясь домой, он задел за что-то ногой. Нагнувшись, он увидел на земле 60 копеек. Сперва он подождал, не явится ли владелец этих денег. Но так как никто их не спрашивал, Мантуров, с верою, что эту помощь посылает ему Владычица, взял деньги и понес их домой, где на них накормил жену.

Этот случай повторился несколько раз, и тем Мантуровы поддерживали свое существование. Как-то раз, один совершенно неизвестный Мантурову человек подошел к нему и, не глядя на него, сунул ему в руки бумажку и быстро скрылся. Бумажка эта была денежная. В великой радости вернулся Мантуров к жене, и,

поблагодарив Бога, они решились продолжать путь в Дивеево. Много видели еще они в этом пути чудесной помощи, и, наконец, дошли до места.

Благоговейный почитатель отца Серафима, Дивеевский священник о. Василий Садовский отдал Михаилу Васильевичу свои последние 75 рублей ассигнациями, сбереженные им про черный день; на эти деньги Мантуров поставил себе на своей земле маленький сруб и стал жить в нем с Анной Михайловной в скудости, кормясь своим трудом.

Анна Михайловна к тому времени во многом изменилась и была уже далеко не такова, как в те дни, когда жестоко роптала на старца и порицала мужа. Убеждение в святости старца давало ей силы терпеть. Убеждение это создалось в ней опытом. Между прочим, никогда не могла она забыть, как батюшка научил ее славянской грамоте. Почти всякий раз, как она видела старца, старец говорил ей: «Матушка, читай жизнь преподобной Матроны и подражай ей!» И, сколько ни говорила она, что не умеет читать по славянски, — старец все повторял свое. Наконец, взяла Анна Михайловна в руки житие преподобной Матроны и, хотя никогда не читала по-славянски, стала читать. Даже там, где были титла, сама догадывалась, как надо произносить, так что вскоре уже бегло могла читать церковно-славянские книги.

«Люди злы»: вот печальная истина, в которой Михаилу Васильевичу пришлось убедиться за два последние десятилетия своей жизни.

Грустно было ему видеть, что многое в Дивееве делается не по духу старца Серафима. Но Мантуров хорошо понимал, что где же ему, нищему, выгнанному с позором с места управляющему, противостать Ивану Тихонову, заручившемуся покровительством многих сильных лиц. При встречах с ним, Мантуров старался выяснить ему неправильность его поступков, но напрасно, и за ревность свою о деле Серафимовом Мантуров видел одни неприятности и клеветы. Пришлось ему перенести и новую беду: его домик сгорел. С помощью добрых людей он на своей земле поставил себе другой, в котором и прожил до смерти.

Когда в 1848 г. Стали выбирать место для закладки большого Дивеевского собора, Михаилу Васильевичу пришлось вынести упорную борьбу с Иваном Тихоновым, отстаивая перед нижегородским преосвященным то место, которое великий старец, через сестру его Елену Васильевну, приобрел под собор за триста рублей у Жданова, тогда как Иван Тихонов употреблял все усилия, чтоб заложить собор на другом месте. Четыре места предлагал Тихонов, и все они по очереди должны были быть отвергнуты, так что лица, знавшие волю старца, с верою говорили:

— Ну, посмотрим, как о. Серафим доведет собор до своего места.

Когда, наконец, стечением разных обстоятельств находившийся в то время в Дивееве нижегородский преосвященный Иаков, убедившийся в правоте слов Мантурова, спросил: «А как же в одни сутки (закладка была назначена на другой день) успеют вырыть канавы для фундамента?» — столпившийся вокруг народ отвечал: «Нас здесь собралась не одна тысяча: пособим!» — и под руководством Мантурова, который, и, на этот раз, со свойственною ему пылкостью отстоял старцеву волю, работа закипела.

Лишь несколько лет прожил Михаил Васильевич после этой борьбы.

За несколько дней до смерти видел он во сне старца Серафима. Старец дал ему в руки хлеб, говоря: «Хлебец этот тебе. Кушай, сколько угодно, а остальное раздай тем, кто нас знает». Затем, старец сказал: «Жди меня, я за тобой приду скоро; благовестят, ступай к обедне, мы там вместе помолимся!» А Анне Михайловне старец, в предсказание ее вдовства, сказал: «А ты, матушка, походи здесь еще одна!» Помолясь с Мантуровым на клиросе церкви, старец сказал ему: «Потерпим еще, батюшка, потерпим еще немного!» — и тут сон кончился.

7 июля 1858 года, накануне праздника Казанской иконы, Мантуров заказал обедню в построенной им Рождественской церкви и приобщился; после обедни он стал повторять церковнице некоторые распоряжения о. Серафима относительно этой церкви, что удивило сестер. Вернувшись домой и напившись чая, Миха-

ил Васильевич прошел в сад и, почувствовав сильную усталость, присел на скамейку, и тут же безболезненно предал Богу свою чистую, праведную душу.

С виду Мантуров был очень приятен: у него, как и у сестры его, было открытое, круглое лицо. Нрав его был веселый, простой. Он был чрезвычайно добр и безгранично искренен.

О том, какое впечатление он производил на светских людей, можно судить из письма пензенского помещика, сына знаменитого военного историографа генерала Михайловского-Данилевского, семья которого издавна имела отношение к Дивееву.

«Михаил Васильевич скончался, — пишет он. — Два или три раза видел я его, но беседа с ним была мне очень впечатлительна. Нельзя ли собрать какие-нибудь хоть краткие, но верные сведения о его жизни: о подвиге бедности Бога ради, о излечении его о. Серафимом, и, наконец, о его блаженной кончине? Я напечатал бы эти сведения в одном из журналов. Право, оно было бы: во 1-х, полезно для ближних, ибо, может, кто из читателей, прочтя о простоте жизни его, и опомнился бы, и во 2-х, главное, было бы многопорочному и греховному миру напоминанием, что есть люди, пренебрегшие благами мира, и что все-таки свет их не забыл».

Пишущему эти строки приходилось посещать Дивеев.

Не в дальнем расстоянии от могил Дивеевской первоначальницы Агафьи Симеоновны Мельгуновой и Елены Васильевны Мантуровой, лежит, с левой стороны Рождественской церкви, Михаил Васильевич. Простая деревянная доска с крестом из черного дуба покрывает его могилу; на стене церкви против могилы прибита икона его ангела Михаила Архистратига.

Так покоится он у храма, созданного ценою его самоотвержения, его покорности старцу и великой его жертвы.

И сколько дум, когда видишь эти две могилы сестры и брата, теснится в голове! Лишив себя радостей жизни, с верою, что воздаст им Господь в вечном Царстве, не ликуют ли они теперь оба вместе с дивным учителем своим, призывая и нас к той же жизни духа, к той же силе и исключительности веры!

Под духовным руководством о. Серафима находилась крестьянская семья Мелюковых, из деревни Погибловой, Ардатовского уезда, Нижегородской губернии. Семью эту составляли: брат Иван Семенович и две сестры, Прасковья и Марья Семеновны.

Старшая из них жила в Дивеевской общине, а младшая, Мария, в ноябре 1823 года, «увязалась» за сестрой из деревни в Дивеев.

Когда 13-летняя Мария увидела о. Серафима, старец различил в ней будущую великую подвижницу и велел ей остаться в Дивееве.

Это была избранная душа, ангелоподобная видом, несравнимая ни с кем своими свойствами.

Высокая ростом, она имела прекрасное продолговатое лицо, дышавшее свежестью, голубые глаза, светлорусые брови и густые светлорусые волосы.

Поступив в Дивеево, откровица Божия сразу приступила к столь великим подвигам, что превосходила строгостью жизни опытных сестер. Молитва никогда не прекращалась в ней, и только на самые необходимые вопросы она отвечала с небесною кротостью. Вне этого она не вела никогда разговоров.

Старец особенно заботливо относился к ней, в ее молодых годах почитал в ней созревшую для Царствия Божия душу. Насколько повиновалась она всякому слову старца, видно из следующего. Раз ее родная сестра спросила ее о каком-то Саровском монахе, и она удивленно сказала ей:

— А какие видом-то монахи, Параша, бывают: похожи ли на батюшку?

Сестра ответила:

— Ведь ты бываешь в Сарове часто; как же ты не видела монахов, что спрашиваешь?

— Нет, Параша,— кротко отвечала Мария; — ведь я ничего не вижу и не знаю. Батюшка Серафим приказывал мне никогда не глядеть на них, и я так повязываю платок на глаза, чтоб только видеть у себя под ногами дорогу.

О. Серафим посвящал ее во многое: говорил ей о будущей славе Дивеевской обители, открывал ей духовные великие тай-

ны, прося ее никому о том не рассказывать. И свято хранила она это приказание, как ни упрашивали ее передать, что слышала она от старца.

Иван Мелюков, брат Прасковьи и Марии, был близок к старцу, ходил часто в Саров и впоследствии кончил там жизнь иноком, а три дочери его были потом в Дивееве.

Дочь его Елена с пяти лет взята была в Дивеево своей теткою Прасковью. Когда тетка брала ее с собой в Саров, о. Серафим ласкал ребенка и пророчески называл ее «великая госпожа», говоря, что она будет благодетельницею Дивеева. Он даже приказывал иногда сестрам благодарить девочку за ее будущие благодеяния обители.

Она впоследствии, после кончины старца, вышла замуж за горячего и преданнейшего почитателя старца, неоцененного Николая Александровича Мотовилова, и, ставши барынею, не утратила ни привязанности к Дивееву, ни благоговения к памяти старца. Вместе с мужем она благодетельствовала обители, а по смерти его доживает теперь в Дивееве, столь близком ей, свои дни.

В обители хранится память о предсказаниях, которые о. Серафим делал ее отцу, Ивану Мелюкову, о судьбе Дивеева. Так, он слышал от отца Серафима такие слова: «Если кто моих сирот-девушек обидит (отец Серафим называл всегда Дивеевских сестер «сиротами»), тот великое получит от Господа наказание. А кто заступится за них, и в нужде защитит и поможет, — изольется на того свыше великая милость Божия. Кто даже сердцем вздохнет да пожалеет их, и того Господь наградит».

Вот, что еще говорил Ивану Мелюкову старец: «Счастливы всяк, кто у убогого Серафима в Дивееве пробудет сутки, от утра и до утра, ибо Матерь Божия, Царица Небесная, каждые сутки посещает Дивеев».

По кончине Марии Семеновны старец говорил, что в Царствии Небесном она будет стоять во главе отошедших Дивеевских инокинь.

Марья Семеновна присутствовала при одном необыкновенном молении о. Серафима о Дивееве. Войдя с двумя Дивеевскими

инокинями, одной из которых была Мария, в хижину «Дальней пустыньки»*, о. Серафим дал им в руки по зажженной свече, велел стать по обе стороны Распятия, висевшего там у него а стене, а сам, став перед Распятием, долго, долго молился, велел молиться и им. Конечно, эта молитва во мнении старца имела особое значение.

Кое-что из слышанного от старца Мария Семеновна, с позволения старца, который провидел ее раннюю кончину, передавала другим сестрам. Так, слышала она от старца, что Казанская Дивеевская церковь станет монастырскою, что великая участь ожидает Дивеевскую обитель, что впоследствии Дивеев будет единственная лавра в России.

Еще передавала она слова великого старца: «Убогий Серафим мог бы обогатить вас, но это вам не полезно. В последнее время будет у вас изобилие во всем, но тогда уже будет всему конец».

* * *

Всего шесть лет подвизалась Мария в Дивееве.

К сожалению, мало сведений сохранилось о подробностях ее жизни в обители. Главным образом по тому, какого высокого мнения был о ней великий старец Серафим, да по тому обаянию, которое доселе окружает имя ее в Дивееве, можно судить о высокой степени, ею достигнутой.

О причине смерти ее, старец, впоследствии, говорил одной монахине: «Когда в Дивееве строили церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы, то девушки сами носили камешки: кто по два, кто по три; а она наберет пять или шесть камешков-то и, с молитвой на устах, молча возносила свой горящий дух ко Господу. Скоро и преставилась Богу!»

Скончалась она 29 августа 1829 года. Старец в Дивееве предузнал ее кончину, и в час ее сказал с плачем своему соседу по келье отцу Павлу: «Павел, а ведь Мария-то отошла. И так мне ее жаль, так жаль, что, видишь, все плачу».

* Дальнею пустынькою называется то место в Саровском лесу, в нескольких верстах от Сарова, где о. Серафим проходил подвиг пустынножительства.

Старец послал для нее дубовый цельный гроб, утешал ее сестру Прасковью и сказал ей: «Марию я посхимил. Она схимонахиня Марфа. У нее все есть: схима и мантия, и камилавочка моя. Во всем этом положите ее. Не унывайте, — прибавил старец: ее душа в Царствии Небесном, и весь род ваш по ней спасется».

Послал еще о. Серафим в Дивеево 25 рублей на расходы по погребению, 25 рублей меди, чтоб инокиням и всем, кто ни будет на похоронах, раздать по три копейки; послал на сорокоуст колодок свечей, чтоб, не переставая, горели днем и ночью в церкви, ко гробу рублевую свечу желтого воску и для отпевания полпуда 20-копеечных свечей.

На 19-летнюю схимницу возложили те вещи, которые подарил ей о. Серафим. На распущенные волосы одели зеленую бархатную шапочку, в руки дали кожаные четки, сверху надели черную с белыми крестами схиму и длинную мантию.

Всех, приходивших к нему, старец посылал из Сарова в Дивеев на похороны Марии Семеновны. Сестрам Дивеевским, работавшим в лесу у речки Сарова, старец сказал: «Грядите, грядите скорее в Дивеев. Там отошла ко Господу великая раба Божия Мария». Сестры не знали, — о какой Марии говорит старец, и очень удивились, найдя Марию Семеновну умершею.

И шедших к нему крестьян старец толпами посылал на похороны, — говоря, чтобы девушки приоделись, расчесали волосы и припали ко гробу Марии.

Когда с похорон приехал к старцу брат Марии, Иван Мелюков, то батюшка несколько раз спрашивал его, брат ли он Марии. Потом, пристально взглянув на него, стал чрезвычайно радостен. Его лицо просветлело, как будто от него исходили солнечные лучи, так что нельзя было вынести этого света, и Иван должен был закрыть лицо руками.

«Вот, радость моя, — сказал батюшка брату Марии, — какой милости сподобилась она от Господа. В Царствии Небесном близ Царицы Небесной предстоит со святыми девами у престола Божия. Она за весь ваш род молитвенница, схимонахиня

Марфа: я ее постриг. Когда будешь бывать в Дивееве, никогда не проходи мимо, а припадай к могилке,— говоря: «Госпоже и мати наша Марфо, помяни нас у престола Божия во Царствии Небесном!»

Покойся Мария Симеоновна, во иночестве Марфа, слева от могилы Агафьи Семеновны Мельгуновой.

Старец говорил, что со временем она будет поживать открыто, так как настолько угодила Богу, что удостоилась нетления.

Какая-то великая тайна запечатлела жизнь этой юной обручницы Христовой: внезапный выбор ее великим старцем, шесть лет в Дивееве, равноангельская чистота, младенческая кротость и ранняя, неожиданная смерть...

Старец Серафим благоговел перед высотой непорочной избранницы, и она доселе стоит в памяти чтущих старца, вся окруженная каким-то таинственным светом, полная надземной неуываемой красоты...

Вступивший в родство с избранным о. Серафимом семейством Мелюковых, Николай Александрович Мотовилов, помещик Симбирской и Нижегородской губерний, родился в Симбирском поместье в 1809 году. Получив образование на филологическом факультете Казанского университета, он поселился в деревне и служил по дворянским выборам.

Как человек, пользовавшийся в своем округе общим уважением и доверием, он был избираем в должности совестного судии и смотрителя училищ по Корсунскому уезду.

Этот человек был исцелен о. Серафимом и потом через год получил от него заповедь служить Богоматери, заботясь о Дивеевской обители.

Мотовилов страшно страдал ревматическими и другими болями. Все тело его было расслаблено, ноги отнялись, были скорчены и в коленях опухоль. На спине и на боках были пролежни с ранами. Три года находился он в таком состоянии.

В начале сентября 1831 года из своего имения, сельца Бритвина, Лукояновского уезда, Мотовилов велел взять себя к отцу Серафиму. 7 и 8 сентября он имел с о. Серафимом два первые в его

жизни свидания и говорил с ним. 9 сентября Мотовилов привезен был к старцу, находившемуся в «ближней пустыньке»*.

Четверо слуг подняли его на руках, пятый поддерживал ему голову, и в таком положении принесли его к старцу.

О. Серафим был в это время окружен народом и стоял около большой сосны. Мотовилова посадили. Он просил старца исцелить его. Старец отвечал, что он не доктор, что от болезни надо лечиться у докторов. Тогда Мотовилов рассказал старцу, как он страдает, и что не один доктор не может ему помочь. Он лечился в Казани у знаменитого хирурга Фукса, лечился на минеральных водах, лечился у ученика основателя гомеопатии Ганнемана, и не получил никакого облегчения. Вся его надежда была на Бога; но, считая молитву свою слабою, он обращался к старцу, чтоб тот вымолил ему от Бога исцеление.

Внимательно выслушав старец тяжелую повесть 22-летнего страдальца и спросил его, как спрашивал некогда Мантурова, над которым впервые проявилась целительная сила старца:

— А веруете ли вы в Господа Иисуса Христа, что Он есть Богочеловек, и в Пречистую Его Божию Матерь, что Она есть Приснодева?

— Верую, — отвечал твердо больной.

— А веруете ли, что Господь, как прежде исцелял мгновенно и одним словом или прикосновением Своим все недуги, так и ныне по-прежнему так же легко и мгновенно может исцелить требующих Его помощи? Веруете ли, что ходатайство к Нему Божией Матери за нас всемогуще и что, по Ее ходатайству, Господь мгновенно может исцелить вас?

— Истинно всему этому верую, — отвечал Мотовилов, — а если б не веровал, то к чему бы велел везти себя сюда?

— А если веруете, — произнес старец, — то вы уже здоровы.

— Как здоров, — спросил больной, — когда вы и люди мои держите меня на руках?

* Место недалеко от Сарова, на берегу речки Саровки, где старец в последние годы жизни проводил большую часть дня, работал на огороде и принимал посетителей. Тут же и целебный Серафимов источник.

— Нет,— возразил старец: — теперь вы всем телом вашим совершенно здоровы.

О. Серафим велел мотовиловским людям отойти от их барина, взял Мотовилова за плечи, приподнял его и, поставив его на ноги, сказал: «Крепче стойте, не робейте. Вы теперь совершенно здоровы,— и потом прибавил,— видите ли, как вы хорошо стоите».

— Потому хорошо стою,— возразил Мотовилов,— что вы крепко держите меня.

Старец отнял тогда руки от Мотовилова и сказал: «Ну, теперь уж я вас не держу. Вы стойте крепко. Идите же смело, трогайтесь вперед!» И взял одну руку исцеленного, а другою, подталкивая его слегка в плечи, старец повел его по неровной дороге, говоря: «Видите, как вы хорошо пошли!»

Мотовилов утверждал, что старец его ведет, что сам он ходить не может, что, если старец отойдет от него, он упадет и расшибется.

— Не расшибетесь, а пойдете твердо,— уверял старец.

И тогда почувствовал Мотовилов какую-то снисшедшую на него силу, давшую обновление его больному организму; он бодро пошел вперед, как старец остановил его:

— Довольно,— сказал он.— Удостоверились ли вы, что Господь совершенно вас исцелил? Веруйте же в Него несомненно, всем сердцем возлюбите Его. Вы ослаблены тремя годами болезни: теперь не ходите сразу помногу, приучайтесь постепенно и берегите здоровье, как великий дар Божий.

Побеседовав еще с Мотовиловым, о. Серафим отпустил его. Он, за какие-нибудь полчаса до того еле вынесенный из коляски пятью людьми, теперь свободно сел в нее, и никем не поддерживаемый, поехал в монастырскую гостиницу, люди же его пошли туда пешком.

Это исцеление произошло на глазах народа, который видел, как внесли расслабленного и как этот расслабленный отошел от старца вполне здоровым.

Опередив Мотовилова, некоторые богомольцы, прибежав в Саров, рассказали о дивном исцелении. Когда Мотовилов приехал

в монастырь, настоятель и старшая братия на крыльце гостиницы встретили его, приветствуя с великою милостью Божиею.

В течение первых восьми месяцев по исцелении Мотовилов чувствовал в себе такой прилив сил, такой избыток здоровья, какого не испытал еще никогда в своей жизни.

Он стал часто ездить в Саров к своему благодетелю и много беседовал с ним. В одну из этих бесед, в ноябре 1831 года, Мотовилов видел старца в благодатном состоянии, сияющим светлее солнца. Тут старец открыл Мотовилову многое из будущности России.

Чем, как не восторженною привязанностью, благодарностью безграничною мог отвечать Мотовилов на благодеяние старца?

Быть недвижимым, полутрупом, в годы первой свежей молодости чувствовать себя как бы вычеркнутым из числа живых, отчаяться в помощи человеческой и мгновенно получить утраченное, казалось, навсегда здоровье, стать сильным, бодрым, бодрее прежнего, — получить все это без труда, задаром, верою одного человека: каковы могут быть чувства к этому, призвавшему вас вновь к жизни, возродившему человеку?

Как и Мантурову, Мотовилову не пришлось быть на похоронах целителя своего. Он был в это время в Воронеже, где часто навещал знаменитого архиепископа Антония*. 2-го января он пришел к архиепископу, который сказал ему, что в два часа пополудни о. Серафим преставился. Так как весть об этом событии не могла дойти в тот же день из Тамбовской губернии — Сарова в Воронеж, — то остается одно объяснение, что старец Серафим сам возвестил это Антонию. В тот же день архиепископ отслужил по о. Серафиму торжественную панихиду, 4-го Мотовилов выехал в Саров и прибыл туда 11-го, два дня спустя по погребении старца.

В Сарове Мотовилову рассказали, что старец, предвидя кончину свою, приказал написать ко многим преданным ему лицам,

* Антоний Смирницкий из наместников Киево-Печерской лавры был поставлен епископом воронежским. Отличался святостью жизни и милосердием. Открыл мощи св. Митрофана и обнаружил нетление св. Тихона Задонского.

чтоб ехали к нему; когда же узнал, что им невозможно прибыть, передавал свои предсказания о них.

Так, Мотовилова велено было предупредить, что он не успеет в намерении своем жениться на Е. М. Языковой и что ему готовится другая жена.

В жажде сохранить все черты жизни великого старца, Мотовилов отправился на родину его, в Курск, чтоб собрать сведения о детстве о. Серафима и о родителях его.

После этой поездки он занемог каким-то недомоганием нерв. Врачи не могли помочь. Тогда он отправился в Воронеж. Архиепископ Антоний объяснил ему, что недуг этот — месть врага рода человеческого за его труд для прославления старца, и стал часто приобщать его, от чего Мотовилов вполне оправился.

В 1840 году Мотовилов женился на родной племяннице избранной послушницы старца Серафима, Марии Мелюковой, в схиме Марфы — на Елене Ивановне, — и поселился окончательно в Симбирском своем имении.

Но, не живя постоянно близ Сарова и Дивеева, всем сердцем Николай Александрович интересовался судьбою этих обителей.

Слишком крепкие связи приковывали его к этим местам. Здесь получил он обновление своей жизни, и телесной, и духовной. Здесь свет благодати озарил его ум, и созрела под влиянием чуда, просиявшего над ним, решимость жить для Бога. В этих же местах выросла и жена его, родные которой, как и он сам, были близкие к о. Серафиму люди. Тесть его был инок Саровский. Тетка жены, Прасковья Семеновна Мелюкова, подвизалась в Дивееве.

Большого роста, величественный, с открытым лицом, мужественным светлым взором, с выражением какого-то особого благородства во всем существе, как-то можно судить по портрету: все во внешности Мотовилова соответствовало его прямому цельному характеру.

Дивеевские сестры помнят, как в приезды его в обитель он, любивший ставить свечи перед образами, купит, бывало, целый пук их и с высоко поднятой головой, своей величественной походкой, с развевающимися кудрями ходит по церкви, расставляя свои свечи.

Свою любовь к о. Серафиму ему привелось доказать на деле во время великой распри, возникшей в Дивееве по вине Ивана Тихонова. Тихонов возбудил часть сестер против настоятельницы, сумел обойти местного архиерея, который, вопреки мольбе почти всего Дивеева, решил низвести выбранную сестрами настоятельницу и поставить вместо нее начальницу, угодную Тихонову.

Мотовилов отправился тогда в Москву и сумел довести всю правду до сведения митрополита московского Филарета, который благоговел перед памятью о. Серафима.

Митрополит Филарет принял горячее участие в Дивеевском деле и, при мудрых его мерах, мало-помалу все пришло в Дивееве в тишину.

Так в память старца, быть может, спас Мотовилов старцеву обитель от печальной судьбы...

Дивен Серафим.

Но велики и избранники его: все цельные, крепкие, убежденные люди, которые все могли бы повторить слова поэта:

У меня в душе есть сила,
У меня есть в сердце кровь:
Под крестом — моя могила,
На кресте — моя любовь.

Содержание

Деяние Святейшего Синода	6
Весть о прославлении старца Серафима Саровского	12
Жизненный подвиг старца Серафима Саровского	20
Кончина праведных и последние дни земной жизни старца Серафима	81
Что оставил по себе старец Серафим	101
Легенда о старце Серафиме Саровском, императоре Александре I и императрице Елизавете Алексеевне	105
Из последних чудес старца Серафима Саровского.	112
Птенцы старца Серафима Саровского.	116

Е. Поселянин
**ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРАФИМ,
САРОВСКИЙ ЧУДОТВОРЕЦ**
(С новыми сведениями о старце)
С рисунками в тексте

Ответственный редактор *А.В. Блинский*
Технический редактор *В.П Коваленко*
Корректор *К.В. Шилова*

Православное издательство «Сатись»
199004 г. Санкт-Петербург.
В.О. 1-я линия д. 20 литер «Г» помещение 5Н;
e-mail: satis-redakt@yandex.ru

По вопросам приобретения продукции издательства «Сатись»
обращайтесь по адресу:
199004, Санкт-Петербург, В.О. Большой проспект д.1.
Интернет-магазин www.satis.spb.ru, тел.:
8-931-227-09-81
e-mail: satis_spb@mail.ru